

Перевод:

[https://www.baka-tsuki.org/project/index.php?title=Densetsu_no_Yuusha_no_Densetsu_\(Russian\)](https://www.baka-tsuki.org/project/index.php?title=Densetsu_no_Yuusha_no_Densetsu_(Russian))

Том 3. Жестокое пресечение мирного сна

Пролог I. Их будят...

Сны о прошлом по-прежнему навещают ее. В этих снах звучит громкий голос того мальчика; столько лет прошло, но она не забыла...

«Слушай. Держи меня за руку и не отпускай!»

Но она только и может, что застыть в глубоком оцепенении.

Все мертво вокруг. Все мертвы. Вихрь молний и пламени сжигает людей дотла...

Дети пробуют спастись бегством; взрослые громко хохочут. Плачь, кричи, умоляй о пощаде, признай себя слабым — ты будешь мертв.

А девочка только и может, что тихо плакать: «Что же это... такое...»

День за днем — лишь страх и изнеможение. День за днем здесь устраивают побоища, чтобы учить воспитанников. В приюте держат лишь тех, кто на что-то годен.

«Не хочу... Ненавижу все это...»

Она видит, как ее друзья — нет, ее братья и сестры — падают замертво. Они жили под одной крышей, болтали, дружили, но все это было вчера... а сегодня они умирают один за другим. А завтра, быть может, умрет и она сама...

Нужно бежать, потому что нельзя иначе. Нужно сражаться за свою хрупкую жизнь.

Но она слишком измучена.

«Мне уже все равно...» — это последняя ее мысль. Надзиратели уже близко, и они смеются над маленькой девочкой.

«Нам не нужны слабаки!»

Обнаженный меч поднимается над ее головой. Она не шевелится, зная, что желанная смерть близка. Желанная — потому что жить дальше и видеть, как погибают ее друзья, просто невыносимо. Она так боялась смерти, что не спала сотни ночей напролет... Но теперь страха нет.

«Дура! Ты что творишь?!»

Ее кто-то толкает в спину — и она вскрикивает, отлетая в сторону. Меч разрезает пустоту...

Бедняжка оборачивается и видит темноволосого мальчика. Офицер-надзиратель бьет его со всей силы: «Какого черта? Или ты тоже слабак?» Она мигом узнает своего спасителя. В Специальном научном комплексе Роланда #307 его знают чуть ли не все. Эти черные глаза...

Райнер Лют.

Он славится своим ясным умом и прекрасными результатами. А еще он весьма пригож, силен и ловок, и лицо у него очень доброе. В бою ему просто нет равных. Он знает магию. Он изворотлив, как ящерица.

На него равняются все воспитанники приюта, потому что он лучший. Райнер отличается от других, специальные тренировки сделали из него идеального солдата — хладнокровного и бесстрашного.

Вот бы стать такой же, как он... И тогда ничья смерть — ни чужая, ни своя собственная, — не устроит ее. Но если бы это было так просто...

Райнер смотрит на нее: «Как врежу тебе сейчас! Не смей сдаваться! Еще ничего не кончено!»

«А?» — она даже не понимает, что он ей говорит. Неужели он сердится? Но ведь Райнера невозможно вывести из себя!

Это знают все.

«Не понимаю...»

«Что значит "не понимаю"? — Райнер, слыша это, волнуется. — Я знаю, что ты способна на большее, чем просто сесть и сдать! А ну соберись! Живи и не думай о смерти! Гибнет столько людей, которые хотят жить... Тебе что, это все — игрушки?»

Что он такое говорит...

Почему я плачу...

«Иг... игрушки? Но ведь... Не хочу больше этого видеть! Все умирают...»

Она вдруг замолкает, потому что его лицо полно печали. «Я тоже не хочу... — то ли стонет, то ли шепчет Райнер. — И поэтому...»

С каждой минутой вокруг все больше и больше мертвых. Был человек — и вот уже его нет. Райнер закрывает глаза, лишь бы не видеть этого. "Хладнокровный" Райнер. "Бесстрашный" Райнер. Идеальный солдат по имени Райнер Лют... полон скорби.

У девочки перехватывает дыхание: он ведь тоже человек, и другие ему вовсе не безразличны... Он оплакивает погибших товарищей. И ему будет горько оттого, что он спасся, но не сумел спасти остальных. «Как и мне...» — думает девочка. Ведь он чувствует ту же боль. У них общее горе.

Но ему, в отличие от нее, хочется жить. Покуда хватает сил, он не сдается.

Ей казалось, что Райнеру незнакомо чувство вины. Поглядеть хотя бы на то, как с ним носятся воспитатели! Потому и она мечтала быть настолько способной, чтобы жить, не зная забот, в атмосфере всеобщего восхищения. Вот только она обманывала себя: беззаботной жизни в этом приюте не знал даже Райнер Лют. Не такой уж он и потрясный, как говорят. И ему ничуть не легче, чем остальным...

Ни одна из ее надежд не оправдала себя. «Но...» — шепчет девочка.

Печальные глаза вдруг распахиваются; Райнер делает быстрый шаг в сторону... А спустя миг молния бьет в то самое место, где он только что находился. Это просто невероятно... но она

сама видела, как этот мальчик увернулся от магического разряда! Неужели его глаза способны различать будущее? Он и в самом деле потрясный...

Видеть будущее... или видеть волшебство.

Теперь ясно. Она замечает в его темных глазах алые пятиконечные звезды. Это особенные глаза. Это Альфа Стигма.

Любой носитель «проклятых глаз» — это дьявол во плоти. Таких людей боятся и презирают. Вот Райнер поворачивается к ней, и его глаза насквозь видят все кругом. Он перехватывает взгляд девочки и резко зажимурируется, пытаясь скрыть свою тайну. У него вырывается тихий стон: теперь она знает, и ему страшно.

И тогда девочка улыбается. Она уже все поняла. Райнер вовсе не идеален, он тоже изведаль немало печалей. Раньше она ни за что бы не решилась...

Ему плохо. Ему нужна моя помощь.

Она медленно протягивает ему свою руку.

Его глаза широко раскрыты от изумления.

Но потом он берет ее за руку и помогает встать. А люди все умирают... Побоище продолжается. Райнер, озираясь, произносит: «Слушай. Держи меня за руку и ни за что не отпускай». И тогда девочка клянется, что не отпустит.

Потому что она боится того, кого называют монстром... Но еще сильнее боится, что он исчезнет.

Глава 1. Надежды на будущее

— Итак. Знакомо ли тебе слово «неудачная»?

— О Райнер Лют, гроза девушек, ты имеешь в виду свою личную жизнь?

— Вот чего ты к ней прицепилась? Давай оставим ее в покое. Ну хорошо, а «безнадежная»? Что говорит тебе это слово?

— Оно означает некую преступную личность, имя которой уже у всех на слуху. Твое имя, жалкий маньяк.

— Я не... Ах, да я ведь совсем о другом... — Райнер тихо вздохнул.

Было утро в нельфийском лесу. В просветах между деревьями смутно виднелась крепость; туда-то и были устремлены карие заспанные глаза. Их обладатель был рослым, худым, темным и взъерошенным. И хотя Райнер Лют был воплощением человеческой лени, отчего-то на нем красовался боевой доспех роландского мага-рыцаря. Белый нагрудник и синий плащ несколько ему не шли — с тем же успехом Райнера можно было завернуть в одеяло.

А позади него восседала на пне необычайно прелестная девушка. Солнце, проглядывая сквозь листву, играло на золотых волосах; на дивном лице синели большие глаза. И неужели эти нежные руки смогут вынуть этот огромный меч из ножен, привешенных к поясу? Девушка прекрасно умела держать лицо, что придавало ей особенный шарм. Она даже сидела с изяществом, достойным богини. Да она же и есть богиня — богиня красоты в кожаной кирасе!

Ей поклонялись. Ей признавались в любви...

Райнер? Тот обреченно вздыхал, глядя на нее.

— Ты меня слушаешь или снова придуриваешься?

— Я не притворщица, — дева едва заметно насупилась, — возмутительные намеки. Все равно что плевок мне в душу. Как ты можешь сомневаться мпа выбы ву-мам у-у-умы-мы ны бва...

— Прожуй сначала!!

Но — увы. Прекрасная Феррис Эрис целиком отдалась во власть данго.

Глубокий вздох, еще один...

— Ну, и как можно быть внимательной, если ты жрешь без остановки?!

— Хм, — воззрилась на него Феррис, — теперь ты сомневаешься еще и в данго...

— Ничего подобного! — огрызнулся маг. — Ешь, блин, твоя взяла. И слушай. Видишь вон ту крепость?

— Угу.

— Выглядит как обычная крепость, но если присмотреться, то можно заметить целый нельфийский гарнизон, который ее стережет. Они же мне не мерещатся?

— Угу.

— Итого: надежные крепостные стены и уйма людей, что эти стены охраняют. И это разумно, поскольку — если верить легенде — именно здесь хранятся местные Реликвии. Нельфа, само собой, глаз с них не спустит. Верно я говорю?

— Угу-угу.

— Внимание, вопрос! Ты не думаешь, что вся эта затея с проникновением и кражей артефактов — не совсем удачная и, откровенно говоря, безнадежная? В прошлый раз я так и не дождался внятного ответа. Ну?

Тут Феррис закрыла глаза и, судя по ее виду, действительно над этим задумалась. Машинально она отправила в рот последний шарик данго и запила чаем. А закончив завтракать, поднялась:

— Сегодня данго было — просто объедение. Ну, вперед.

— Сдурела?! Вот скажи, для чего я тут распинался?!

— Что за крики? — слабо вздрогнула Феррис. — Или ты тоже хотел данго? У меня нет больше.

— Плевал я на твое данго! — вскричал ее напарник. И тут же услышал резкое «свищ!»

Феррис молниеносно обнажила меч и приставила его к шее Райнера. Маг заскулил.

— Плевала я на твою болтовню, — сказала Эрис. — Если есть вероятность, что нужные нам Реликвии в самом деле там, то мы пойдем и найдем их. Ты, случаем, не забыл свой доклад? Уж

не ты ли писал, что нельзя допустить, чтобы такая мощь попала в чужие руки?..

— ...и уж не ты ли всюду твердишь, — Райнер мигом подхватил ее торжественный тон, — что если мы послушаемся пакостного Сиона, то твоя драгоценная данго-лавочка пойдет ко дну?

— Точно. Безмозглый узурпатор ставит под угрозу само существование лучшего магазина в Роланде. Кто, как не я, должен пресечь произвол?

Мечница настолько воодушевилась, что Лют даже замер.

— Эх... Давай не будем больше говорить о данго... Но вломиться вот так... не имея под рукой плана... Ты же понимаешь, как это опасно?

— Вот еще, — ответила та, убирая меч в ножны. — Ты серьезно?

— Насчет чего?

— Насчет охраны. Думаешь, они смогут нам помешать?

Райнер снова взглянул на крепость и, сложив руки на груди, впал в глубокую задумчивость.

— Э-эх... Ладно, попробую по-другому. Слушай, сегодня я явно встал не с той ноги. Сама, небось, знаешь, как это бывает. Ну, так вот, я проснулся и сразу подумал: «Не-ет, не пойду ни на какие занятия, надоело учиться...» А потом еще и живот заболел...

— И что?

— Да я это... Хреново мне, в общем, может, пойдешь одна?

Феррис хватило доли секунды, чтобы снова вытянуть меч из ножен. БЗЫНЬ! — и маг повалился навзничь.

— Ой. Что-то не так, Райнер? — девушка вернула клинок на пояс. — Падаешь на ровном месте.

— Будто не ты огрела меня по башке!

— Сначала живот, теперь еще и голова... Бедняжка.

Владелец Альфа Стигмы растянулся на земле, держась за ноющее темечко:

— Ай... А голову-то и в самом деле схватило. Прямо нестерпимо... Придется тебе идти без меня...

— Вижу я, как ты мучаешься, — перебила его напарница, — но не бойся, я избавлю тебя от мигрени. Летать будешь. И никакой боли, лишь легкое головокружение. Уверена, если отрубить тебе голову и пожонглировать ею, это поправит дело.

— Ты... ты чертова садистка!

— А ты думал, в сказку попал? — кивнула Феррис. — Ну, а теперь...

— Ай-яй-яй-яй-яй, не надо! Ничего я не думал, убери меч! Я все понял! И живот мой уже прошел! Я весь горю желанием пойти и захватить эту крепость! Обожаю свою работу!

Вдруг на лице Феррис появилась теплая улыбка, хотя синие глаза смотрели на Райнера с

прежней прохладой.

— Да, я знаю, как ты предан своему делу... Но меня все еще беспокоит твоя голова. Тебе не нужно терпеть эту боль. Доверься мне...

Поминутно дергаясь, Райнер направился к выходу из леса.

— Давно бы так, — прокомментировала Феррис. Ее меч смотрел юноше в спину.

— Знаешь, ты слишком строга ко мне. Я работаю на износ...

— Правда? Но вздремнуть после обеда — это мы всегда пожалуйста.

— Может, это мое призвание... Ай, я пошутил, пошутил, сам все знаю, только не убивай!

— Сколько мороки с тобой. Но что поделаешь, если это мое призвание — Райнера убивать.

— Мне бы хоть каплю твоей непринужденности...

За разговором они подбирались все ближе к хорошо охраняемой крепости.

...

В то же утро — уже не в империи Нельфе, но в Роланде, — прохладный ветер гулял среди молчаливых памятников, разнося всюду запах цветущих трав.

Это место было похоже на сон. И он, наконец, добрался сюда. Он — прекрасный и сильный духом король империи Роланд, человек с серебристыми волосами и золотыми глазами. Он — Сион Астал.

Война с Эстабулом в мгновение ока сделала из него, королевского бастарда, видную политическую фигуру; тогда же он обвинил своего отца в тирании и одним взмахом изящной руки развязал революцию. Ему еще не было и двадцати, но он уже был королем — талантливым, элегантным, харизматичным и очень любимым в народе. Горожане, близко знакомые с лордом Сионом, едва ли не почитали его святым. Наш король всегда весел, — говорили они, — он уверен в своих решениях и все делает для страны. Роланд ждал именно его, потому что он лучший.

Но были среди горожан и злопыхатели, знатные лорды, и для них недостатки Сиона были очевидны. Они убивали его людей, надеясь стереть улыбку с его лица... Но у Астала, похоже, не было сердца. Он и не думал горевать.

Те же, кто обитал вне городских угодий, короля никогда не видывали. Для жителей далеких окраин Сион был и царь, и бог, и они восхваляли этого человека. Или не человека? Где им понять его... У короля, должно быть, жизнь куда интереснее. Но страна будет процветать, покуда он правит ею.

Потому что он — Король-герой.

Но все они были неправы.

— Прости, что так долго...

Неустршимый, праведный государь — такова его роль. Золотые глаза уверенно смотрят в

будущее. Когда его доверенного помощника... его Фиоле... уничтожила оппозиция... Сион прятался за улыбкой. Ведь королю не пристало горевать о безродном мальчишке.

Но сегодня в глазах Сиона не было той уверенности: они потемнели, скорбно уставясь на могильный камень.

— Я правда хотел прийти раньше, Фиоле... Но после твоей смерти столько всего случилось: и Нельфа, и все эти отчеты... Все никак не мог вырваться. Ты, наверное, снова будешь пенять, что я вовсе не отдыхаю, гроблю свое здоровье? — и Сион грустно улыбнулся.

На этом кладбище хоронили простолюдинов — их закапывали в землю, тогда как тела умерших благородных предавали огню. В отличие от дворянского крематория, где царил излишний шик, здесь были простые могилы. И уж, конечно, кладбище бедняков прежде не удостоивалось внимания царственной особы.

Но Сион, король Роланда, встал на колени и прикоснулся к могильному камню с гравировкой «Фиоле Фолкал».

— Помнишь, я говорил тебе, что люди должны быть друг другу равными? Что однажды я упраздню классовое неравенство, что у всех будет право на счастье и мирную жизнь? Подумать только... каким напыщенным глупцом я был...

С ненавистью он ударил по земле кулаком.

— Я не могу одолеть их, как ни стараюсь! Из-за проклятых дворян мне нельзя было даже прийти на твои похороны! Мне пришлось украдкой выскользнуть из дворца, чтобы тебя навестить... Это я виноват в твоей смерти, Фиоле! Я был слишком слаб и не смог тебя защитить! А теперь тебя нет — и что толку быть королем? — Сион в ярости снова ударил оземь.

Но вдруг чьи-то пальцы словно клещи схватили его запястье.

— Сион, завязывай с дурной привычкой лупить что ни попадя. Убьешь руку к чертям.

Сион поднял голову: рядом с ним стоял мускулистый мужчина с огненно-рыжими волосами — двадцатилетний генерал-майор Клаус Клом. Во всем Роланде это был единственный человек, который не стеснялся называть Сиона по имени, пренебрегая титулами.

Сион был еще маршалом роландской армии, когда Клауса отдали в его руки. Теперь Клаус служил королю, охраняя его. Всем известный своей силой, он как никто подходил на эту должность.

— Говоришь ты, может, и верно, но вот делаешь... — Багровые глаза Клауса были печальны. — Только взгляни, ты разбил себе руку... Фиоле, небось, очень тобой недоволен.

Один взгляд на окровавленную ладонь — и Сион зажмурился.

— И в самом деле... — прошептал он.

— Ох-хо-хо, только этого не хватало. Сделай лицо попроще, не порть настроение. Мне сейчас самому не до веселья... От твоего кислого вида совсем худо делается.

— Что случилось? — мигом посерьезнел Астал.

— Эй, да не волнуйся ты так! Можешь хоть на минуту отвлечься от дел? Никому легче не

станет, если король сляжет от истощения.

— Как раз сейчас я ничем не занят, — пожал плечами Сион. — И все же я беспокоюсь, Клаус. Ведь ты никогда ни на что не жаловался.

— А почему бы и нет? — Клаус, похоже, обиделся. — Я тоже человек. И тоже бываю не в настроении.

Сион отчего-то повеселел. По крайней мере, его улыбка уже не была такой вымученной.

— Шутки в сторону, Клаус. Что тебя беспокоит? — поднялся он с колен.

— Есть у меня мечта...

— И какая же это мечта?

— Заветная. Да, заветная! И абсолютно несбыточная.

— О... — Сион склонил голову, — прямо не терпится узнать.

Генерал-майор сделал честнейшую мину:

— Я мечтаю, чтобы все женщины мира были моими!

— Чего? — король не смог скрыть удивления. — Ты это не всерьез, я надеюсь?

— Ладно, хорошо! — буркнул Клаус. — Сейчас поймешь, к чему я веду.

Сион раскрыл рот, да так и остался.

— Заветные мечты редко сбываются, — продолжил Клаус, — потому они и заветные. Верно?

— Продолжай...

Сион уже знал, что хочет сказать генерал-майор.

— Уж не веришь ли ты, что все желания королей обязаны исполняться? Что можно создать идеальный мир одним взмахом руки? Вот представь, что Король-герой — это я. И что, теперь женщины со всего мира явятся к моему порогу? — И увидев, как Сион качает головой, Клаус удовлетворенно кивнул: — Вот именно. Даже дети знают, что ради мечты приходится попотеть. И Фиоле знал. И поэтому он не станет винить тебя со своего облака. Понял?

— Да...

— Вот и не мучайся. Верно я говорю, Фиоле?

Клаус смотрел не на могилу — он взглянул в голубое небо. Мертвый молчал, но Клаус всё равно ухмыльнулся:

— Вот, он тоже согласен.

— Да... — Сиона согрела улыбка в глазах товарища. — Спасибо тебе...

— Только не вздумай целовать мне руки, — скривился тот.

Рассмеявшись, король вдруг озорно произнес:

— Пощади мои чувства! Знаешь, ведь я уже так давно... я люблю...

— Иди к черту! Меня сейчас вырвет. Теперь давай о деле.

— Самое время. — Сион запрокинул голову, совсем как Клаус минуту назад, и обратился к небу: — Сегодня я, наконец, познакомлюсь с твоей сестрой. Честно сказать, не знаю, как себя с ней вести...

— Но ты не волнуйся, Фиоле. Если твой господин ей не понравится, я сумею ее утешить...

— Да ей же всего четырнадцать! Даже не думай, Клаус! Головой будешь отвечать!

— Фиоле, ты слышал? Этот зануда вообразил, что может распоряжаться моей личной жизнью!

Сильный порыв ветра метнул ветку ему в лицо; здоровяк ловко пригнулся и вместе с Сионом застыл в потрясенном молчании.

Когда король снова заговорил, в его голосе слышался смех:

— Теперь понял?

— Уж не дурак, — и Клаус пожал плечами. — Вы оба просто невыносимы... Ладно, вычеркиваю девицу из списка всех женщин мира. И все на этом.

Двое друзей покинули кладбище, направляясь к месту встречи с младшей сестрой Фиоле.

...

Прогуливаясь по аллее, Сион держал в руках документы, предоставленные Калне Кайвелом — подчиненным Клауса и ещё одним старым знакомым с армейских времен. Калне постарался добыть сведения о девочке.

В этом году Эслине Фолкал минуло четырнадцать лет. Когда ей было восемь, их с Фиоле родители погибли в войне за тогдашнего короля. Брат и сестра очутились в детском приюте.

Впоследствии жалованья Фиоле — секретаря при Сионе Астале — хватило, чтобы Эслина покинула детский дом и даже смогла учиться. Прежде она не ходила в школу, и поначалу ее успеваемость была низкой... Но ради брата, которому было и так нелегко, Эслина делала все от нее зависящее. Способная от природы, она добилась впечатляющих результатов.

«А кроме того, — добавил от себя Калне, — секретарь из нее мог бы выйти ничем не хуже Фиоле Фолкала. Многие знакомые семьи Фолкалов (не учитывая завистников) называют ее «замечательной девушкой, очень похожей на своего брата». У меня сложилось такое же впечатление. Полагаю, она гораздо сильнее, чем кажется. Когда мы сообщили о гибели ее брата, она даже не плакала. Она приняла известие стойко, сохраняя достоинство...»

Дальше Сион читать не стал, вместо этого — передал досье Клаусу, который молча шагал рядом с ним.

— Надо сказать, отличная рекомендация, — заявил генерал-майор, ознакомившись с содержанием. — Так и вижу семейное сходство.

Астал кивнул:

— Я не верю, что Калне не преувеличил ее заслуг. Разве можно... принять такое спокойно... — и короля передернуло. Ведь Эслина осталась одна на всем белом свете; неужели ей хватило бы выдержки?..

«Чепуха, — вот что думал Сион, — так не бывает».

— И потом, она еще так юна...

Но Эслина уже трудилась не покладая рук, чтобы хоть как-то облегчить жизнь Фиоле. В этом, как успел убедиться Сион, она стояла своего брата. Фиоле из кожи вон лез ради нее. Он был страшно трудолюбив.

«И чем я ему отплатил?..»

Сквер, в котором они находились, был лишь одним из семи в столице. Еще три были настолько обширны, что каждый мог бы вместить по целому водоему для катания на лодках. Круглый год они радовали глаз дивными зелеными насаждениями, которым требовался особый уход — что означало большие затраты.

Однажды Сион и Фиоле, гуляя по этому самому скверу, мечтали, что когда-нибудь знать Роланда покорится... Вот тогда этот огромный сад можно будет снести — городу хватит шести других. А сэкономленные средства пойдут на более важные дела.

В тот день стояла теплая погода, и листву кругом оттеняли пышные краски — не то, что сейчас. Лужайки были усеяны яркими цветами. Глядя на них, Фиоле все говорил: «Хотел бы я сохранить это место нетронутым...»

Король возражал: «Неужели? Этот сквер чересчур велик и слишком дорого обходится казне. Мы могли бы потратить эти деньги с большим умом».

«Может, и так... Но без него город уже не будет таким... впечатляющим».

«То же самое говорят многие знатные лорды, Фиоле».

«Правда? И не зря. Вы только взгляните на всю эту красоту! Когда хочется отдохнуть душой, не думая о работе, лучше места и не сыскать... А вы как думаете, господин Астал? Уж вам бы не помешало гулять почаще! Совсем не заботитесь о своем здоровье! Исхудали-то как...» — сел Фиоле на любимого конька. Сион поспешно сказал: «Да-да, конечно!.. Но ты прав, здесь и в самом деле красиво».

«Вот и я говорю, — отвечал Фиоле, смягчившись. — Видела бы все это моя сестра...»

«Так привези ее».

«Это не так-то просто. Мой господин все время работает, значит, и у меня дел невпроворот. И ни минутки свободной, чтобы провести ее здесь, с сестрой».

«Я совсем тебя загонял?»

«О нет, вовсе нет, — качал головой Фиоле. — Мы с сестренкой еще успеем здесь побывать. Надеюсь, мой господин, вы захотите с ней познакомиться... Уже скоро с несправедливостью будет покончено, Роланд станет великой страной, и все его жители будут счастливы. Вот тогда

все успеется».

«Да, — отвечал король, — мы постараемся приблизить этот день».

«Долго ждать не придётся. Я верю в вас, мой король...» — говорил Фиоле, любуясь цветами.

Наверняка, он часто об этом думал. О том, что вот-вот наступит светлое завтра, и в Роланде будет не жизнь, а сказка...

Но и он ошибался.

Их уже ждали. Увидев Сиона и Клауса, Калне Кайвел помахал рукой и приблизился. У него был цветущий вид: светлые локоны вились, глаза отливали зеленью... Это сейчас он был придворным министром, но в революцию здорово рисковал головой, помогая Сиону.

— А вы не спешили, — воскликнул он, — мы уже заждались! Стыдитесь, Клаус!

— Почему сразу я? — парировал Клаус. — Почему не Сион?

— Да будет вам! Господин Сион замечательно пунктуален, — уверенно ответил Кайвел, — а вот вы, Клаус, еще ни разу не явились вовремя! Вспомнить хотя бы, как вы опоздали на randevу, а мне пришлось извиняться за вас перед леди! Вспомнили?

Клаус помрачнел:

— Дело давнее, так что хватит уже издеваться...

— Значит, давнее? Недели еще не прошло!

— То есть, по-твоему, неделя — это не так уж много?

— Представьте себе, не я один так думаю.

— Ах, вот оно что, — и генерал-майор холодно рассмеялся. — И все же за это короткое время ты завел шашни с тремя замужними дамами, всякий раз неудачно... Мне казалось, неделя — это немалый срок. Но тебе лучше знать.

— Что?! Откуда... как?! Господин Сион, вы не подумайте, я всего лишь... Я могу объяснить... — Калне судорожно пытался обелить себя.

— Просто поразительно, — ухмыльнулся Сион. — А правда ли, что еще до поездки в Нельфу ты гулял с леди Парл?

— Про это уже никто и не вспомнит, — ответил Клаус вместо него. — После леди Парл у него была по меньшей мере дюжина любовниц.

— А-а-а-а, да кто вам все это рассказывает?!

— Д-дюжина? — опешил Астал. — Но зачем так много? Остерегись, Калне: придет день, какая-нибудь из них проболтается остальным... Что тогда?

— А ничего, — расхохотался генерал-майор, — Калне дали отставку. Двенадцать раз.

— Угу... — обиженно протянул Кайвел. — Одни завели себе новых кавалеров, других едва не

выследили мужа... Вот и получается, что Калне никому не нужен. За что, Господи? В чем я провинился?

— И Он ответил: не прелюбодействуй! — хором возвестили Сион и Клаус.

— Угу... — снова обиделся Калне.

— Вот несчастный человек, — продолжил Клом. — Не трать время на замужних! От старух одни проблемы и никакого удовольствия.

— Уж вы бы помалкивали! Припоминаю, Клаус, ваш роман с замужней женщиной...

— Хорошо умничать! Она скрыла от меня свой брак!

Сион шутливо закатил глаза:

— Почему бы вам обоим не остепениться? Господа советники! Такое поведение бросает тень на мою собственную репутацию...

— Что вы такое говорите! Вы не понимаете, что говорите! Да я всего лишь ищу свою единственную! Это у Клауса нет никакой ответственности!

— Чего-о-о? Это уже чересчур! Сион, даже не думай сравнивать меня с этим извращенцем, который только и лазает по чужим балконам!

— Это кто извращенец? Это я извращенец? Да как у вас язык повернулся, Клаус!

— Да ты же! И что значит «нет никакой ответственности»? Ну-ка иди сюда, твой командир будет учить тебя должному почтению!

— Как можно! Я отношусь к вам почтительнее некуда!

— Что-то незаметно!

Громко ругаясь, Клаус и Калне заняли позиции; король смотрел на них и помирал со смеху. Конечно, эти двое не собирались драться (хотя такие ссоры между ними происходят часто). Но сегодня — день особенный. Зная, что встреча с сестрой Фиоле может расстроить Сиона, советники развлекали его по-своему. В разгаре шуточной схватки они украдкой бросали на него взгляды.

— Не стоит, друзья мои, — Сион улыбнулся. — Идемте же.

Он двинулся прочь. Клаус и Калне, придя в себя через минуту, догнали его и зашептались: «Из тебя никудышный актер! Видишь, он обо всем догадался!» — «Это вы виноваты, Клаус! А актер я хороший! Думаете, легко постоянно врать чужим женам о своих чувствах?» Секретничать они, однако, совсем не умели, ведь Сион слышал каждое слово. Но прикидывался глухим.

И вот они приблизились к юной девушке. Лицо ее выглядело знакомым; блестящие рыжие волосы ниспадали волной на хрупкие плечи; ореховые глаза смотрели на короля... Но тут же она потупилась и низко поклонилась.

— Я младшая сестра Фиоле Фолкала... Меня зовут Эслина.

Она была тоненькой, как тростинка. Но сильной. Это чувствовалось и в осанке, и в ясном

взгляде...

— Ах да! — Калне мигом встал подле нее. — А вот и она, господин Сион.

— Ты должен был сам представить ее! — прошипел Клаус.

— Не придирайтесь, Клаус!

Эслина взглянула на спорщиков и улыбнулась. На ней было самое простое белое платье. Украшений она не носила, лицо не красила. Заботливый брат присылал ей все свое скромное жалованье, чтобы сестрица ни в чем не нуждалась... И похоже, она не выбрасывала этих денег на ветер. (Сиону это весьма импонировало.) Эслина, как и любая молоденькая девица, наверняка мечтала о модной блузке или губной помаде... Но что было для нее по-настоящему важно — это любимый братец. Ради него Эслина училась со всем прилежанием и экономила на нарядах.

Король проникся большой симпатией к этой девочке. Он знал благородных дам, которые в погоне за красотой тратили баснословные суммы — так они маскировали собственную никчемность. Эслина же привлекала своей естественностью и обещала когда-нибудь стать настоящей красавицей.

Но любящий Фиоле этого не увидит. И тот, кто повинен в его гибели, не в силах этого исправить.

— Твой брат всегда заботился обо мне, — медленно произнес Сион, вновь опечаленный.

Эслина, напротив, радостно улыбнулась:

— Вы слишком добры... Я знаю, мой брат восхищался Его Величеством, и ваши слова его до слез осчастливили бы.

Она крепилась. Ее братец лежал в земле, но скорбь ее была светлой. «Его смерть — это моя вина...» — думал Сион. И тут Эслина сказала, глядя в его лицо:

— Прошу, улыбнитесь, Ваше Величество. Не расстраивайте Фиоле...

— Что? — только и вымолвил Сион от неожиданности. Ореховые глаза как будто видели его насквозь.

— Мой брат очень гордился тем, что служит Его Величеству. В своих письмах он то и дело упоминал о вас. Читая их, и я не могла нарадоваться. Но вы не должны грустить, иначе и мне станет грустно. Я считаю, мой брат умер счастливым. Он знал, о чем мечтает Его Величество, и сейчас покоится с миром. Так и я хочу поддерживать волю короля, как это делал мой брат, — сказала она.

Так значит, ей было отрадно знать, что он ушел на тот свет без сожалений... Но теперь Сион видел, что она лжет. В ее улыбке таилось страдание.

— Калне, — Сион прикрыл золотые глаза, — ей известно, отчего умер Фиоле?

Кайвел замялся:

— А? Ну... как бы...

— Калне! — рявкнул король.

— Виноват! Я... я сказал... то был несчастный случай...

— Вот как... — и Сион Астал глубоко вздохнул. — Смерть Фиоле не была случайной.

Эслина вздрогнула.

— Нет, господин Сион! — вскричал Калне. Но король не обращал на него внимания.

— Знатные лорды убили Фиоле, тем самым выступив против меня. Твой брат погиб, потому что я не смог их остановить. Так что теперь ты вряд ли захочешь служить мне.

Она молчала. Тогда Сион вынул из складок своей мантии последнее письмо Фиоле и передал его девушке.

«Эслина, — прочла она, —

Спасибо, что находишь время прислать мне весточку. Прости, но я подолгу бываю занят и не сразу успеваю ответить.

Эслина, твой дорогой братец рад узнать, что у тебя все хорошо, что ты здорова и прилежно учишься. Ты умница. Твои письма подбадривают меня, и я еще больше стараюсь. К тому же, мне очень повезло, что у меня такой хороший господин. Лорд Астал — великий человек. Он общается с простыми людьми на равных, для него благополучие Роланда важнее его самого. Я очень горд быть верным слугой и подданным Короля-героя. Хочется верить, что мне выпадет шанс представить тебя ему...

Ах, кстати, Эслина: Его Величество пожаловал мне лишние выходные, чтобы я смог провести их с тобой. Видишь, до чего он отзывчивый человек?

Я приеду в конце недели — мы с тобой так давно не виделись! Помнишь, всякий раз к моему приезду матушка стряпала ее фирменный сыр? Знаешь, сестренка, если научишься так же вкусно готовить, я уж сумею выдать тебя за хорошего человека. Да хотя бы за моего господина! Хотя мне и не пристало мечтать об этом~

Ну, вот и все. Надеюсь, что скоро свидимся.

Фиоле Фолкал».

Но больше они никогда не свидятся. Он так и не смог приехать на выходные.

Рука Эслины дрожала, сжимая окровавленное письмо. Девушка всхлипнула, стойкость в ее глазах уступила место слезам.

Все, о чем мечтал Фиоле Фолкал, было в этом письме: и скорая встреча, и светлое будущее, и счастье его сестры... Но мечты его так и остались строчками на бумаге, залитой кровью. Значит, его и в самом деле убили... жестоко убили...

Эслина пыталась справиться с рыданиями, но слезы хлынули через край. Она прижала письмо к груди и застонала сквозь стиснутые зубы.

Сион мог только смотреть.

— Из-за меня Фиоле остался без защиты. Нет, из-за меня он погиб. И не было никакого несчастного случая. Ты... все еще не передумала?

Эслина глотнула воздуха, чтобы успокоиться, и свободной рукой отерла заплаканное лицо.

— Я... очень сильно любила своего брата... — произнесла она. — Когда умерли наши родители, мы с Фиоле остались одни и заботились друг о друге. Мне было восемь, а брату — одиннадцать... И он всегда оберегал меня. Всеми силами... от любой напасти... Мы были очень разными: у Фиоле в руках все спорилось, а я совсем ничего не умела. Вот выучусь как следует, думала я, и буду ему помогать. Только... я и представить себе не могла, что он... уйдет так рано...

Она выдохнула, зажмурилась, не давая слезам пролиться. И продолжила:

— Я верю, мой брат был счастлив. С тех пор как он встретился с вами, Ваше Величество, только о вас и говорил. Вы столько для него сделали... и за это я отплачу вам верной службой. Пусть Фиоле мною гордится... — Тут она улыбнулась: — Я хочу занять его должность секретаря. Окажите мне эту милость, Ваше Величество... Уверена, братику это понравится.

Теперь уже Сион не проронил ни слова. «Разумно ли это? Что, если знать решит убить и Эслину? Я не смог защитить Фиоле... так неужели мне можно доверить его сестру?»

— Эслина очень способная для новичка, — вдруг произнес Калне, — и она ни в чем не уступит Фиоле. Готов поклясться, это исключительно одаренное дитя. Разве этого мало?

«Этого предостаточно, — думал Сион, — но проблема вовсе не в девочке». Король опасался, что вскоре ее постигнет все та же участь...

Но тут вмешался Клаус:

— С ней все будет хорошо. Даю слово. Пусть живет у меня, я сам о ней позабочусь...

— А ну-ка! — возмутился Калне. — Господин Сион, вы же ему не позволите? Клаус и не посмотрит, что ей четырнадцать, сделает то же, что и с другими!

— Что ты сказал?!

— Что слышали!

— Да я... Зато я люблю молодых и красивых, а не тех, кому гоюсь в правнуки!

— Чего?! Да как вы смее... при Эслине! Что она теперь обо мне подумает?

— Они всегда так? — и девушка засмеялась, наблюдая за ними. Ее смех был чистым и беззаботным. Тут она обвела взглядом окрестности: — Теперь-то я поняла, почему брат любил здесь бывать...

Сион тоже заозирался. Все кругом было еще в цвету, и хотя прежде король не разделял восторга Фиоле, нынче вынужден был признать: сад прекрасен.

— Не цветы ему нравились, а его господин, — с улыбкой сказала весьма проницательная Эслина. — Для короля у вас очень доброе сердце... Вы наш заступник. С вами преданные друзья... И поэтому я молю оказать мне честь. Знайте, что я не успокоюсь, пока не займу подле вас свое место. Хотя я и мала, но своего добьюсь!

— Что ж... — улыбнулся в ответ Сион. — С пристрастием Калне к замужним дамам нужно что-то делать. Полагаю, милая леди, общение с вами пойдет ему только на пользу.

— Как?! Господин Сион, вы заодно с Клаусом?! Вот так всегда!

Эслина вновь рассмеялась:

— Так значит, вы согласны? Я так счастлива!

Сион опустил глаза. Он не мог не отметить в ней силы духа. Смерть брата могла бы ее озлобить, побудить к отмщению подлой знати, настроить против Сиона, который позволил убийству свершиться... Но ни о чем таком она и не думала. Она просто жила и улыбалась каждому новому дню.

«Я бы не смог, — думал Сион. — Я не умею так улыбаться».

Как вдруг он вспомнил о матери: та умирала безродной собакой, в забвении и унижении... Но в свой смертный час и она улыбалась. Совсем как Эслина Фолкал.

И тут позади них раздался дьявольски холодный голос:

— Мой лорд, вы не ведаете, что творите. А вам, Эслина Фолкал, я советую ни на что не рассчитывать.

Обернувшись, Сион увидел мужчину, до сих пор остававшегося незамеченным. Мужчина благородных черт, темноволосый, почти такой же высокий, как Клаус, но намного более изящный... Люди в первую очередь замечали не его пленительную красоту, но эти синие глаза — две мерцающие льдинки. В них крылась тьма.

Сам Миран Фроаде всегда говорил, что такой человек, как он, очень нужен королю Роланда... вернее, будущему властителю всего континента Менолис. Сион также признавал таланты своего нового советника. На нелегком пути к мировому господству Фроаде делал самую грязную работу. Ему была дана полная свобода действий, и за что бы он ни брался, будь то помощь Сиону, Фиоле или особенные дела, — все исполнялось в срок. И хотя он предпочитал радикальные методы, совесть его не мучила. Такой вот человек...

Разумеется, Клаус и Калне терпеть его не могли.

— Ты-то откуда здесь взялся? — рыкнул генерал-майор.

— Здесь? Позвольте, я всего лишь прогуливался, как обычно, — устремил на него Фроаде ледяные глаза.

— Не строй из себя идиота! Где ты прятался? Кто разрешил тебе нас подслушивать?! Думаешь, я не понял, что ты нарочно подкрался поближе?

Он был прав: Фроаде умело маскировался. Настолько умело, что ни опытный Сион, ни Клаус с его инстинктами не смогли его обнаружить.

Но Фроаде пожал плечами:

— Не сердитесь, генерал-майор. Я и не думал прятаться. Я заметил вас с этой девушкой, поэтому подошел. Миледи кажется мне знакомой... Похоже, это младшая сестра покойного Фиоле Фолкала. Эслина, я прав?

— Что тебе нужно? — спросил Клом.

Неожиданно Миран Фроаде вытянул вперед свою руку с черным кольцом... и указал ею на Эслину:

— Мне нужна ее смерть.

— Что?!

— Вы...

В ту же секунду Клаус и Калне приняли боевую готовность. В сквере запахло хорошей дракой. Но Фроаде склонил голову:

— Ах... Вижу, вы оба готовы на меня наброситься. Генерал-майор, чем вас так удивили мои слова?

— Следи за языком, мрачный ублюдок! Ты ее не получишь.

Фроаде смерил Клауса долгим взглядом.

— Вы хотите сказать, — улыбнулся он, — что будете защищать Эслину Фолкал?

— А то нет!

— Странно. Мне казалось, вам велено защищать господина Астала. Что вам до Эслины? А вы, Калне? Неужели и вы собираетесь вступить за девушку, которой однажды наверняка захочется отомстить Его Величеству?

— Да разве я... Да я же... — пролепетала Эслина.

— Эслина не такая! — крикнул Калне.

— Я ведь прав? — полковник уставился на Эслину. Та дрожала от страха, глядя в бездну его очей. Ее наконец подвело самообладание.

— Я... я не стану, поверьте... Братец не простил бы мне...

Теперь улыбка Фроаде была почти неразличимой:

— Не станете. Послушайте, мы могли бы объединиться. Я укажу вам верную цель. Эта страна устала от гнета алчной аристократии. Если вам хочется отомстить за вашего брата, не сомневайтесь, я помогу. Ваше тело начнет увядать еще очень скоро, для знати оно может стать чудесной приманкой...

— Еще слово — и я тебя размажу, — предупредил Клаус Клом.

— Эслина этого не захочет! — добавил Кайвел.

— Не захочет? Но разве она не любит своего дорогого брата?

— Довольно, Фроаде, — негромко, но твердо сказал Сион. — Ни я, ни Эслина этого не желаем. И не вздумай ее заставить. — Он взглянул на потрясенную девушку: — Фиоле этого не допустит. Не тревожься, дитя.

Эслина вздохнула с громадным облегчением, и Сион молча кивнул. А затем метнул во Фроаде яростный взгляд.

— Я подвел вас, мой лорд? — спросил полковник.

— Да.

— Нижайше прошу прощения, — Фроаде склонил голову, пряча улыбку. И тут же произнес как ни в чем не бывало: — Ах да, позвольте вам снова напомнить...

Сион нахмурился: в последнее время Фроаде часто заговаривал о вторжении в Нельфу.

— Ничего не желаю слышать, — сказал король. — Для войны с нельфийским престолом у нас нет ни единого повода.

Клаус, Калне и Эслина хором ахнули от удивления.

— То есть?! Сион, что это значит?! — взревел Клаус. — Эта мразь хочет, чтобы мы воевали с Нельфой?!

— Вы же это не всерьез? — вторил Калне. — А как же союз? Зачем, по-вашему, нужна была эта поездка?!

Эслина, казалось, потеряла дар речи. Об ужасах затяжной войны народ империи Роланд знал все. Познавши горе, все ждали мира, а не нового кровопролития...

Но Фроаде сказал:

— Все складывается наилучшим образом. Пока мы сохраняем с Нельфой хорошие отношения, она остается для нас уязвимой. Вторжение Роланда застанет ее врасплох. Если мы нападем сейчас, то несомненно одержим верх.

— Мразь... — Клаус смотрел на него с лютой ненавистью. — Крови тебе захотелось...

— Генерал-майор Клом, что вы знаете об империи Стоул? — невозмутимо спросил Фроаде.

— Что? Ну, конечно, я знаю о Стоуле. Это самая большая страна Северного Менолиса.

— Верно. Север находится очень далеко от нас, поэтому Стоул нам не угрожает. Но не следует забывать, что эта империя в пять раз больше Роланда. Соответственно, Стоул сильнее нас и в плане военной мощи. И это не единственная страна, которая превосходит Роланд в том или другом. А что вам известно о Гастарке?

— Что еще за Гастарк? Никогда не слышал.

— Раньше Гастарк был небольшой развивающейся страной, господин Клом, — неожиданно сообщила Эслина. — Но с недавних пор Гастарк наступает и завоевывает; два северных государства уже вошли в состав его территорий. И теперь он воюет с империей Стоул. Боюсь, господин Фроаде хочет сказать, что континент Менолис стоит на пороге глобальной войны, какой прежде мы и не видывали.

Клаус и Калне в изумлении покосились на нее. Фроаде кивнул:

— А барышня кое в чем понимает. Настанет день, когда враг куда более сильный, чем Эстабул,

объявит войну и Роланду. И думать об этом нужно уже сейчас. Мы должны быть готовы.

— И поэтому мы должны захватить империю Нельфу? — фыркнул Клаус.

— Но зачем нам ссориться с Нельфой? — заметил Калне. — У нас есть и еще один верный союзник — империя Руна. Если Нельфа, Руна и Роланд объединят усилия, то никакой враг не заставит нас...

— Это ничего не даст, — покачал головой Фроаде. — Стоул, как и Гастарк, живет по законам военного времени. Обычным союзом их не победить. И потом, я не думаю, что бесхребетная нельфийская аристократия будет нам хорошим подспорьем. Они покушались на нашего короля, и никакой кризис их не заботит. Много не навоюют.

Клаусу с Калне нечего было возразить, поскольку Фроаде был прав. Сильная страна-агрессор мгновенно разрушит любой альянс с нельфийской знатью...

Но Сион сказал:

— Даже если и так, забудь о вторжении в Нельфу, Фроаде. Я ясно выразился?

— У нас нет на это времени, — согласился Клаус.

— Как и сил, — добавил Калне. — После присоединения Эстабула Роланд стал большим государством, но так кажется только на первый взгляд. Мы слабы и не можем сносно контролировать собственную провинцию. Лично я бы не стал задирать соседей, пока существуют внутренние проблемы.

— Пожалуй, вы правы, — признал Фроаде. — Ситуация сложная, и я рад, что Его Величество отдает себе в этом отчет. Я вынужден снова поднять вопрос, который мы обсуждали совсем недавно...

Сион изменился в лице:

— Так вот к чему ты завел этот разговор...

— Именно. Вопрос более не терпит отлагательств. Но прежде чем приступить к нему... Ваше Величество, лучше, если мы останемся наедине.

— Мне очень жаль, друзья мои, — кивнул Сион. — Ступайте.

— Подожди, Сион! Ты не хочешь объяснить...

— Клаус! — повысил голос король. Генерал-майор тут же смолк и бросил на Фроаде неприязненный взгляд.

— ...Черт. Ну, все понятно. Опять эти ваши тайные делишки... Но мы к этому еще вернемся, понял, Сион?

— Разумеется, — и Сион улыбнулся ему.

— Ну, тогда по домам. За Эслиной присмотрит Калне. Возражения есть?

— Нет.

— Все за мной, — буркнул обиженный Клаус, поворачиваясь спиной.

— Подождите меня!.. Всего доброго, господин Сион! — Калне бросился вслед за ним.

Эслина встревоженными глазами взглянула на короля. Сион махнул ей рукой, призывая к спокойствию, и девушка с поклоном удалилась.

Когда товарищи скрылись из виду, мрачный король обернулся к Фроаде:

— Итак?

— Ваше Величество, — советник холодно улыбнулся, — как я уже говорил, наша страна оказалась в невыгодном положении. Пока мы не решим давний спор с провинцией Эстабул, о Нельфе можно и не мечтать.

— Да, это верно. Как поживают эстабульский монарх и его свита?

— С ними все улажено. Жизнь в кругу роландской знати показалась им участью более предпочтительной, нежели смерть на войне. Вы даровали им титулы и привилегии, а они взамен объявили капитуляцию. Нет, здесь не о чем беспокоиться.

— Но проблема есть?

— И она заключается в лордах из числа тех, кто не готов так просто продать свое королевство. Поскольку войны как таковой и не было, эти люди не признают капитуляцию. Они считают, что власть в Эстабуле принадлежит королевскому Дому. В то же время на короля и дворян, предавших интересы страны, многие затаили злобу. Недовольные заручились поддержкой простого народа; они угрожают нам и без всякой армии.

— Дворяне, которых заботит судьба страны... — Сион обхватил себя руками. — Настоящие поборники революции. Мы могли бы с ними сотрудничать...

— Сомневаюсь, — глаза Фроаде сверкнули. — Нам некогда искать компромисс. Я предлагаю расправиться с эстабульской знатью.

Лицо Сиона потемнело.

— Нет... Это неправильно.

— Я знаю, — своей улыбкой Фроаде снова напомнил демона. — Вы честны, мой король, и справедливы. А верные Эстабулу дворяне хотя и ропщут, но не заслуживают такого. Но что, если они поднимут мятеж? Никто не усомнится в вашем праве жестоко карать изменников.

Король молчал.

— Вот послушайте: если бы наш соглядатай раздул искру недовольства среди заинтересованных групп... Если бы все эстабульские аристократы собрались в одном месте... Если бы до Вашего Величества дошли слухи о мятеже... Полагаю, мы бы легко с ним покончили.

В голове не укладывалось! Полковник предлагал подтолкнуть дворян Эстабула к мятежу, обвинить их в измене Роланду и казнить! Но если подумать, у этого плана были и преимущества. Мертвыми эти люди уже не будут опасны для правящей власти. А показательное подавление мятежа припугнет и заставит забиться в норы других

оппозиционеров.

Но с другой стороны...

— Это подло, — мрачно сказал Сион, — так мы настроим против себя весь Эстабул.

— Я же сказал — «если бы»... — усмехнулся Фроаде. — Конечно же, вам, мой лорд, и в голову не придет подобная подлость. Я всего лишь предполагаю...

— Ваше Величество, — к Сиону вдруг кинулся незнакомый мужчина, — беда! Знать Эстабула затеяла объединенное восстание!

Разумеется, Фроаде был первым, на кого упал взгляд Сиона. Полковник пожал плечами:

— Какое совпадение! Теперь вы не сможете долго оставаться в стороне. Вы поступите как честный человек... или как настоящий король? Лично я поддержу любое ваше решение...

— ...Кто у них главный?

— Случайно знаю наверняка, — ухмыльнулся Фроаде.

«Черт бы его побрал», — лихорадочно думал Сион. Вот и шанс приструнить Эстабул раз и навсегда... Перед лицом глобальной войны Роланд должен стать как можно сильнее. В скором времени он завоюет весь Юг ради всех — ради роландцев... и эстабульцев.

«Но все это... все это...»

...Сион Астал уверенно поднял голову и отдал необходимые распоряжения.

— Я повинуюсь... — с улыбкой ответил Фроаде и поклонился.

Глава 2. Встреча с той девочкой

...Над крепостными стенами потрудились: окна забиты наглухо, щели законопачены и ни единой лазейки. Оставался главный вход, но его нельфийцы взяли под усиленную охрану — птица не пролетит, мышь не проскочит. Такие серьезные меры явно ведь неспроста...

В нельфийской крепости царил тишь и благодать. Дул свежий ветерок. Бдительные часовые несли утреннюю вахту. Ничто не предвещало...

Райнеру с Феррис хватило окаянства выйти к главным воротам и без всяких затей вырубить стражу. Эрис занялась этим лично, со знанием дела. Из восьмерых стражников ни один не успел поднять тревогу.

— Ну, прояви хоть немного благоразумия, — вел свою партию Райнер Лют, — в подобной ситуации нельзя действовать наобум. Мы могли бы поискать черный ход, влезть тихо и незаметно... Чтоб все как положено!

А положено ли вообще вторгаться на частную территорию? Впрочем, они уже были внутри, вдвоем шли к подвальной лестнице на поиски артефакта. Не успела Феррис ответить напарнику, как вдруг их окликнули:

— Кто здесь?!

По ступенькам к ним неся нельфийский солдат. Феррис, на его беду, среагировала мгновенно. «Ха!» — она вскинулась и огрела его по шее ребром ладони. Солдат рухнул беззвучно; Феррис как будто перевела дыхание. И направилась дальше:

— Все точно по плану. Мы мастера стелса.

— Не знал, что у нас по плану силовой захват крепости... Нет-нет, развлекайся, я и не думал мешать...

Аккуратно обойдя бесчувственное тело, Райнер поспешил за ней. Спускаясь по подвальной лестнице, оба чувствовали себя как дома.

— Так Расскажи мне, — произнесла красавица, — что за Реликвию могут здесь прятать?

— А? Ну... думаю, нечто вроде... меча.

— Вот как?

Райнер скрестил руки на груди:

— Есть про него легенда... «Приидя из земель далеких, — начал вспоминать маг, —

Сей нес живому смерть; жестокий

Пламень небо озарил

И ночью свет дневной пролил.

В час долгий смуты и сомнений;

И рай земной, и мир подземный

Сей в сумраке похоронил...»

— Лучше объясни на пальцах.

— Не могу, — растерялся Райнер. — Всякая легенда должна с чего-то начинаться. Потерпи пролог, дальше все ох как закручено, вот увидишь!

Увы, прекрасное лицо его напарницы не выказало должного интереса.

— Верю, та еще тягомотина. Так чем все закончилось?

— Эх... И вовсе это не скука. Не хочешь — ну и ладно, — Явно разочарованный маг неохотно продолжил: — Короче говоря, в прологе появляется Король Демонов.

— Что, настоящий?

— Самый что ни на есть. И вовсе не человек-узурпатор, как в случае с "Императором Тьмы"... Итак, Король Демонов прибывает «из земель далеких», чтобы ввергнуть мир в пучину хаоса. Только представь себе!..

— Угу, — равнодушно ответила Феррис.

Парень вздохнул:

— Жуткая тварь хочет поработить весь мир, а ты — «угу»...

— Это же не взаправду.

— Ой ли? Выходит, мы зря тратим жизнь вдали от родины.

Тут Феррис пожала плечами:

— Как по мне, разобраться с Реликвиями гораздо важнее, чем знать, что за твари ими владели.

— А по-моему, так интереснее, — протянул Райнер. — Ну, да ладно, не это главное. По сюжету, могучего Короля Демонов победил рыцарь Клаус Габардые — прославленный легендарный герой. Сразивший монстра меч сэра Клауса уже после его кончины был захоронен где-то в этих местах... Думаю, именно здесь.

— Ясно.

— Но достать это оружие из тайника не дано никому. По крайней мере, так говорят.

— Как такое возможно? — Феррис склонила голову набок. — Тогда откуда ему взяться в этой крепости?

— А вот, — важно кивнул Райнер. — Нет такой силы, что бы вытащила на свет легендарный меч. И слава богу! Не то от желающих попытать удачу было б не протолкнуться.

— Но что-то я не вижу кругом пытливых фанатиков.

— Вот я и подумал: вероятнее всего, эту крепость возвели для отвода глаз. Выставили охрану якобы для защиты памятника старины...

— А на самом деле они охраняют... — Эрис прижала руки к груди. — Да, в этом есть смысл.

— Именно. Постой-ка...

Уже в самом конце лестницы Райнер отчего-то занервничал. Они попали в огромный подвальный зал. Его освещали тусклые лампы, их не хватало, чтобы рассеять вязкий полумрак.

Маг прищурился в темноту:

— Как бы я хотел, чтобы Реликвия героя действительно лежала здесь~

— Верно, иначе я выбью из тебя...

— Да тише ты! Там кто-то есть... — почёсывая подбородок, Райнер указал в другой конец зала.

На секунду ее взгляд затуманился...

— Да, их восемь. Должно быть, охраняют зал.

— Так, ладно... Они нас не заметили. Как думаешь, что нам...

Райнер осекся: мечница ринулась в темноту. Он насчитал восемь вскриков, прежде чем слышался ее голос:

— Все чисто. Давай, у нас мало времени.

Теперь зачесался еще и затылок.

— Ну, ладно... — пробормотал юноша. — Но учти, я этого не одобрил.

Осматривая зал, он быстро наткнулся на скопище старых сундуков. Так-так-так, похоже, напарники забрели в сокровищницу... Поразительное было место: всюду чисто и ни пылинки, лишь сундуки покрыты налетом времени.

— Отлично, — произнес Райнер, — ну, и какой из них наш?

— Хм? Открой их все да проверь.

Но маг помотал головой:

— Это было бы слишком просто. Мы должны угадать, в каком из них лежит нечто ценное. Но если вскроем не тот сундук — угодим в капкан!

— Ты уверен?

— Уверен. Это ж военная хитрость, есть куча примеров...

— Угу. И как мы поймём, где Реликвия? — спросила Феррис.

— А? Ну-у... — Лют внимательно посмотрел на древние ящики. Только бы не ошибиться и не выставить себя полным дураком... Иначе зря они все это затевали.

Он тщательно проверял сундуки один за другим: есть ли ловушки? Или опознавательные знаки? Или что другое? Наконец, он закончил и решительно поднял голову:

— В общем, так! Я не знаю, в чем здесь подвох, но мы должны открыть... все. Вот.

И Райнер с опаской покосился на Феррис.

— Что ж, так и сделаем, — мирно ответила та.

— Кажется, ты забыла по мне проехаться, — грустно произнес маг.

У него на глазах Феррис откинула крышку первого сундука, и тогда они вместе заглянули внутрь.

Да здесь же сплошная макулатура! Уж точно не меч и даже не старые свитки... В сундуке были стопками сложены деловые бумаги. Никаких Реликвий не было и в помине — как и опасных ловушек.

Тут раздался бесцветный голос:

— До чего хитроумно, Райнер. Сама не пойму, как жива осталась.

— Э-э-э... Лучше молчи.

Сообща они вскрыли оставшиеся сундуки — и нашли только новые документы. Эрис выудила из стопки бумагу и пробежала глазами. Сунула ее Райнеру:

— Объясни-ка вот это.

— А? Это еще зачем?..

Райнер быстро смекнул, что у него в руках. В сундуках да под охраной хранились бумаги местного губернатора, которые подтверждали его налоговые преступления.

— Значит, крепость была... для этого?..

— Похоже, — кивнула Феррис.

— А... а как же Реликвия? — мага пробила дрожь.

— Без понятия.

— Подняться в такую рань... с таким трудом... и ради чего?

— Вот ты мне и объясни. Но одно знаю точно...

— А?

Райнер поднял глаза и увидел, как девушка обнажила меч.

— ...можешь прощаться с дурной башкой.

— А-а-а-а!! Стой-стой-стой! Терпение, Феррис! Всем свойственно ошибаться! Но... но зато у меня есть другие наводки! На другие Реликвии!

Меч опасно накренился; Феррис сощурилась:

— Жалкие отговорки.

— Да нет же! Говорю тебе, мы уже близко! Карта, должно быть, неточная... Крепость находится чуточку в стороне от того места, где нужно искать Реликвию!

— Продолжай.

Райнер сделал шаг назад:

— Ну... это... Помнишь место, где мы вчера стояли лагерем? В лесу...

— Угу.

— Ну, вот, значит, где-то там и есть... — Еще шагочек. — Меч, я имею в виду... Нужная точка как раз в том районе...

— Ага. И я узнаю об этом только сейчас.

— Так меча-то мы не нашли, — маг семенил с нарастающей скоростью, — значит, кто-то его уже отыскал... А может, его вообще там не было... Или он там, но глубоко в земле... Ты... ты же не заставишь меня копать? Я не создан для этой работы. Выкапывать тысячелетний артефакт не так уж просто... А ты как думаешь? И я... Я, в общем... молю о прощении, — выпалил Райнер, — не убивай!

Феррис подняла свой клинок... но неожиданно острие указало в дальний угол, минуя Райнера.

— Кто здесь? Я знаю, что вы за нами наблюдаете, — ее голос был в несколько раз громче

обычного и разнесся по залу эхом.

— Да-да, — Лют посмотрел туда же, куда и меч, — если хотели напасть, то, может, уже начнете?

В зале по-прежнему было темно, лампам не доставало яркости, поэтому в уголке не виднелось ни тени, ни силуэта... Хотя Райнер и Феррис чувствовали двоих. Не солдаты-нелфийцы, нет, — те бы послали за подкреплением. Эти же молчаливо следили за магом и мечницей, оставаясь в тени. Похоже, они не желали зла.

— Вот засада! — наконец, прозвенел сердитый девичий голос. — Братец Суи, я же просила не шуметь! Из-за тебя нас заметили!

— А? Из-за меня? — слышалось неуверенное.

— А то! Ну, зачем я с тобой связалась? Ведь знала, что от тебя никакой пользы! Ты идиот! И тормоз! И идиот!

— Да знаю я, знаю... Прости, Куу, попали мы в передрагу... Что же нам теперь делать?

— Ясное дело, сматываться и побыстрей!.. В кои-то веки ворота стоят распахнутые, охраны не видать, — вдруг запричитала девчонка. — Мы и подумали: самое время залезть в сокровищницу... и вот мы в плену! Ах, что же делать! Вот ужас-то, ведь она перерезала всех солдат!

— О, я понял, Куу! Нет, ничего не говори, я сам догадаюсь! Ты... тянешь время?

— А-а-а-а-а-аргх, черт возьми! — снова рассердилась она. — Братец, ты еще больший идиот, чем я думала! Я специально говорю так, чтобы ей было слышно! Пусть забирают себе сокровища, а взамен отпустят нас восвояси! Эй, вы слышали?! Нам незачем ссориться!

— И как с ними быть? — спросил Райнер у мечницы.

— Хм. Все равно в этих сундуках нет того, что мы ищем, — громко сказала Феррис. — Но для вас двоих что в них ценного?

Услышав это, из темноты показалась испуганная Куу. Райнер и Феррис сразу почувствовали ее напряжение.

— Нет, нет, нет! Нас не обманешь, правда, братец Суи? Вы пытаетесь нас надуть! Перед таким богатством никто бы не устоял!

— Кроме меня. Мне не нужны сокровища, — подал голос Суи.

— Что-о?! Но ты же так сюда рвался!

— Я ведь уже говорил: Нельфа стережет эту крепость вот уже много лет, как зеницу ока. Здесь должно быть сокрыто некое чудо... Тайны всегда манят, и к ним я как прозаик не могу остаться равнодушным...

— Ты с ума сошел?! Да если б мы что-нибудь заработали на твоих сказочках! Вот почему я ненавижу писателей! Тебе уже двадцать шесть стукнуло, а в карманах до сих пор пусто! Бедная четырнадцатилетняя девочка всем тебя обеспечивает! Что, не стыдно?!

— Ну... да... Стыдно...

— Ага! Я не могу влюбиться, не могу выйти замуж и вообще напрасно трачу свою юность, присматривая за недотёпой-братцем! Вот посмотрим, останусь я в старых девах... Ты этого хочешь? Этого, я тебя спрашиваю?

— Ах... если подумать...

— Тебя совсем не волнует, что твоя сестра будет в старости одинокой и немощной?

— Одинокой и немощной... Вот беда, Куу. Я хочу, чтобы ты была счастлива.

— Все в твоих руках!

— Ах да, сокровища... Пожалуй, они нам пригодятся... ведь правда?

— Ну конечно! Все, идем! Теперь они нас не тронут! Идем же! А ну расступись!.. — и та стремительно выскочила на свет.

Что ж, тонкая и нежная Куу была весьма очаровательна — наверное потому, что казалась меньше своих сверстниц. На ней было черное платье; длинные волосы редкого розового оттенка были заплетены в две косы. Ко всему этому прилагались симпатичное личико, красивые синие глаза и дерзкий голос.

Хлопнув в ладоши, она отвесила Райнеру с Феррис поклон:

— Я — девица на выданье, но какое у меня приданое? Так что... не могли бы вы поделиться сокровищами? Ах, братец Суи, скажи хоть ты им!

И она выволокла к ним Суи. Он оказался высоким (но Райнер, пожалуй, был выше) и хилым, на вид совсем безобидным. Неловко посмеиваясь, он щурился, как слепой котенок; оставалось только гадать, какого цвета его глаза. Брат и сестра были очень похожи: его волосы тоже были розовыми, он закалывал их причудливым гребнем.

Суи поклонился в той же манере:

— Подайте на свадьбу Куу.

Похоже, дикая алчность мешала им мыслить здраво.

— Блин, неужели еще не дошло? — закатил глаза Райнер.

— Чего не дошло? — Куу склонила голову.

— Здесь нет никаких сокровищ! А вообще, если вам так надо — забирайте все. Дарю.

Едва он закончил говорить, как брат и сестра метнулись к сундукам.

— Что за ерунда?! Где сокровища?! — раздалось спустя пару минут.

— Только взгляни, Куу, — заливался Суи, — выходит, что губернатор ворует народные денежки... Да ведь это идея! Деревенский юноша и влюбленная в него девушка восстают против нечистого на руку вельможи... Ах, пришло озарение! Я напишу великий роман!..

— Который все равно не будет продаваться! — съехидничала Куу.

Забавно, до чего он сразу осунулся; вдохновения как не бывало.

— Ах, Куу... Если б ты только в меня поверила...

Но Куу не слушала брата.

— Говорите, где сокровища! — напустилась она на Райнера с Феррис.

Лют вздохнул:

— Их тут нет...

— Вы умыкнули?!

— ...и не было.

— Тогда что вы здесь делали?

— А? Да мы искали артефа... Нет! — взвизгнул Райнер, внезапно почуввав неладное. — Стой, говорю!

БАЦ!

Феррис одним ударом уложила напарника, затем вернула меч в ножны и соврала, не моргнув и глазом:

— Мы — офицеры нельфийской армии, ведем служебное расследование по приказу самого императора.

— Зачем драться-то?! — рывкнул Райнер, держась за звенящую голову. Продолжать не решился: Феррис ткнула его каблуком под ребра.

— Ты соображаешь, что несешь? — прошелестела она. — Или не в курсе, что наша миссия строго засекречена?

— Но... но драться-то заче... А!

Райнер взвыл, держась за самое больное место. На лице Куу появилось сомнение💎:

— Приказ императора? Что, правда?

— Так точно, — кивнула красавица. — Наша миссия — защитить народ от бесчестных представителей власти. Нам доложили, что местный губернатор, господин Фей, в последнее время вел себя подозрительно. Нужно это проверить.

И Феррис вынула из кожаного корсета листок бумаги.

— Ох уж этот Фей... Так он и впрямь обирал несчастных людей! Виновен!

— Можно вопрос? — Куу, похоже, совсем запуталась.

— Задавай.

— Так ведь местного губернатора Беллосом кличут...

— А «Фей» — его прозвище, — не растерялась Эрис. — В знатных кругах его зовут Фей.

Подал голос Райнер:

— Ни хрена себе прозвище... И ведь врет и не краснеет... Ах, простите, молчу! Хватит меня топтать! Пожалуйста. — Он поднялся на ноги, преодолевая боль. — Значит, разобрались. Идем же, Феррис. Нас ждет еще один злой губернатор.

— Правильно.

Не успели напарники оказаться на лестнице, как брат и сестра уверенно последовали за ними.

— А вас вроде бы не приглашали, — обернулся маг.

— Ну да, — ответила Куу. — Но вы же идете его арестовывать? Мы будем неподалеку! Вдруг и нам грошик перепадет...

— Повесть о тайном расследовании! Ей нужно подходящее название, — Суи вещал о своем. — «Железная Дева и ее команда»! Да, эту тему можно развить куда лучше!

Райнер едва не брякнулся с лестницы:

— Вы это серьезно?

— Конечно!

Напарники прибавили ходу.

— Эй, — прошептал Райнер, — чего делать-то будем? Если эти будут рядом околачиваться, мы не сможем продолжить поиски артефакта...

— Угу.

— Как бы нам от них отвязаться?

— Хм. Сначала вот что: ты говорил, будто Реликвия зарыта где-то в лесной чаще.

— И ты, похоже, решила ее отрыть, — вздрогнул Райнер.

— Нужны лопаты, — продолжала Феррис, — и все, что может понадобиться в лесу. Сейчас идти рано.

— Послушай, этой легенде минимум две тысячи лет. А ты хочешь просто взять и выкопать... боже, выкопать... выкопать артефакт? Надеюсь, ты шутишь.

— Не шучу. Если, конечно, ты прав и легенда — не выдумка.

— А! Ну, тогда нормально. Можно не беспокоиться. Угу... Значит, сперва отправляемся в город... А что с этими приставучими будем делать?

— Хм...

— Ага...

Он молчит, и по ритму его дыхания Милк понимает: он ее слышит, он здесь. И он собирается с ней покончить.

— Не вини себя, — говорит она. — Я очень рада... Рада, что именно ты заберешь мою жизнь. Я знаю, что это правильно.

Теперь он уже не смеется, однако, Милк не питает иллюзий... После того, как носитель «проклятых глаз» теряет контроль, он уже не может прийти в себя. Он больше не человек. И все же Милк хочет взглянуть напоследок на своего убийцу. Ведь она поклялась Райнеру-человеку, что никогда не отпустит его руки...

Милк вытирает лицо от крови и распахивает слезящиеся глаза. Перед ней простирается красный мир... Красный от крови убитых людей. Милк и Райнер — единственные в этом царстве мертвых.

Райнер смотрит на неё потрясенно:

— Это... это я... их убил? Но я не хотел... Я не хотел убивать... Я... я чудови...

— Ты чудовище, — кричит Милк, — ну и ладно!

И тут Райнер плачет... Его темные глаза с алыми вращающимися пентальфами наполняются слезами. Она ловит его взгляд:

— Я не боюсь такого как ты. Ты же меня не тронул... Мои близкие и родные... их убили другие взрослые... А ты монстр — и не убил меня. Ты лучше их. Так что не плачь! Хорошо?

Она замолкает, когда вдруг появляются люди в черной броне и окружают Райнера.

— Похоже, нам достался особенный зверь. Ни в одном источнике нет упоминаний о подобном поведении Альфа Стигмы. Он может себя контролировать под влиянием #837. Понадобятся дополнительные исследования.

1. 837 — это порядковый номер Милк. В приюте обычные имена не в ходу. Да и зачем оно бессловесной пешке? Воспитанников и за людей не считают... А смертоносным машинам имена не нужны.

Милк это, впрочем, радует. «Видишь, Райнер? Ты не один такой, — хочется сказать ей, — со мной ты не одинок...»

Но люди продолжают:

— #837 понадобится для дальнейших экспериментов над монстром. Она нужна живой.

И тогда мужчина в черной броне рубит Милк сильным ударом...

Милк Каллауд проснулась от солнечного луча, брызнувшего в глаза.

— Ах... У-а-ах~ Опять этот сон. Не успела я от него отвыкнуть... Что ж такое...

Она выглянула в окно и улыбнулась: вот бы солнечная погода продержалась подольше... Тут она ощутила слезы в уголках своих глаз.

— И я все еще плачу...

Милк вытерла слезы, вскочила без всякой сонливости и принялась заправлять кровать. Это было ее привычкой с тех пор, как семья Каллауд взяла ее из приюта. Она словно оттягивала

момент, когда снова придется идти на тренировку. Ее истязали до кровохарканья каждый божий день, ни минуты не давая передохнуть — вот как было тяжело.

Но сегодня ей не придется этого делать. Она больше не дома, да и Роланд остался далеко позади. Ее наставникам нечего делать здесь, в нельфийском трактирчике. Но с многолетней привычкой Милк не могла расстаться: теперь она делала перед зеркалом утреннюю зарядку и заодно причесывалась.

— Считаем: раз~ два~ три~...

Милк занималась растяжкой, и на счет «десять~» на ее голове уже красовался высокий хвост. Этой девочке было шестнадцать, но выглядела она моложе благодаря кукольному лицу и огромным наивным глазам. И уже в столь юном возрасте она — командир отряда преследования нарушителей Запрета.

В дверь постучали:

— Капитан Милк, вы проснулись?

— Ах, Люк? Я уже встала, все хорошо!

— В самом деле? А вы ранняя пташка.

— Обожаю, когда меня хвалят!

— Хе-хе, вы само очарование. Ну-с, завтрак на столе, так что спускайтесь, пока он еще не остыл. Я разбужу остальных.

— Ла-адно! А что на завтрак? Я так голодна!

Примерно так общаются воспитатели детского сада с маленькими воспитанниками; но все же Милк была командиром Люка и всего отряда, а не наоборот. Их элитному подразделению предстояла первая миссия. Отряды преследования нарушителей Запрета (иначе их называли имиябури) отправляли на чужбине роландских магов. В мирное время это была чуть ли не единственная задача армии Роланда, очень ответственная и опасная. И это тяжелое бремя легло на плечи юной Каллауд...

— Подъем! Кушать подано! — скомандовал Люк, распахивая двери.

Из соседней комнаты выглянул полусонный юноша. На вид он был самую малость постарше Милк.

— А-ха-а-а... Доброе утро, капитан~ — зевнул он.

— Доброе утро, Муа! — просияла Милк. — Погода сегодня чудесная, и завтрак уже готов!

— Серьезно? А кто готовил? Люк?

— Наверное. У него это здорово получается! Вот ты, Муа, какое из его блюд любишь больше?

— Карри, пожалуй.

— Да! Я тоже, я тоже! Никто так не умеет готовить карри!

Показался Люк — высокий и седой (притом ему было всего двадцать пять) мужчина с добрым лицом.

— Очень рад это слышать, — сказал он. — Но карри не принято подавать на завтрак. И потом, сегодня готовит трактирщица, а не я.

— Ну вот... — расстроился Муа. А Милк улыбнулась:

— Да неважно, кто! Я ужасно проголодалась. А главное, что мы будем завтракать вместе!

Люк и Муа, переглянувшись, мигом сошлись во мнении:

— Какая умница!

Уже и не поймёшь, кто тут командир, а кто подчиненные.

— Ну, что ж, — произнес Люк, — капитан, вы заслужили двойную порцию!

— Правда? Ой, как здорово!

«Ура-а-а!» — громко вскричали в комнате мальчиков, и в коридор выскочил бодрый парнишка, ровесник Муа.

— Стоя-ять! А что, только капитан получит добавку? — воскликнул он. — Я тоже хочу!

— Эй, но тогда и мне добавка положена! — заявил Муа. — А то как же так: Лаху можно, а мне нельзя?!

— Ладно, — Люк принялся выпутываться, — радуйся, Муа. Можешь взять себе порцию Лаха: он проспал, значит, сам виноват.

— Что?!

Видя, как расстроился Лах, Милк сказала:

— Я отдам тебе свою порцию!

— Спасибо, капитан! Я ваш навеки!

— Ишь, какой хитрый! — снова возмутился Муа. — И я тоже ваш, капитан!

— Давайте уже пойдём, — улыбнулся Люк. — Ах да, не волнуйся, Лах, без добавки тебя не оставим.

— Хорошо~

Всей гурьбой они направились вниз, в столовую — хваленый элитный отряд и капитан под стать.

Как бы там ни было, отряду Милк доверили важную миссию, от успеха которой зависела вся империя. Секреты магии нужно оберегать, поскольку она разнится у всех народов Менолиса. Любая мелочь имеет значение: как активировать, какой источник использовать, нужно ли читать заклинание или достаточно вычертить магическую печать... Раскрыть врагу тайны роландской магии — все равно что слить сведения о числе солдат и вооружений. И если это

произойдет, начнется война, наихудшим исходом которой будет падение Роланда. Вот почему Милк и ее отряд должны справиться со своей задачей. Если нарушитель Запрета уплывет у них из-под носа, в следующей войне погибнут многие.

Милк должна убить своего соотечественника. Дело ее отряда сопряжено с огромной опасностью, а особенно они рискуют, гоняясь за преступником в одиночку, в чужом краю, без чужой помощи. В том мало почета, хотя отряд и зовется элитным, и благородные люди воротят носы от подобной службы.

Но Милк и ее ребята должны претерпеть боль и тоску по родине, чтобы спасти свой Роланд, родных и близких, друзей и товарищей. На них возложен долг, от которого нельзя отречься.

Так, отряд расселся за столом и принялся за еду.

— А ведь вкусно! — сказал Муа. — Давай, Лах, попробуй.

— Муа, ты же знаешь, что я ненавижу овощи.

— Эй! Капитан Милк! Люк! Скажите Лаху, чтобы не привередничал!

Люк взглянул на Лаха со всей строгостью:

— Пока не съешь — никакого десерта.

— Э-эх... Да знаю я. Так и быть...

Глядя, как парень давится своим завтраком, Милк весело рассмеялась. Еще никогда она не завтракала в такой хорошей компании. Приемная дочь семейства Каллауд должна уметь хорошо сражаться — и все. У нее не было ни желаний, ни чувств. Пока Милк приносила пользу, ее не трогали, но и души в ней не видели. Ее не пускали к гостям, у нее не было подруг... не было счастливой жизни. И дело было даже не в том, что ей не позволяли все это иметь — она сама не желала. Она безропотно следовала приказам, чтобы стать сильным солдатом роландской армии.

— Капитан, — забеспокоился Люк, — у вас нет аппетита? Вы себя плохо чувствуете?

— Что? — Милк подняла голову. Лах и Муа наблюдали за ней с волнением.

— Вы много молчите. Все в порядке?

— Все хорошо, капитан?

И вдруг Милк почувствовала, что вот-вот заплачет. Она и мечтать не смела... Не думала, что этот день придет... Она — их командир и поэтому не должна показывать слабость. Нельзя... нет, только не плакать...

— Конечно! — Милк заставила себя улыбнуться. — Все замечательно! Правда! Смотрите, я ем!..

Она, как могла, выдавливала из себя улыбку, но слезы предательски заструились по щекам.

— О, нет-нет-нет-нет-нет! — всполошились мальчишки. — К-капитан, не плачьте! Вы чего это? Чего делать-то?

— Все из-за вас! Вот что вы пристали с вашими овощами?! Капитан ведь тоже овощи не выносит!

— Да ну! Да ладно! Да не может быть!

— Нет, нет... — помотала головой Милк, — это не так! Честно! Я в порядке, прошу вас, ешьте! Я... вовсе не плачу...

Люк приблизился к ней:

— А вот и плачете. Где у вас болит? Только не надо скрывать это от нас. Если вам плохо, скажите честно, и тогда мы...

— Нет, я просто... — Милк снова качала головой. — Я просто очень обрадовалась... Я так рада, что вы со мной... Я никогда... никогда не сидела вот так и не болтала... с другими...

— Ох... Вы меня растрогали...

— И меня... Капитан Милк, я никогда вас не брошу, никогда-никогда!

Ревели уже вчетвером. Дверь в столовую приоткрылась, и вошел настоящий красавчик. Увидев, чем занят его отряд, он приподнял одну бровь:

— Из-за чего потоп?

Милк подняла лицо:

— Ах... Лир, ты вернулся!

Это был последний из ее подчиненных. Он занимался сбором информации. Лир отправился на разведку, едва отряд прибыл в этот город накануне вечером.

— Вернулся, капитан Милк, — кивнул он. — Люк, что происходит?

— Короче говоря... — встрял Муа.

— Идиот~ — тихо произнёс Лах. — Вот только попробуй сдать капитана. Ей и так неловко.

— А, ну да... Тогда попозже, ладно, Лир?

— Вот как? — парень, видно, совсем запутался. — Снова телячьи нежности?

Тут Люк, наконец, решил перевести тему:

— Какие новости, Лир?

— Садись с нами, позавтракай, — тут же предложила Милк.

— Да, верно. Садись, ешь да рассказывай.

— Вообще-то... — Лир оглянулся на дверь, — я не один. Нашел интересных ребят, они кое-что знают.

Люк нервно прищурился, и доброе выражение схлынуло с его лица:

— Я так понимаю, они требуют заплатить им? Ты привез их к нам, так ничего и не выведав, а значит, торговаться выпало мне. То есть, я хотел сказать — капитану Милк.

— Вот знаешь... — Лир заметно приуныл, но не успел он добавить еще хоть слово, как дверь за его спиной распахнулась.

— Я не поняла, это что еще за дела?! Угостите нас завтраком да получите свою информацию, неужели вам так накладно? Чем это так вкусно пахнет?... Ну, вы дадите нам с братцем Суи перекусить или нет? Решайте быстрее! Пока вы мнетесь тут, мы с голоду помрем!

В столовую вошла девушка помладше Милк, выглядела она на двенадцать-тринадцать лет. И она была очень мила, несмотря на ее дерзкий тон.

— Ох, не обращайтесь на нее внимания... — следом за ней появился рослый мужчина. — А вы правда угощаете? А рыба в меню найдётся?

Лир глядел на незнакомцев с явным скепсисом.

— Я подумал, что, раз я пообещал им завтрак, лучше будет привести их сюда, и тогда мы все вместе послушаем, что они нам расскажут.

— Согласны, капитан? — Люк посмотрел на начальницу.

— Присаживайтесь! — кивнула Милк.

И завтрак продолжился.

— Знакомьтесь: Суи Орла и Куу Орла, — представил Лир накинувшихся на еду гостей. — Они брат и сестра, давно хотели повидать мир, вот и путешествуют...

— Нет, постой-ка! — перебила его Куу. — Ты все неправильно говоришь! Это я потащила братца Суи с собой! Если бы не я, он так и сидел бы на одном месте!

Лир загадочно посмотрел на Суи, но тот лишь глупо хихикнул:

— Она права, да-да... Честно говоря, сам я не очень могу о себе позаботиться... Так что сестренка во всем меня направляет, хе-хе~

— Именно! Без меня он бы вообще потерялся и сгинул! Вот почему я ненавижу писателей! Витают где-то в облаках, а к жизни не приспособлены!

— А вот Куу не такая.

— Ага... До чего несправедливо! Не могу же я вечно с тобою нянчиться... Вытри рот. — Но здесь Куу сама промокнула платком уголок его рта. Милк радостно было видеть, что Куу, хотя и ругает брата, все же о нем печётся. Они, похоже, были очень дружны. Милк даже завидовала.

— Если вы знаете хоть что-нибудь, поделитесь с нами, — произнес Люк и взглянул на Лира.

— Да, я уже сообщил им, что мы представляем империю Роланд и получили разрешение от нельфийских властей на поимку нашего имиябури, — кивнул Лир.

— Вот и хорошо.

— Суи, рассказывай ты, а я поем.

— Что?! Но почему я? А вдруг я что-нибудь перепутаю?

— Ты же знаешь, меня иногда несет — не могу остановиться. Так что лучше рассказывай ты.

— Уж извините, — улыбнулся Люк.

И Суи поведал им о крепости к югу от города, якобы там Суи и Куу встретились два незнакомца: вялый мужчина и красотка-воительница. Эта парочка заявила, что ведет тайное расследование по приказу императора Нельфы.

— Офицеры расследования? — удивилась Милк.

— А ведь интересно, — заметил Люк, — неужели в Нельфе бывает такая должность? Чем-то похоже на следственный отдел в Роланде. Но при чем тут мы?

— Да потому что мы сразу поняли, что они врут, — заявила Куу. — Верно, Суи?

— Ага, — кивнул ее брат с дурацкой ухмылкой, — без сомнения, они лгали.

— С чего вы это решили? — вырвалось у Муа. — Ай! Лах, ты чего?! Ой!

— Вот балбес! — Лах снова отвесил ему подзатыльник. — Молчи и оставь разбираться Люку, он у нас главный.

— А... ну да... Простите, Люк. Я не хотел мешать.

Люк только вздохнул:

— Извините нас. Так... почему вы думаете, что они солгали?

Суи хотел ответить, но Куу успела хитренько улыбнуться:

— Что, интересно стало? Продолжение следует. За обедом.

— Мы вам оплатим обед, ужин и постой на целые сутки, — сразу сказал Люк. — И желаем, чтобы ваш брат все же издал хорошую книгу.

— Вы серьезно?!

— Как здорово, Куу!

— Так что не волнуйтесь, — продолжил Люк, глядя на счастливых брата и сестру. — Пожалуйста, расскажите нам все.

— Ну, ясное дело! — воскликнула Куу. — На них были доспехи с эмблемами... Роланда.

Люк, опешив, повернулся к командиру:

— Это подтверждает слова майора Миллера о двух нарушителях, укрывающихся в Нельфе.

— Похоже, все так и есть, — лицо Милк просветлело.

— Мы обязаны их поймать. Это наше первое боевое задание.

— Да! — тряхнула головой Милк. И посмотрела на Орла: — И куда же они пошли?

— О, мы знаем! — ответила Куу. — Вернее, знали. Мы шли за ними по пятам до минувшей ночи, но потеряли недалеко от города.

— В целом городе... — снова встрял Муа — и снова угостился подзатыльником.

— Дурак! — прошипел Лах.

— У-а-а... простите...

Суи не обратил на них внимания:

— Мы рискнем предположить, что они вернулись в тот лес, возле крепости, и сейчас находятся там.

— Это почему же? — спросил Люк.

— Они что-то искали, — ответил Суи. — Что-то в лесу. Мы слышали, как они говорили об этом. Если бы они поняли, что их подслушали... Нам было бы несдобровать. Так что мы ничего не знаем!

— Эти двое опасны, — кивнула девочка. — Страшная силища. Но Суи сказал, что их характеры послужат для его романа, и — представьте такую глупость! — попер за ними!

— Но ведь ничего не случилось, Куу...

— И слава богу!

Милк и ее ребята отвлеклись от спорщиков, чтобы обсудить услышанное.

— Похоже, нарушители их здорово напугали, — Лир скрестил руки на груди. — Видать, они ни перед чем не остановятся. Но что они могут искать в лесу?

— Что-то жуткое, захороненное в лесной чаще, — кивнул Люк, — или травы, вызывающие галлюцинации... В Роланде их давно уже запретили. Но даже если эти двое и не контрабандисты, мы обязаны выяснить! Капитан, что будем делать? В последний раз Суи и Куу видели их вчера вечером... Мы идем по свежему следу. Можем выехать прямо сейчас, чтобы нагнать их.

Милк закрыла глаза и задумалась о своей первой миссии. С имиябури надо кончать, пока они не натворили дел. Они оба сильны и, должно быть, знают толк в магии. А если у них есть сообщники?

Это очень опасное предприятие, но Милк знала это с самого начала. «Деваться некуда, я должна поймать этих нарушителей. И притом не потерять никого из отряда», — подумала она. О, она боялась, что кто-нибудь пострадает... Так что нужно действовать быстро, чтобы снизить риск. У нее есть возможность опередить имиябури и устроить засаду. Да, это наилучший выход.

— Выступаем немедленно! — решительно заявила она.

— Есть! — хором ответили спутники. Они не потратят много времени на сборы.

— Подождите, а как же мы? — оторвалась Куу от завтрака.

Люк положил перед ней несколько золотых монет:

— Спасибо за вашу помощь. Мы очень спешим, так что — вот, держите.

— Ладно! Уж теперь мы квиты! Удачи вам! — помахала им Куу, и Милк помахала в ответ.

— Спасибо! До свидания!

Отряд преследования выдвинулся на поимку нарушителей Запрета.

...

В третью ночь исканий, в сияющую луну, Милк и ее отряд не дыша затаились в густой листве.

«А вот и они... Это точно они — нарушители...» — думала Милк, высматривая свои цели. Их, как им и сказали, было двое: высокий, стройный, сутулый темноволосый мужчина и невероятно красивая белокурая женщина-воин.

— Нарушители... — прошептала Каллауд, и пульс ее зачастил. «Ах, могут услышать!» — она кое-как замедлила сердечный ритм. Давно она не чувствовала такого волнения... Она никогда не боялась ни тренировок, ни даже смерти. Даже самые страшные испытания ее не сломали. Но сейчас, глядя на нарушителей, она отчего-то занервничала. А если они вступят в схватку — что тогда? Тогда Люк, Лах, Муа и Лир... будут в опасности. За себя-то Милк не боялась, но вот за других... Что же делать?

Затоптав в себе трусость, она покачала головой: «Только не паниковать, Милк. У тебя все получится! Да! Не бойся, им тебя не одолеть, если возьмешься за дело с толком!»

Вокруг стоял темный лес.

«Не бойся... Вспомни свои тренировки. Все на своих местах, и никто не пострадает... Все будет хорошо!»

— Капитан, — слышался ей глубокий голос Люка, — отсюда не очень-то видно, но, по-моему, у них на броне роландские эмблемы.

— Тогда это и впрямь нарушители! — Милк пристальнее вгляделась в противников. Роят землю лопатами, ищут что-то, как и говорили информаторы. Травкой, как сказал Люк, тут, конечно, не пахнет, но если они выкапывают что-то... запретное?

Кажется, здесь совершается преступление.

Мужчина... необычайно вялый. Копает с явной неохотой. Как будто его заставили.

Нет, предложить им сдаться по-хорошему...

— Бессмысленно, — пробормотала Милк.

«Что нам нужно? Они нас пока еще не обнаружили... Это наш шанс. Будет лучше, если застанем врасплох. Стратегия, стратегия... Есть два варианта. Так как мы не знаем, насколько они сильны, подойдёт метод "разделяй и властвуй"... Поодиночке они будут слабее, а мы, таким образом, меньше рискуем. А еще... можно поступить так, как подсказал Люк: собрать все свои

силы и дружно атаковать. Они не смогут сбежать, и мы точно поймаем обоих... Если выживем. Что же делать?»

— Каков наш план, капитан? — произнес Люк.

— А... а ты, Люк, как думаешь... — залепетала Милк.

— Решать вам, капитан. Мы можем атаковать, а можем понаблюдать еще немного.

Милк задумалась и поняла: только атаковать. Если отряд останется здесь, их могут обнаружить... Нужно идти в лоб! Но сперва решить, рассредоточиться ли или напасть всем скопом...

Милк взглянула на Люка. Затем — на имиябури. Что важнее: успех операции или безопасность камрадов? Ответ один.

— Идем на захват, — твердо решила Милк. — Приведи остальных.

— Есть, — и Люк исчез в кустах. Вскоре Лах, Лир и Муа присоединились к ним и приготовились к бою.

— Ждем приказа, капитан, — сказал Люк.

— Э... Ну... Сейчас. Да~

Милк посмотрела на небо. Медленно-медленно облака закрывали собою луну, и вскоре все погрузилось в кромешную темноту...

— Сперва я отвлеку их магией. Муа прикроет меня, а вы, Люк, Лах и Лир, нападете с мечами.

Люк удовлетворенно кивнул, и бой начался.

Милк Каллауд почти мгновенно нарисовала в воздухе волшебную роландскую печать.

— Призываю удар грома... ИЗУЧИ!

Печать ярко засияла, и молния понеслась в цель, оглушительно грохоча. Вот сейчас она...

Но в какую-то долю секунды вялый парень, который стоял к ним спиной, набросал свою печать — и об него разбилась молния Милк.

— Что?! — воскликнул отряд в изумлении.

— Он знал, что мы здесь?!

— А если и да, то как ему удалось... мгновенно отразить? Я не знал, что такое возможно...

Но что это было?

Что это было?

Милк была очень умелым магом, по крайней мере, сильнее обычного человека. Чтобы тягаться с нею в скорости плетения заклинаний... нужно быть не-человеком. Все это понимали. И все были в шоке. Во всяком случае, защитная магия в целом сложна и энергозатратна. Но чтобы

вот так, в секунду распознать заклинание оппонента, проанализировать, придумать, чем ответить... Да никто так не может! А если может, то это — маг вне категорий. Или же...

Монстр.

«Нет-нет-нет-нет-нет!!» Нужно защитить, защитить остальных!

В этот момент «проснулась» блондинка и вынула меч из ножен.

— О нет! — вскрикнул Люк. — Защищать капи...

Но воительница метнулась к нему с невероятной скоростью, и его голос оборвался. Люк даже не успел обнажить клинок, как уже получил эфесом меча по шее. И рухнул.

А спустя миг рухнули остальные. И осталась одна лишь Милк, которая только хлопала глазами. Невероятно! Движения мечницы, не говоря уже о выпадах ее меча, были просто неразличимы. Люк и другие мальчишки повержены. Милк не смогла защитить их... Хотя они все еще живы. Значит, она...

Тут белокурая мечница взглянула в сторону Милк.

«Меня убьют!» — пронеслась мысль. Каллауд уже думала сдаться, устранившись врага... Но пока Люк и остальные лежали на голой земле, в голове командира звучало только одно: «Постарайся дожить». Так говорил ей Райнер, мальчик из приюта.

И это придало ей мужества. Она не может умереть здесь... не может оставить своих ребят. Ей нельзя умирать.

Женщина занесла меч, и Милк воскликнула:

— Нет, черт возьми! Я не готова умереть! Я надеялась, что успею сдержать обещание!..

Но вдруг мечница одним взмахом клинка развеяла магическую печать, которую Милк отчаянно старалась начертить.

— Между смертью и крушением всех надежд... — вдруг сказала прекрасная дева, — есть весомая разница.

Ее лицо ничего не выражало, ни единого чувства... Милк чуяла в ней убийцу. Такие, как эта девушка, живут, чтобы убивать. Нет, против нее у Милк ни единого шанса... Они оба гораздо сильнее: и лентяй, и красotka.

— Но... но я все равно не хочу умирать! — вскричала Каллауд.

И тогда мечница ответила:

— Ясно. Тогда вали.

Такого Милк явно не ожидала. Значит, ее не убьют? Красивая мечница продолжала с той же бесстрастной миной:

— Вон тот недоумок за моей спиной, — она ткнула пальцем через плечо, — злостный извращенец. Если сейчас же быстро не исчезнешь, он возьмет тебя силой и будет...

— Не неси чушь, — раздался мужской голос, — и сделай лицо попроще.

Этот голос... эта интонация... Милк вздрогнула, вспомнив этот сонный тембр. В нем угадывалось тепло.

«Бред, бред! Это невозможно! Этот нарушитель опасен, он с легкостью отразил мою магию! Но ведь... Если это он... Только ему под силу... Но это не он! Он никогда бы не стал извращенцем! И он не мог забыть меня и уйти с этой красоткой!..»

И тут Милк поняла: она слышит голос Райнера, потому что вот-вот умрет. Наверняка, Райнера давно уже нет в живых... И вот он здесь, чтобы препроводить ее на тот свет.

Милк, наконец, осознала неотвратимость гибели. «Но тогда... я должна закончить начатое. Я не позволю ему себя совратить!» Люк и другие могут очнуться, и тогда у них будет шанс сбежать, если Милк постарается отвлечь эту парочку...

И тогда Милк Каллауд взглянула на извращенца с криком:

— К-какой развратник! Думаешь получить меня без сопротивления?! Да я... Ах?..

Она увидела знакомое лицо в обрамлении темных волос. Она увидела карие глаза и алые пентальфы, которые с легкостью читали магию Милк. Это «проклятые глаза». Это сила, которой боялись все...

Милк задрожала: не может быть, не может быть...

— Не верю... Эти символы... Твои волосы... Ты — Райнер?

— А? Ты знаешь мое имя? — он посмотрел на Милк с удивлением. Это и в самом деле был Райнер...

От этой новости голова пошла кругом. Райнер и Милк разглядывали друг друга.

— Хм. Верно, вы уже знакомы, — произнесла спокойная женщина. — Райнер, ты насиловал ее прежде?

— НЕТ! — рявкнули оба. Милк, нахмурившись, перевела взор на прелестницу. «Да кто она такая... Она совсем не знает Райнера. О боже, о чем я думаю!..» Ведь Райнер здесь! Она так мечтала найти его, встретиться с ним, поблагодарить... а теперь совсем растерялась. «О чем говорить? Рассказать о себе, о своей жизни у Каллаудов? Или... или вспомнить, как он обещал... жениться? Ох, нет... Все так внезапно... Ах, если бы я знала... я бы хоть нарядилась...»

С чего же начать?.. В голове у Каллауд все перемешалось.

— Но, но, но ты же... Райнер? Специальный научный комплекс Роланда #307? Райнер Лют?!

— А это-то как узнала? — изумился Райнер. — Ты вообще кто?

У Милк едва не остановилось сердце.

— Ты что, совсем меня не помнишь? Милк! Это же я — Милк!

Лицо Райнера прояснилось:

— Ну, конечно!.. Вообще не помню.

— Ты... ты шутишь?! Ты все забыл? Ну вспомни, ты обещал на мне ж... жениться! Когда меня увозили...

— Потрясающе, — сказала мечница, на вид не очень-то потрясенная. — Так ты заманивал девчонок обещанием жениться...

— Нет, не заманивал, — буркнул Райнер. — Все, довольно. Феррис! По старой схеме.

— Ах, понятно. — Блондинка мигом истолковала его выразительный взгляд.

И тут они вдвоем с веревкой наготове накинулись на Милк. Райнер быстро связал ошеломленную девчонку. «Да что это? Что происходит? Почему Райнер...»

— Ты ее хоть узнаешь? — в этот момент спросила Феррис.

— Ну~ — задумался Райнер.

— Как ты можешь не помнить?! — вырвалось у Каллауд. В самом деле, когда он успел заработать склероз?

— Э... нет. Все как-то глухо. Так ты говоришь, мы с тобой воспитывались в одном приюте, и до того, как тебя продали дворянам, я пообещал на тебе жениться? Тебе что, так хочется замуж, раз ты повсюду меня разыскиваешь?

— Нет, нет! Все не так! Да, мы поклялись пожениться... Но тогда мы были еще детьми... А вообще, мы с тобой дружили!

«Да что это я... Я ведь только и жила тем моментом, когда снова увижу Райнера! Но Райнер... забыл меня...» Милк всхлипнула, подумав об этом. Неужели для Райнера их дружба и обещание ничего не значили... Неужели он никогда не вспоминал приют? Но ведь на самом деле...

— Объясни тогда, — внезапно сказала Феррис, — почему это подруга детства, которую ты бросил, пыталась нас убить?

— Что значит "бросил"... Никто меня не бросал! Я же говорю, это было в детстве... Ах! — Милк замолкла, когда меч очутился у ее горла. Эта красавица была очень опасна. Против нее можно выставить любого мага, но он будет повержен еще до того, как успеет вымолвить заклинание. Вот это силища...

«Мне ее не одолеть... А Райнер — он на ее стороне...»

— Отвечай, — холодно произнесла красавица.

Каллауд взглянула на Люка и других своих спутников. Их жизнь зависела от ее ответа. Женщина по имени Феррис пугала ее не на шутку. И теперь Милк мучительно выбирала, предать ли свою страну или спасти союзников.

И она приняла решение незамедлительно.

— Перед вами командир отряда преследования нарушителей Запрета, лейтенант Милк Каллауд. Вы нарушили Запрет и должны быть арестованы именем роландского короля.

Поняли?! Ничего вы не сделаете ни мне, ни моим товарищам! Теперь-то основные силы знают, что вы здесь! И когда мы не выйдем на связь, они пришлют еще отряд, чтобы вас найти!

И это был блеф. О Райнере с Феррис в Роланде пока еще ничего не знали. Со смертью отряда Милк все будет кончено... Поэтому она лжет, чтобы спасти остальных.

— Да блин! Феррис, ты это слышала?! — опешил Райнер. — Именем роландского короля... Что за бред?! Мы здесь по приказу Сиона...

В темноте блеснул меч, уткнувшись в шею Райнера. Милк оценила, с каким мастерством фехтовала опасная женщина.

— Ах, болтун~ Надо было вскрыть тебе череп еще тогда...

— Нет, не надо... — Райнер быстренько проглотил заготовленные слова.

И тут до Каллауд дошло! Так вот в чем дело! Райнер... его шантажируют! Обманывают! Угрожают! Эта жестокая женщина, должно быть, нашла его слабое место... Вот и разгадка! Вот почему он соврал, что не помнит Милк! Потому что он не хотел, чтобы жуткая Феррис знала об этом! Милк ему дорога, он хочет спасти ее!

«Господи, что же делать... Я должна его выручить. О нем больше некому позаботиться! Думай, Милк! Райнер явно на что-то намекал... Он же умный, он умеет просчитывать ситуацию на два шага вперед... Что он хотел мне сказать? А что он сказал перед тем, как...»

«Мы здесь по приказу Сиона...» — и тут мечница прервала его.

«Точно! "Сион" — это ключ. Какой-нибудь уголовный авторитет... Он использует Райнера! Нужно вырвать его из лап этой... этой мафии!» — лихорадочно думала Милк.

Тем временем Феррис плавно убрала меч в ножны и сказала:

— Впрочем, это ждет. Теперь за нами охотятся и роландцы, и нельфийцы. Но мы не можем идти вразрез с нашими указаниями. Убив преследователей из Роланда, мы станем преступниками. А расправившись с солдатами Нельфы — еще и шпионами. Попали меж двух огней. Уразумел? Так поторопись и сделай своё дело. КОПАЙ.

— Обожди-ка! Я же сказал, что в гробу видал эту лопату...

Свищ!

— Понял, понял. Уже бегу копать! Ты рада? Убери меч!

Они вернулись на полянку, прихватив лопаты.

— Пойдите! Развяжите меня! — заорала Милк, но Райнер и Феррис никак не отреагировали.

...

— Нет, это нереально... Я так устал... Второй день батрачим! Сколько ям мы вырыли?

— Семь.

— И ни в одной не оказалось Реликвии. Впрочем, чего удивляться?

— Ты же сам сказал, что меч лежит здесь.

— Эй~ Двести лет прошло. И потом, вспомни легенду, — сказал он прекрасной леди, медленно раскапывая землю. — Сколько бы ям мы ни вырыли, Реликвия героя все равно не дастся нам в руки. Кто вообще придумал эту ересь — выкапывать оружие, пролежавшее в земле двести лет? Ах да, я и придумал. Нет, это невозможно. А наши-то, наши! Сами чего-то перепутали и теперь хотят нас убить... — Райнер посмотрел в сторону Милк и глубоко вздохнул. — Нет, я не могу. Давай все бросим и вернемся в город. Это невозможно. Невозможно. Невозможно...

КЛАЦ!

Лопата ударилась о что-то жесткое.

Эрис подняла голову. Переглянулись. Помолчали.

— Это... это что, шутка? — Райнер даже хихикнул. Мечница развела руками. Вероятно, и она была ошарашена, хотя по лицу и не скажешь.

Они снова взялись за лопаты, и вот, наконец...

— Н... не верю...

И это и в самом деле было невероятно. Они достали из ямы... кинжал. Но, похоже, он был предназначен не для того, чтобы им бить и резать: короткое лезвие было выплавлено из странного синего металла. Рукоять тоже была недлинной.

— Значит, это легендарный артефакт? — спросила Феррис. — На меч не очень похоже.

Но Райнер ей не ответил. Его сонные глаза сузились, серьезно рассматривая кинжал.

— В жизни не видел подобного материала... И надпись виднеется...

— Ну, что там? В твоём докладе о нём ничего не найдётся?

— Не торопись. Я пока не пойму... Похоже, что в нём сокрыта какая-то сила... Хм. Сначала надо проверить...

...

В то время, как Райнер и Феррис занимались научными изысканиями, неподалеку от них Милк изо всех сил старалась освободиться. Она ползла червячком в сторону Люка и остальных, пока не врезалась.

— Очнитесь! Ну же! Люк, Лах, Лир, Муа!

Застонавший Люк первым откликнулся на её зов:

— Ах! Капитан Милк! Вы целы?

— Да! Люк, ты как? Ты не ранен? Ты в порядке?

Он размял шею:

— Кажется, да, в порядке. Но... что слу...

— Все потом, сейчас надо разбудить остальных.

Когда они привели в чувство других мальчишек, Муа сказал:

— Почему мы связаны?!

— Ыть! Ы-ы-ы... — Лах чертыхнулся. — Не могу разорвать веревки...

Пока еще спокойный Лир попытался высвободить руку. Раздался треск.

— Простите, друзья. Зря только запястье вывихнул. До чего эти нарушители нетипичные...

Крак! — прозвучало снова.

— Ли... Лир... — Муа передернуло. — Это твои суставы?

— А? А, да.

— Тебе, наверное, больно... Или нет? Неужели ты ничего не почувствовал?

— А ты разве не знаешь, как нужно правильно вынимать суставы? — встрял Лах. — В армии этому сразу учат.

— Нет, не знаю и не хочу! И я не один такой! Капитан Милк, вы ведь тоже так не умеете?

— Ну, почему же, — мягко сказала она. — Знаю, как вывихнуть все суставы, за исключением шейных.

Отряд сразу заткнулся.

— ...Все? — выдавил Люк.

— Жуткая боль, — Лир покачал головой, — как вспомню, так вздрогну.

— Во всем теле?! Это ж терпеть невозможно! — воскликнули Лах и Муа.

Пока шла беседа, Милк изучала взглядом окрестности. Не время болтать, нужно Райнера выручать. А для этого хорошо бы избавиться от веревок, пока не вернулась мечница...

Но вдруг Милк услышала приближающиеся голоса.

— Должно быть, они где-то здесь. Утром эти роландцы направлялись сюда.

— Наших-то в крепости перебили... Да еще и магией! Это уже верх наглости!

— Но мы им покажем! Вот поймает, тогда они все у нас расскажут: и что делали в крепости, и зачем ошиваются в этих лесах... Красотку я предлагаю допрашивать отдельно, хе-хе-хе~ От пятидесяти солдат им не уйти...

Подслушивая, подчиненные Милк переглядывались и вздыхали.

— Да уж, — прошептал Люк, — нельфийская оборона... Хорошо, что мы заранее получили разрешение на поимку роландских нарушителей. Хотя бы вопросов не возникнет, если нас тут найдут. Но пока суд да дело, нарушители скроются под шумок...

Милк его уже не слушала. «О нет, они ищут Райнера и эту женщину... Они думают, Райнер сделал что-то ужасное. И теперь Нельфа послала за ним пятьдесят солдат... Их арестуют! Кошмар! Что же делать... Райнер невиновен, я знаю это! Но если он попадет к ним в руки... Это смерть».

Райнера не должны поймать — или он умрет. «Нет, я не дам этому случиться, — Милк помотала головой, — есть еще время. Я должна предупредить Райнера, и тогда он спасется... Пусть нас поймают, но Райнер должен уйти!»

— Пригнитесь, — произнёс Люк, — тогда они нас не заметят...

«Я... Я должна защитить тебя, Райнер!»

И тогда Милк открыла рот и завизжала:

— Я хочу в туалет!!

Люка тряхнуло.

— Сволочи! — орала Милк на весь лес. — Связали и бросили тут, ни стыда, ни совести! Извращенцы! Отпустите меня! Развяжите, кому говорю! И дайте сходить в туалет! У девушек... бывают трудности! Только не спрашивайте, КАКИЕ!!

— К-капитан... — Люк отчаянно пытался остановить ее. — Мы на вражеской территории... Тише, прошу вас... Терпите!!

Но — увы! Солдаты Нельфы уже взяли след:

— Обыскать здесь все! Они близко! Соберите отряд! Они заплатят нам за все, что сделали!

— Да что ж такое творится-то?! Вы серьезно?! — вскричали Лах и Муа.

— Что делать, что делать, что делать...

— О чем вы только думали, капитан, — в сердцах сказал Лир. — Вот теперь у нас неприятности...

Он, прищурившись, сделал знак Люку, и тот повернулся к Милк:

— Зачем вы это сделали, капитан?

Люк говорил мягко, но девушка чувствовала себя пристыженной. Она не могла рассказать о Райнере, ведь его преследует Роланд... «Люк очень добр ко мне... и я не хочу ему лгать...»

Но тут он тихо улыбнулся:

— Похоже, у вас были на то основания. Все в порядке. Мы на вашей стороне, капитан. Давайте лучше подумаем, что теперь делать.

— Люк... — она закусила губу и уже почти призналась...

— Что за ребята? — услышала она вдруг. — Это не те, что были утром.

— Эй, на них тоже эмблемы Роланда! Должно быть, у сладкой парочки есть сообщники.

Нельфийцы враз окружили их. Милк пыталась что-то сказать, но Люк опередил ее:

— Успокойтесь, пожалуйста. Мы вовсе не...

— Ну уж нет! Роландские ублюдки! — разъярились солдаты. — Ваш король обещал нам мир, а сам теперь посылает сюда шпионов! А мы ему верили, как последние идиоты!

— Да послушайте же! Никакие мы не шпионы. Мы — отряд преследования нарушителей Запрета, у нас есть разрешение, подписанное нельфийским...

БАБАХ! В небо взвилась вспышка яркого света, и гром оглушил Милк и ее товарищей. Ослепительное сияние разлилось над лесом.

— Что происходит?! Что это за свет?! — вопили нельфийцы, задирая головы.

— Ничего не понимаю, — Люк прищурился, — это же магия Роланда... Изучи...

Но внезапно все звуки исчезли: и его голос, и крики солдат. Милк с Люком переглянулись, разом смекнув, в чем дело. Это Антэ — еще одно заклинание из роландского арсенала, которое разом приглушало звук. Очень полезно в бою против воинов королевства Эстабул, в ходу у которых были волшебные звуковые волны. Магия Антэ, напротив, гасила колебания воздуха и погружала людей в полную тишину...

Нельфийцы, конечно же, растерялись. Милк не могла не оценить всей прелести тактики: гром и молния Изучи растревожили бедных солдат, а уж тишина и вовсе ввергла их в панику.

Но ненадолго. Снова вскричали солдаты:

— Что это было?!

— Враги! Они близко!

— Без сомнений, магия Роланда... Но неужели... имиябури вздумалось нас спасти? — поразился Люк. — Они разве не понимают, что мы их преследуем?

«Они могли бы этого и не делать, — хотела сказать ему Милк, — но Райнер... Я знала, что он меня помнит! Он спас меня! Но — аргх! Я ведь так для него старалась! И вообще, нам ничего не угрожало!»

И все же она просияла.

Но тут... один из нельфийцев рухнул на землю, теряя сознание. «Он здесь! — поняла девушка. — Он пришел к нам на выручку!» Вот, однако, мелькнули золотые волосы... Феррис! Она сражалась с солдатами, изящно орудуя длинным мечом.

«Почему она?! И зачем этой Феррис нас защищать?! — Милк совсем запуталась. — Неужели она... хорошая? Но если Райнер не ее пленник... Тогда он ее возлюбленный».

В этот момент к девочке подоспел как всегда вялый Райнер. Увидев его, она воскликнула:

— Райнер! Вот дуралей! И где тебя только носит! Поверить не могу! А нельзя ли побыстрее спасти меня? Я не хочу при всех оконфузиться!

Ее сердце затрепетало. Она рисковала ради него... «Райнер... Ч-чем ты там занимался с этой

красавицей?» — лишь думая об этом, Милк хотела заплакать.

— Эх... Вот и спасай таких, чтобы тебя дураком обозвали, — буркнул Лют.

— Д-да хоть бы и так! Развяжи меня сейчас же! Это приказ! Может, я глупо выгляжу, но я все ещё лейтенант!

— Я в курсе, но ты давай-ка потише. Ей и так нелегко отвлекать этих молодчиков. Будешь вопить — вся операция к черту...

— Поздно спохватились, — вдруг обронила женщина.

— Что?

Райнер обернулся и увидел, как прибыло подкрепление. Нельфийцы несли мечи, топоры, булавы и прочую атрибутику.

— Они заодно! Это шпионы Роланда! Хватайте их!

— Это недоразумение! — воскликнул Люк. — А вы, нарушители, никак с ума посходили? Что делается!

Тут нельфийцы слаженно перешли в атаку.

— Попрошу без насилия! Эй, эй, Эй! — Райнер заметался, уворачиваясь от тяжелых ударов. Внезапно он оступился и следующий удар заблокировал странным синим кинжалом, который все это время был у него в руках. Кинжал не слишком походил на опасное оружие: его рукоять и лезвие были сделаны из одного материала.

— Эта штука... В бою она бесполезна... Он проиграет... — тихо сказала Милк.

Шквал атак обрушился на него.

— Черт возьми... Феррис, нам нужен другой план... АХ!

И тут случилось ужасное. Ударом копья Райнера отбросили далеко-далеко. Он растянулся на земле без движения. Милк смотрела во все глаза: страшный удар пришелся ему прямо в голову... Странно, что не снес ее с плеч.

— Не... не верю... Нет, я не верю...

Она наконец-то встретилась с ним... Но не успела даже сказать «спасибо»... Не успела сказать «ты мне нравишься»... Не успела совсем ничего...

Райнер... он...

— Нет! Не-е-е-ет! Райнер! — страшно закричала Милк.

— Что? О, восхитительно, — обернувшись, произнесла красавица с полным удовлетворением. — Он что, помер?

И это все?! «Как так?! Она хоть соображает, что говорит?! Райнер... он был у нее в когтях... Райнер... Райнер...»

— О-о-ох... — неожиданно Лют поднялся, услышав мечницу, и схватился за голову. — Скверная ты женщина...

Каллауд просто опешила: «С ума сойти... После такого удара он все еще может стоять! А она? Она знала, что он в порядке?»

Милк нашла глазами Феррис: та показала магу язык.

— Так ты живой. Вот счастье-то, — упавшим голосом сказала она.

— А где же бурные овации?

— Не дожدهшься. Уж этот удар ты обязан был выдержать. Я тебя и то сильнее поколачиваю.

— Умеешь ты поддержать.

— Еще бы. Ну, а теперь серьезно: ситуация у нас сложная. Райнер, если будем спасать брошенную тобой девицу и этих парней, то на всех солдат сил может не хватить. Самое время вспомнить, что ты мужчина.

— А? Ты это о чем?

— Все очень просто. Что это у тебя там? Меч героя? Ты его держишь, значит, ты герой. Ну, а раз ты герой, то сделай уже что-нибудь.

— Логику блондинки мне не понять. И потом, я же не знаю, как он работает!

— Так узнай.

— На это нет времени!

— Я тебя прикрою.

Милк не совсем понимала, о чем они говорят. Но тут Феррис выскочила вперед, принимая удар солдат на себя... защищая Райнера. Каллауд потеряла дар речи: эти двое — что их все-таки связывает?

— Так я ничего не пойму... Да и вряд ли я что-нибудь обнаружу в такой спешке... Эй!

На мгновение меч Феррис очутился возле него — и снова вернулся к солдатам.

— Будешь ныть, — произнесла она, — и твоя голова навсегда распрощается с телом.

— А-а-а-ага...

Носитель Альфа Стигмы принялся изучать кинжал, не смея послушаться грозной напарницы. Он пристально вглядывался в лезвие, осматривал рукоять со всех сторон, анализировал, вычислял... И наконец...

— Я! НЕ! ЗНАЮ! До меня ни за что не дойдет, пока все вокруг не заткнется!!

Признавая свое поражение, он разъяренно швырнул кинжал, и тот воткнулся лезвием в землю.

И земля взревела.

— Что это?! — взвизгнула Милк, увидев, как вздыбилась почва. Стихия словно взбесилась: началось землетрясение.

— Эй! Что происходит? — крикнул Люк. Ему вторили Лах, Лир, Муа и даже солдаты Нельфы. Паника воцарилась в рядах последних. И только Райнер — виновник этого хаоса — оставался меланхоличен.

«Что... что же это такое... Райнер, что ты наделал?»

— Что ты сделал? — задала вопрос Феррис в унисон с мыслями лейтенанта.

— А бог его знает... — просто ответил он.

Из отверстия, сделанного кинжалом, появился столб огня. А в огне показались огромная челюсть, острые клыки, алые глаза...

ДРАКОН!

Чудище распахнуло огромный рот и взревело.

— Мамочки! — вырвалось у Милк. Прямо перед ней бесновалось невероятное существо, какие бывают только в сказках. Смерть буквально дышала в лицо, пламя дракона пугало и завораживало.

— Чудовище!!

— Мы все умрем!

Солдаты Нельфы сбежали первыми, оглашая окрестности ярыми воплями. Отряд Милк с удовольствием дал бы деру, если бы не веревки.

— К-к-к-к-капитан, что это за тварь?! — завопил Муа.

— Откуда мне знать?!

— Нам конец! Теперь точно конец! — причитал Лах. — Конец — и все тут! Нам не спастись!

— Э-эх~ — только и выдал Лир.

— Так, всем успокоиться! — громыхнул Люк. — Не можем бежать — значит, будем ползти!

Дракон снова издал устрашающее рычание, и у Милк и ее мальчишек все застыло внутри. А потом они заорали.

За десять минут тварь потихоньку уgomонилась; отряд Милк так и не рискнул сдвинуться с места. Райнер в немом изумлении созерцал дракона.

— Впечатляет, — сказала ему Феррис, также находившаяся подле отряда. — Это легендарный герой?

— Прежде всего это дракон. Но, без сомнения, легендарный.

— Угу. Как бы там ни было, мы спасены. Ты молодец. А сейчас, будь добр, верни его на место. Следует положить конец его бесцельному существованию.

Тогда Райнер обернул к ней лицо:

— Как я запихну его назад?..

На этот вопрос у мечницы не нашлось ответа.

В финале Милк стала свидетелем невероятной сцены. Плюнув на дьявольское создание и начисто позабыв о бедовом отряде, Райнер и Феррис двинулись в путь-дорогу, будто бы не они заварили всю эту кашу.

— Но если вернуться к кинжалу, который принадлежал герою... Теперь мы знаем, что такие вещи действительно существуют.

— Буквально узрели воочию.

— П-постой, Райнер! Сними с нас эти веревки! — крикнула Милк. Напарники даже не оглянулись. Ладно мечница, но вот Райнер... Милк просто глазам своим не поверила. — Да как же так... Почему?

— А раз мы это знаем, — говорил Райнер, — то значит, будем искать и другие Реликвии? Вот запара-то~

— О да. Рядом с таким извращенцем я чувствую себя неуютно.

— А представь, каково моей бедной головушке всякий раз, что когда ты обещаешь ее срубить?

«Все шутят и шутят! А как же дракон?!»

— Не оставляй меня рядом с этой жутью!!!

Бесполезно. Напарники скрылись вдаль. Милк изумленно смотрела им вслед: как все это странно... Она понимала, что Райнер многое пережил. Но... он же спас ее, так почему же теперь не удостоил и кивком? Как это так?

Милк сощурилась, зная, что если бы не он... Она была бы мертва. А что касается мечницы... Каллауд все не могла понять, что чувствует Райнер к женщине, которая рядом с ним. Но все же она догадывалась, что друг детства нажил себе крупные неприятности, это было ясно как день. «Так что теперь моя очередь спасти Райнера! Ради этого я готова на все!»

— А-а-а! Мои зубы!.. Но веревку я перегрыз! — слышался голос Лаха.

— Молодец! Сейчас я всех освобожу...

Слыша это, Милк отчего-то не двигалась.

— Отлично! Теперь капитана! — сказал Муа.

— Капитан... Милк? — неожиданно окликнул ее Люк. Та не обернулась. Она готова пожертвовать всем на свете... и даже доверием подчиненных. Она уже предала их.

«Я недостойна быть командиром», — подумала Милк Каллауд. Люк и остальные молчали.

— Капитан Милк, — вновь обратился к ней Люк. — Помните, что мы вам говорили?

Милк не помнила. Райнер занимал все ее мысли.

— Вы знаете, что когда-то я был в отряде майора Миллера?

— О чем ты...

Но Люк не дал ей и слова молвить. Он продолжал увещевать:

— Однажды я был в подчинении у майора. Тогда я был еще новичком, а Миллер — моим капитаном. Это был совершенно другой отряд преследования.

Милк не удержалась и взглянула на него через плечо с удивлением. Что он хочет этим сказать?

— В тот раз наш отряд послали в империю Руну, — говорил Люк с улыбкой. — Не буду вдаваться в подробности... Скажу только, что нарушителями была семья из четырех человек — роландские беглецы. Родители и двое усыновленных приютских мальчишек. Роландские войска приказали нам арестовать их, а лучше — убить. И родителей, и детей...

Милк нахмурилась: она знала, с чем им приходится сталкиваться по долгу службы. Отряды преследования выполняют свою работу, несмотря ни на что. Любой имиябуридолжен быть строго наказан. По крайней мере, так говорил майор Миллер...

«Тогда я спрошу еще раз: к чему вам история этого имиябури? Что, если вы восплачете к нему сочувствием? И что, если сочувствие помешает вам убить его? Нам поручена грязная работа, и никто не согласится выполнить ее за нас. Тем не менее, это дело должно быть сделано».

Люк имел в виду то же самое.

— Мы быстро вышли на имиябури. Родители сопротивлялись, завязался бой... Но мы все же схватили их. Они отчаянно, со слезами на глазах, умоляли, чтобы мы пощадили детей. Заберите нас, говорили они, но дети... Вы знаете, капитан Милк, что сделал тогда майор?

Тут девушка отвернулась: она не желала знать. Майор Миллер заботится о стране, значит, сделал все правильно. И совесть его была спокойна. «Только я не хочу и слышать об этом».

— Мы ничем не могли им помочь, — рассказывал Люк, — они и сами это понимали. Но когда мы сказали, что детей ждет та же участь... Они бежали. Они хотели защитить своих мальчиков — поэтому и ушли из Роланда.

У имиябури всегда есть причина. Ничего в этом мире не бывает просто так. И никто не виноват.

Никто не виноват...

— Они говорили, что любят своих сыновей. Да, они не были родными детьми, но все пять лет, что они провели в приемной семье, их любили всем сердцем. Они говорили, что дети не должны расплачиваться за ошибки родителей. Они так просили оставить мальчикам жизнь... Но... — Люк сделал паузу. — Но майор Миллер... сначала убил детей.

Милк словно ударили под дых.

— Родителей мы вернули в Роланд. В конце концов им вынесли смертный приговор. Так и закончилась наша миссия. Затем была еще одна... Такая работа у отрядов преследования

нарушителей Запрета. В команде очень нужны сильные люди, способные сделать подобный выбор.

— Я знаю, — кивнула она льняной головой. Люк все понял, и она это действительно знала. Спасая Райнера, она доказала, что недостойна быть их товарищем. Тогда Милк прошептала: — Я... я уволюсь из отряда преследования...

— Но кстати говоря, капитан Милк, — вдруг оборвал ее Люк, — вот вам на заметку: тех мальчиков звали... Муа и Лахом. Ну-с, что вы думаете?

— Что?.. — едва вымолвила она. Ошеломленно Милк уставилась на своих подчиненных; те улыбались. — Но... Но как же так...

— Все именно так, — ответил Люк. — Майор Миллер не смог убить этих детей. Он очень серьезно относится к своим обязанностям... Но сам так и не смог. Понимаете? — он нахмурился. — Родителей уже нельзя было спасти, но детей майор Миллер не тронул. По тем временам, в годы правления прежнего короля, это была измена. И все-таки майор Миллер тайно вернул мальчиков Роланд и нанял в свои войска.

— Но... но... но... но... — она все так и не могла ничего сказать.

— Я мог бы донести на Миллера, — сказал Люк, — не будь я на его стороне, как и все мои спутники. Мы не просто последовали за ним — мы ему поверили. Мы всей душой доверяли нашему строгому командиру, поэтому молча приняли это его решение. Это и есть работа в команде. И вот что...

Люк со значением посмотрел на нее.

— Я верю вам, капитан Милк, — улыбнулся Лир, на миг растеряв свое стойкое хладнокровие.

— И я! — сказал Лах.

— Я тоже! — добавил Муа.

Последний, Люк, был на редкость серьезен:

— Капитан Милк. Когда мы узнали, что вас назначили командиром, то... немного расстроились. Мы настолько сработались с майором Миллером, что не видели никого другого.

— Правда?

И он мягко кивнул.

— Но вот мы познакомились с вами, и наше мнение переменилось. Мы пойдем за вами куда угодно... Мы станем для вас семьей. Таким и должен быть наш отряд. Нам очень нравится с вами работать, капитан Милк, мы полюбили вас и хотим, чтобы вы были счастливы. И поможем вернуть то, что вы потеряли. Будем беречь вас и верить в вас. Потому что за своих людей нужно бороться...

Она по-прежнему молчала.

— Делайте то, что считаете правильным, капитан. А мы вам доверимся точно так же, как доверяли майору Миллеру. И не волнуйтесь: что бы ни случилось, мы всегда будем с вами. Так что не бойтесь принять решение. Вы всегда будете нашим командиром... и каждое утро мы

будем завтракать вместе. Потому что мы — одна семья.

— Одна семья... — Милк замерла, услышав это. Впервые на ее памяти это слово произносили... так. — Семья...

Она никогда не думала, что в этом слове столько притягательности. У нее в жизни не было своей семьи, она и не знала, как это бывает... Но эти люди — ее семья. Странно это говорить, странно об этом думать... А особенно странно чувствовать, как защемило сердце. Перед глазами все поплыло от слез.

Люк тут же оказался рядом, он гладил ее волосы, утешая. Лах и Муа дурачились, чтобы развеселить ее; Лир смотрел на нее с улыбкой, явно обещая быть ей опорой...

Ей в голову не приходило, что такое возможно. Каково это — не быть одинокой? Как же это случилось? И почему вдруг стало тепло на душе?..

«Я... я не одна».

«И я все еще могу спасти Райнера». Не было слов, чтобы описать ее счастье. Наконец-то она плакала не от тоски... Милк искренне и радостно улыбалась.

— Ну, раз мы все уладили, — произнес Люк, — можно вернуться к нашим делам.

— А что у нас за дела? — непонимающе спросила она. Весь отряд указал в сторону... дракона. Надо же, а ведь из-за Райнера она уже и забыла о чуде. Дракон тем временем замер в своем узилище.

— Ой, — вырвалось у девчонки. — Так, ясно... Развяжите м-меня.

— Сейчас! — мальчики будто и не заметили ее оплошности. Лах и Муа сняли с нее веревки.

— А теперь сматываемся!

— Есть!

Отряд Милк быстро покинул лес. А дракон... исчез, словно его и не было.

Глава 3. У всех своя меланхолия

Тем временем в столице Роланда царил хаос — первый за все время правления короля Сиона Астала. Эстабул открыто демонстрировал неподчинение, и на его призыв откликнулось множество воинов эстабульской армии. Теперь у мятежного Эстабула было достаточно сил, что вызвало гнев у знати Роланда и горожан.

...А все же королевский дворец был блистателен. Его предыдущий хозяин, желая себя возвеличить, приказал построить огромный чертог в окружении монолитных колонн и в одном из залов воздвигнуть трон. И с тех пор королю, занявшему этот трон, никто не осмеливался перечить. Придворные знали, что Его Величество скор на расправу, и старались во всем ему угождать. В то время империя Роланд была другой. Она гнила заживо.

Но теперь на троне сидел Сион в окружении своей свиты. Клаус, Калне, Фроаде и граф Нубул представляли правительственную фракцию. В оппозиции заседали герцог Стеарид и его люди.

Сион взглянул на людей, склонившихся перед ним, и произнес с тихой улыбкой: «Все более

чем прозрачно...» Он видел, что представители обеих фракций столпились по разные стороны тронного зала; пара-тройка лазутчиков оппозиции затерялась в рядах правительственной фракции, но также среди самих оппозиционеров находились шпионы Его Величества. Они сообщали, что многие в оппозиции настроены очень жестко и королю поддаваться не собираются.

К Сиону примкнули армия и лояльный трону узкий круг знати. Что касалось военнотружущих: те, вероятно, надеялись получить свою выгоду, поддержав короля. Всюду одни только политиканы, а людей, которые вправду хотели лучшего для страны, можно пересчитать по пальцам.

«И это вoвсе не удивительно...»

Первым взял слово сорокалетний мужчина с выпученными глазами — граф Криад, оппозиционер.

— Ваше Величество, и как вы собираетесь отвечать за все это? — произнес он. — В Эстабуле — вспышка народных волнений...

— Лорд Криад! Потрудитесь обратиться к Его Величеству с должным почтением! — вскричал высокий пожилой граф Нубул, метнув в противника жесткий взгляд. Граф Криад попятился, оглянувшись на своих соратников, ища поддержки.

Но вскоре вернул себе уверенность:

— Ха! Я вoвсе не шучу, лорд Нубул. Эстабульское отребье бунтует, и наш король не смог этому помешать! Что прямо указывает на его беспомощность!

— Да как вы смеете! Его Величество не потерпит такого высокомерного отношения!

— Придется стерпеть... — пробормотал Сион с горькой усмешкой. Он знал, что у него нет выбора, ведь дворяне окончательно отбили от рук. Поэтому он вынужден закрыть глаза на все оскорбления. Кроме того, за спиной у Криада — Сион прищурился — виднелся герцог Стеарид. «Криад пляшет под его дудку. Стеарид обладает большим влиянием, нежели я», — подумал король. Герцог вполне мог купить поддержку дворян или добиться ее угрозами... Наверняка, были и другие способы. Вокруг этого человека сгустилась тьма Роланда — недаром он был доверенное лицо свергнутого короля.

У Стеарида прорва возможностей. В революцию многие знатные люди утратили власть, но только не герцог: он сохранил за собой высокое положение, заправляя всем, как и прежде, среди дворян. Напрасно Сион подсылал к Стеариду шпионов — те не нашли ни единой ниточки (а некоторые из них вoобще не вернулись). Надо сказать, что земли герцога процветали, и люди отзывались о нем с благодарностью.

Сион осмотрел стоящего перед ним Стеарида: ему подкатывало к шестидесяти, но держался он очень прямо. В лице дворянина читалось дружелюбие, и все же... Он стоит за всеми действиями оппозиции, пусть и не выходит на сцену. Астал чувствовал, что все именно так.

Но вот король покачал головой: не время думать об этом. Когда-нибудь козни дворян перерастут в открытое неповиновение, но сейчас самое важное — эстабульский мятеж.

Сион перевел взгляд на человека, который и заварил всю кашу: тот, в свою очередь, наблюдал за спором Криада и Нубула, имея при этом вид совершенно невинный. Король знал, кто

развязал революцию в Эстабуле. Знал, кто предложил воспользоваться шумихой и уничтожить всех опасных заговорщиков разом.

Тот человек тихо улыбнулся.

— По-вашему, это высокомерие? — сказал тем временем Криад. — Я говорю только правду. Его Величество слишком снисходительны. Эти глупые крестьяне без нас и шагу ступить не могут, но вы потакали им, и они возгордились! То же и в Эстабуле! Его Величество обошлись с эстабульцами чересчур мягко — и вы сами видите, к чему это привело!

Лицо Нубула налилось краснотой...

— Молчать! — вдруг проревел чей-то сильный голос. Дворяне притихли как по команде, и все повернулись на голос.

Это был Стеарид.

— Главарь сказал свое слово... — тихо съязвил Клаус, который стоял к Сиону ближе всех.

Стеарид смерил взглядом окружающую его знать, потом посмотрел на Сиона и спокойно сказал:

— Тысяча извинений, Ваше Величество. Молодые люди не в силах сдержатъ эмоций... Но они так же радуют за нашу страну. Эстабульские беспорядки всех нас выбили из колеи.

«Радуют за нашу страну? И это говорит он — этот напыщенный скот?» — Сион сдержал рвущийся злобный смех и просто кивнул.

— Понимаю. Я очень благодарен и вам, герцог, и всей нашей знати за то, что все собрались здесь на благо Роланда. Ваш вклад поистине неизмерим.

— Мы не достойны... — Стеарид низко поклонился. А вот Нубул... Нубулу ожидаемо стало стыдно. Он взглянул на Сиона, и тот пожал плечами, намекая, что граф прощен.

Сейчас они не могут позволить себе сцепиться со Стеаридом, иначе рискуют спровоцировать оппозицию. Это можно... нужно отложить. «Эстабульский мятеж — вот что важно... Мы должны действовать в соответствии со сценарием», — думал Сион.

— Однако, Ваше Величество, как вы планируете подавить восстание? — произнес Стеарид. — Угнетенное положение не помешало эстабульской знати собрать целое войско. Нам бы хотелось услышать ответ сейчас, — и он хитро улыбнулся.

Стеарид знал, что с начала восстания прошло не больше двух дней. А что можно сделать всего за двое суток? Эту мысль Сион прочел в лице герцога. Но ведь тому невдомек, кто затеял мятеж и где укрепились зачинщики.

Тем не менее, Сион улыбнулся:

— Разумеется, герцог, меры уже были приняты. Мы успели должным образом подготовиться, а потому вам нет нужды волноваться.

Едва стихло последнее слово, как по тронному залу разнесся шум голосов. Задумчивый Стеарид был весьма удивлен — как и Клаус, и Калне, и Нубул, и прочие союзники короля.

— Так ты знал, что вот-вот начнутся беспорядки? — спросил Клаус. Сион кивнул, не сводя глаз с герцога.

— Мы уже обнаружили зачинщика восстания. Это единственная дочь Руэ Эна, бывшего правителя Эстабула — леди Ноа Эн. Ее отец отказался со мною беседовать. Очевидно, что дворяне и армия Эстабула сплотились вокруг своенравной девицы.

— Не думал, что вам столь многое известно... — Стеарид был в легком замешательстве. Его тихие слова достигли ушей Сиона.

— О да, мы знаем многое. Нам хватило времени разведать обстановку. Таким образом, присутствующие здесь господа могут чувствовать себя в безопасности. Я мог бы показаться чересчур наивным, но, уверяю вас, это не так.

С этими словами Сион пристально уставился на герцога и других дворян: «И верно, я не настолько глуп, чтобы простить все ваши выходки...» Дворяне отводили глаза, опускали головы... Только Стеарид нашел в себе смелость ответить Сиону улыбкой.

— Весьма предусмотрительно, Ваше Величество. Наша страна под надежной защитой...

— Значит, полковник Миран Фроаде посвятит вас в детали, — продолжил Сион. — Пожалуйста, выйди вперед.

Фроаде кивнул и выступил перед собравшимися. Молча дождавшись, пока все взгляды обратятся к нему, он заговорил:

— Ситуация сложная. Согласно имеющейся информации, за эти два дня к мятежу примкнуло... тридцать тысяч эстабульских солдат, — прозвенел его замогильный голос. — И с каждым днем их число будет увеличиваться. Если мы что-нибудь не предпримем, рано или поздно на стороне восставших будет около пятидесяти тысяч солдат.

— Пятьдесят тысяч?! — ахнули дворяне. — Не может быть... Ведь это же... Половина прежней эстабульской армии...

Фроаде, не отвлекаясь, спокойно продолжал:

— Предполагается, что военные действия развернутся на территории провинции Эстабул, но при этом затронут и земли Роланда. Однако, есть способ этого избежать: мы можем перенести бои на территорию герцога Стеарида...

— Что?! Я не отдам свои земли! — загрохотал Стеарид, но Фроаде прервал его:

— Мне очень жаль, герцог, но их расположение дает нам тактическое преимущество. Я уверен, что вы согласитесь. Вы ведь тоже радуете за страну, не правда ли?

— Проклятье... проклятье... — только и ответил герцог.

— А кроме владений герцога, — Фроаде гнул свою линию, — война может коснуться территорий лорда Нубула, лорда Пирла и лорда Айзрана... Предлагаю на время эвакуировать их население в город. И не волнуйтесь: я лично прослежу, чтобы армия защитила все ваши земли.

Сион злорадно улыбнулся: названные дворяне, за исключением Нубула, состояли в числе

оппозиции.

Тут же Криад, Айзран и Нубул перекошились:

— Позвольте, позвольте! Вы хотите, чтобы мы покинули наши поместья? Ваши войска будут топтать наши владения?!

— Возмутительно! Я никогда не соглашусь на подобное!

Но темные глаза Фроаде пригвоздили их к месту.

— Никогда? На что это вы намекаете? Неужто боитесь оставить владения без присмотра? Выходит, вам есть что скрывать?..

— Ч... чепуха! Конечно нет! Но... но... — все трое умоляюще посмотрели на Стеарида.

— Ну же, лорд Криад, не волнуйтесь. Я знаю, что вы хотели сказать, — ответил герцог и повернулся к Фроаде. — Полковник, прошу, поймите их. Вы ведь тоже благородного происхождения? Мы, дворяне, очень любим свою землю — и свой народ. Печально думать, что в скором времени все это будет охвачено пламенем мятежа. Как мы можем оставить свои дома в этот трудный час?

— О, я понимаю, — прищурился Фроаде. — Если хотите, можете остаться там. У Эстабула всего лишь полсотни тысяч солдат. Вам абсолютно нечего бояться.

Астал едва сумел подавить смешок. Пятьдесят тысяч — это все же немало для сражения на вражеской территории. И если дворяне не пожелают покинуть зону боевых действий, то их наверняка ждет смерть...

Лорды побледнели.

— В... в самом деле... У меня найдутся дела и вне моей вотчины...

Но тут Стеарид поднял руку, обрывая Криада:

— Полковник, а нет ли другого способа оградить страну от последствий разрушительного мятежа? Уж не время ли показать нашу военную мощь?

— О. Вы предлагаете раздавить восстание в самом сердце провинции Эстабул?

— Именно. Нет нужды рисковать людьми Роланда. Или есть?

— В настоящее время Эстабул принадлежит Роланду, и все его люди — такие же роландцы. Вы не согласны?

— Вот что вы думаете! Мы уже один раз разбили их...

— Я думаю, герцог, — Фроаде повысил голос, — что подобное заявление идет вразрез с интересами империи.

Прежде спокойные глаза Стеарида резко посуровели:

— Полковник Фроаде... Вам не кажется, что вы слишком много себе позволяете? За кого вы меня принимаете?

— Приношу извинения, — склонил голову тот. — Я готов понести любое наказание. Но сейчас мы должны расправиться с Эстабулом. Пока мы с вами тут беседуем, армия мятежников набирает силу. Кстати, я рекомендую начать переговоры, ведь сейчас наилучший момент...

Тут Сион покачал головой, перехватив взгляд созника:

— Никаких переговоров. Они могут решить, что мы позволили им бунтовать. Эстабул объявит свою независимость — и начнется война.

— Значит, применим силу, — Фроаде кивнул. — Ваше Величество, я буду командовать армией...

Все решено: Фроаде возьмет войска и с их помощью устраним войска и знать Эстабула. Но неожиданно Сион снова покачал головой.

— Нет, я поручаю это генерал-майору Клаусу Клому.

Фроаде обернулся — выражение его лица было мрачным, чуть ли не ледяным. Сион понял, что его насторожило: изначально сценарий, предложенный полковником, был другим. Фроаде должен был начать переговоры, чтобы выявить слабое место эстабульского мятежа и разгромить эстабульскую знать. Пожар войны затронет империю Роланд, и земли всей оппозиции сгорят в нем дотла. Вот что они планировали, но теперь...

— Мой лорд, — холодно произнес Фроаде, — это дело...

— Я могу на тебя рассчитывать, Клаус? — король будто не слышал.

Клаус злобно улыбнулся Фроаде, прижав руку к груди и важно ответив:

— Будет исполнено.

— Фроаде, ты займешься сбором информации, — продолжал Астал. — И будешь помогать советами Клаусу.

— Чего? — вырвалось у генерал-майора. — Назначать его мне в помощь...

— Это приказ, Клаус. Фроаде, ты понял?

— Разумеется, — бесстрастно произнес Фроаде, тихо улыбнувшись, — положитесь на меня.

— В таком случае, генерал-майор Клом будет руководить подавлением мятежа. Точка, — торжествовал король. — Если возражений нет, то прошу всех разойтись. Совещание окончено.

Возражений не было.

...

Вскоре знатные вельможи покинули дворец. Кто-то уезжал раздосадованным, кто-то — удовлетворенным, а некоторые были просто счастливы, что война обойдет их дома стороной.

Но герцог Стеарид уезжать явно не собирался. Он как ни в чем не бывало слонялся среди придворных, то и дело поглядывая в самый мрачный угол тронного зала: там, в стороне от союзников, стоял Миран Фроаде. Герцог мог понять причину такой отчужденности — ведь король не внял голосу своего советника.

Эстабульский мятеж... Что, если это Фроаде намеренно раздул пламя восстания? Эту теорию Стеарид подтверждало удивительное спокойствие юного короля. Выходит, полковник ждал возможности разобраться с бунтовщиками... не без выгоды для самого себя.

Герцог подумал, что Миран Фроаде — этот безжалостный манипулятор — очень опасен. Он расчетлив, умен, готов идти к своей цели по головам — рискни сказать слово против! Нет, нажать такого врага не захочется никому.

Стеарид, минуя толпу, с дружелюбной улыбкой приблизился к молодому полковнику. Зачем биться, если можно объединиться? Тем более что сейчас Фроаде прислушается. «Его Величество отказал ему, а это прекрасный шанс переманить Фроаде на нашу сторону...» — подумал герцог.

— Полковник?

Фроаде обернулся.

— Вы, герцог. Позвольте еще раз извиниться за мое грубое...

С самой доброжелательной миной Стеарид поднял руку:

— Нет-нет, не стоит. Вы всего лишь дали понять, что волнуетесь за судьбу империи. Я многое слышал о вас. Полагаю, что ваш отец — лорд Фроаде — может гордиться вами.

— Ваша похвала — это огромная честь для меня, — произнес Фроаде с прежним выражением.

Герцог прекрасно знал, какие чувства Фроаде питает к своему отцу — то была нежная привязанность мальчика-сироты к знатному благодетелю, хотя тот и взял приемыша ради военной службы. Поговаривали, что Миран Фроаде готов на все, чтобы завоевать отцовское одобрение.

— Вам, должно быть, известно, — произнес Стеарид, — что мы с маркизом связаны крепкими узами дружбы. Такие же добрые отношения я всегда хотел поддерживать с вами.

— О, я знаю. Признаться, лорд Стеарид, я и сам этого желаю.

— Вот как! Тем лучше. Мы, верно, поняли друг друга — и значит, с вами можно говорить начистоту, — герцог упорно прощупывал собеседника. — Я вижу в вас себя, полковник.

— Мы явно очень похожи, герцог.

Он угадал. «Противник идет мне навстречу... Ошибки быть не может...» — и Стеарид довольно улыбнулся.

— Вот-вот. А король — я уверен, что с ним вас ничего не роднит...

Похоже, его слова заставили Фроаде глубоко задуматься; он опустил взгляд и произнес:

— Все так. Жаль, он не послушал моего совета. Но это лишь мое собственное мнение... Его Величество не ищет очевидной выгоды; по правде говоря, это приводит меня в растерянность.

Его слова определили все.

«Теперь он мой», — мелькнуло у герцога. То был истинный сын Карла Фроаде, хоть и не родной

по крови. И он без колебаний примкнет к Стеариду, если посулить ему нечто весьма заманчивое: Фроаде кого угодно продаст — лишь бы остаться в выигрыше.

— Вот как вы полагаете, — радостно сказал Стеарид.

— Повторюсь: это только мое мнение.

— И что же? Кому вы на самом деле симпатизируете?

— Что вы имеете в виду? — Фроаде наклонил голову. Но Стеарид улыбнулся:

— Да будет вам. Есть мы, а есть молодой король... На чьей стороне вы?

— ...Боюсь, я не совсем понимаю.

— А вы весьма осторожны, — усмехнулся герцог, — и очень умны. Хотите, чтобы я обещал вам солидный куш — что ж, извольте: для вас я ничего не пожалею. Люди ваших талантов довольно редки; со временем вы могли бы стать моей правой рукой...

Он все говорил и говорил — на удивление искренне. Герцога окружали знатные алчные идиоты, не желавшие смотреть в будущее; но ему нужен был человек проницательный, которому можно довериться... И этот человек — прямо перед ним.

Но неожиданно Фроаде заметил:

— До чего же вы туго соображаете. И это роднит вас с другими дворянами.

— Что... что вы такое... — герцог осекся, глядя на искажившееся лицо полковника. Алый рот, слегка приоткрывшись, стал похож на кровавый росчерк на темном полотне.

— Как я уже говорил — неужели не помните? — мой дорогой король слишком добр к своим врагам. Он не желает смерти глупым дворянам. Я бы на его месте от вас и следа не оставил, да только он, увы, обладает большим смирением. Придется мне самому избавить его от высокородных вредителей... Ведь ради Его Величества я готов на все.

В те минуты от Фроаде исходила такая угроза, что даже герцога с его глухой интуицией проняло. Он хочет меня убить?! — у Стеарида будто отнялись ноги, паралич сковал все его тело.

— Что вы... что вы...

Фроаде молча улыбнулся, но в ушах Стеарида так и стоял дьявольский смех. Не шевельнуться. Не закричать. Не сбежать. Иначе с ним все будет кончено... Стеарид понял, что до смешного жестоко ошибся, и теперь страшно жалел об этом. Да, он ошибся, ведь Миран Фроаде — не человек. Это холодный голос принадлежал сатане, дьяволу во плоти.

— Вы сказали, что ничего не пожалеете, — спокойно произнес Фроаде. — Но дать то, что желанно мне, вы не в силах. Сможет только мой господин Сион Астал. Он — истинный король, которому суждено создать мир моей мечты — мир, где выживает сильнейший. И я буду счастлив только тогда, когда он станет владыкой всего Менолиса.

Стеарида эти слова потрясли: «Владыка Менолиса... Этот... человек... Я не понимаю... Неужели он хочет, чтобы войной накрыло весь континент?..»

— Теперь и я спрошу: на чьей же вы стороне? Вы вольны остаться владыкой серого закулисья — и так же вольны примкнуть к моему королю... Ради вашего же блага советую вам принять решение быстро, до начала эстабульских репрессий... — вдруг Фроаде холодно и бесчувственно ухмыльнулся, но эта ухмылка была лишена протиеестественности. С герцога спало оцепенение, власть над телом к нему вернулась, однако холодный пот тут же прошиб до костей, и от невыносимой слабости Стеарид едва не упал на колени.

Видя это, Фроаде сказал:

— Прощу простить мне недопустимую вольность. Я ценю ваше предложение, но.... Позвольте откланяться.

Он вернулся к союзникам короля; Стеарид провожал его изумленным взглядом, только теперь понимая, что угодил в вражескую западню. Видно, полковник не просто так отделился от королевской свиты...

Герцог думал над тем, что сказал Фроаде: «Ради вашего же блага... До начала эстабульских репрессий... Но что это значит? Кажется, здесь есть над чем поломать голову...»

...

Старый замок, грязный и запустелый — он совсем не походил на роландский дворец. Единственным его преимуществом были внушительные размеры, но все же он не был настолько большим, чтобы оправдывать свое название.

Древний Город... Блокпост, один из многих построенных в эпоху первой войны Эстабула и Роланда.

Принцесса разрушенного королевства, единственная наследница Эстабула, находилась в одной из комнат Древнего Города. Принцессу звали Ноа Эн.

— Какие вести о моем отце? — звонко спросила она, поднимая голову, и синие волосы колыхнулись в такт. Синева была и в ее глазах. Сильные были глаза, слишком сильный взгляд — для семнадцатилетней барышни. Завораживающая внешность досталась Ноа от матери, первой красавицы Эстабула, но суровое выражение принадлежало ей самой. Ее народ в отчаянном положении, а она — последний потомок правящей эстабульской династии, так что ей пришлось вступить в большую политику. Да, Ноа Эн — всего лишь женщина, но ей все-таки суждено стать королевой.

Ближайший советник принцессы не медлил с ответом:

— Ваш отец нынче — роландский дворянин и живет в тылу у наших врагов. Но он поддержит нас, если будет возможность.

— Салавелл, — улыбнулась Ноа, — ты пытаешься... лгать мне?

Человек по имени Салавелл только пожал плечами. Ему, одному из самых знатных вельмож, что ей были известны, талантливейшему выпускнику Королевского колледжа, отпрыску знаменитого рода Сейлов, было около двадцати пяти лет. И он был наставником Ноа во всех вопросах, касающихся правления, и она доверяла ему как себе самой.

Тогда Ноа спросила:

— Как по-твоему, что происходит сейчас?

— Мое мнение — что ваш отец, наш король, променял королевство на положение и защиту в Роланде. Простите, если звучит слишком прямолинейно, но, полагаю, нам нет нужды просить его помощи.

— Помощи я не прошу, — и Ноа кивнула, — с тех пор как не стало мамы, мы с отцом очень отделились: он ушел с головой в работу... в его-то возрасте... Но мне кажется, людям больше пришлось бы по нраву, возглавь восстание он, а не женщина — его дочь.

Салавелл склонил голову:

— Ваше Высочество, я и представить не мог, что вас это беспокоит. Но знать и простой народ преклоняются перед вами. Вы уже поступаете, как настоящая королева, и люди выходят на улицы...

— И все это — не более чем слухи, которые ты же и посеял? — она с горечью рассмеялась, но Салавелла это отнюдь не смутило.

— Мне бы не удалось убедить людей в том, что они ждут именно вас, не будь это правдой.

— Оставим же это.

Ноа смеялась, но улыбка ее была очень усталой. Принцесса подумала, что им уже никогда не представится случая спокойно поговорить, и погрузилась. Салавелл, обнаружив это, мягко сказал:

— Вы боитесь, Ваше Высочество?

— Боюсь ли я? Безусловно, — едва взглянув на него, она прикрыла глаза, — я боюсь за всех нас. Я возглавлю этот мятеж, но что будет, если мы не победим?

— Мы победим, — уверенно произнес он. — Мы не уступим Роланду, что так жестоко и беспощадно отнял у нас королевство...

— Жестоко? Беспощадно? Но Роланд хорошо обошелся с эстабульским народом. Так нужно ли вообще сражаться?

— Разумеется, мы должны вырвать Эстабул из лап Роланда...

— На мой взгляд, Салавелл, — прервала его Ноа, — сейчас нужно думать не о стране. Существует Эстабул или нет — все одно, не играет роли. Важно то, что будет с людьми. Это и правда сделает их счастливыми? Что, если безрассудная вылазка обернется еще одним ненужным кровопролитием? — Она открыла глаза и снова взглянула на Салавелла: — Мне довольно будет знать, что мой народ живет счастливо. Разве не ты меня этому научил, Салавелл?

Услышав это, советник ненадолго задумался.

— Вы правы, моя госпожа. Но даже если и так — нам нужна эта война.

Ноа не ответила.

— Сейчас мы сильны, как и прежде, вот поэтому с нами Роланд любезен, а с эстабульцами —

справедлив. Но как долго это будет продолжаться? Придет день — и мы склонимся перед Роландом, и станем его рабами. Наш народ будет жить в страхе, от бывшей справедливости ничего не останется. Королевства — как люди, а люди известны тем, что стремятся принизить себе подобных. Не будь знатных дворян — не было бы простолюдинов, а уж без тех — не было бы рабов. И как можно подвергать критике действия роландской знати, когда есть риск, что однажды мы ей уподобимся? Если нас действительно волнует судьба народа, нужно сражаться, пока есть возможность.

Молча Ноа слушала, что говорит ей Салавелл, и все яснее понимала, что в ее руках — ключ к независимости Эстабула и всех, кто ее окружает.

— Салавелл... Раз ты это говоришь — так тому и быть. Прошлое повторяется... Именно я отдала приказ, который многим стоил жизни: солдатам, их семьям...

— Но именно ради вас мы готовы ею пожертвовать.

Она не хотела этого слышать, как не хотела и править: корона обяжет необходимостью вершить судьбы людей, жертвовать ими ради великой цели. Так учил ее Салавелл. Но...

Ради жителей Эстабула Ноа Эн придется надеть корону.

Она встала, и Салавелл распахнул перед ней дверь в комнату — медленно та отворилась. В комнате ее ждали военные и дворяне — ждали свою будущую королеву. Ноа взглянула поверх голов и увидела пламя войны, готовое сжечь дотла ее армию...

— Поднимайте войска, — приказала она, — и скажите, что нам нужна их доблесть! Мы защитим народ! Мы сами вернем независимость Эстабулу! Есть здесь люди, которые верят мне и готовы идти за мной?

В комнате раздались возгласы одобрения; Ноа опустила глаза, но тут же вскинула голову. Теперь сомнение в ее взгляде уступило место твердой решимости. Она стояла, пронзительно глядя перед собой, — прекрасное воплощение богини войны. Вот она вздохнула и...

— Тогда я официально объявляю, что с сегодняшнего дня мы ведем войну с империей Роланд!

И так началась война.

...

Посреди опустевшего роландского дворца, на троне сидел Сион — весь в странном оцепенении. Он смотрел в потолок, где таилось надежно привешенное украшение, которое больше никто не замечал: прекрасный крылатый ангел указывает мечом на демоническое создание. Сион смотрел не мигая.

— Люди будут... гибнуть... — сказал он себе самому. Умрут очень многие, в этом нет сомнений. Начиналась война с Эстабулом, которой он всеми силами старался избежать. Он заплатил сполна, причинив боль Кифар и Райнеру, пережив Файлу, Тони, Тайла и многих других... И в итоге все было зря.

— Фроаде. Это он во всем...

Но тут Сион покачал головой: неправда, все совсем не так. Король позволил Фроаде начать войну, потому как знал, что она неизбежна, не правда ли? А посылая Клауса подавить мятеж в

обход Фроаде, он просто успокаивал совесть. Конечно, все так и есть — это путь, избранный им самим. Но все же нельзя было доверить полковнику подавление мятежа: если есть шанс спасти хоть кого-нибудь — значит, нужно спасти. И это вовсе не было лицемерием, просто Клаус привык действовать так, а Фроаде — иначе. И оба нужны ему одинаково.

— У меня тоже есть свои методы... Да, все верно...

Но — новых смертей уже не предотвратить. Он сам приказал отправить людей на тот свет — не одного, не двоих... Он должен был сделать выбор. Какой частью пожертвовать, той или этой? Какая из них важнее?

Армия во главе с Клаусом уже выдвинулась на подавление эстабильского мятежа.

— Я должен... позволить Клаусу... убивать людей... — Сион зажмурился. Развязка уже близка. Но когда он снова открыл глаза, то невольно вскрикнул: украшение ожило! На потолке, рядом с ангелом и демоном, откуда ни возьмись появилась девушка... То есть девочка. Сион мог бы уже привыкнуть, но всякий раз она шокировала его своим появлением посреди дворца, битком набитого вооруженной стражей. Тут не то что ребенок — крыса и та не проскочит... Но эта крошка, прилипшая к потолку, не о стражниках беспокоилась, хотя на ее милом личике было тревожное выражение.

— Слушай, слушай, Ирис давно была во-о-он за тем столбом, возле твоего стула, а потом перелезла на потолок и отсюда подглядывала... Братец Сион, ты плачешь? Правда плачешь?

Красивые золотистые волосы, платье в кружавчиках, рюкзачок с двумя лямками — красивая и нарядная девочка вмиг засыпала короля вопросами. Сион помотал головой и кивком поклонился.

— Признаться, смущен... Так значит, ты все это время сидела там, наблюдая, как я расстраиваюсь?

— Ага! — девочка кивнула. — Братец Сион, ты был такой смешной! Такое лицо я видела только в книжках, но ты и впрямь собирался заплакать? Я раньше не видела, как кто-то плачет! Потому что сестренка Феррис никогда не плачет, и мой брат Люсиль тоже не плачет, зато очень страшно улыбается! — сказав это, Ирис насупилась. А Сион рассмеялся.

— Да уж, Люсиль может здорово напугать!..

Сказать по правде, Люсиль не столько пугал, сколько досаждал. Он был братом Феррис и Ирис, членом клана мечников, защитником королевской династии — знакомьтесь, глава Дома Эрис. Впрочем, «защитник» — не самое верное слово, если учитывать, что Люсиль мог в любой момент заменить короля, словно винтик в часовом механизме империи. Он защищал не Сиона, но Роланд. И если Люсиль Эрис покажется, что новый король ничем не лучше прежнего, то он просто убьет Сиона — и никто его не остановит. Он и есть истинный монстр.

Младшие сестры Люсиля, Феррис и Ирис, вызывали одно восхищение. Однако, поскольку обе с раннего детства пропадали на тренировках в клане Эрис, им не хватало самых элементарных познаний. Ирис сказала, что никогда не видела слез, потому что в этой семье плакать не позволялось, как бы ни было тяжело. Сестры даже не знали, что значит чувствовать — на то они и дочери Дома Эрис.

Если верить словам Феррис, то до какого-то возраста она не подозревала, что там, за пределами поместья, живут и другие люди. Конечно, Ирис была не так безнадеежна. И все-

таки...

Сион мягко взглянул на Ирис и поманил ее:

— Ну-ка слезай оттуда, не порть потолок.

— Эй! — девочка непонимающе нахмурилась. — Ты что, передумал плакать? Ирис так хотела посмотреть! А ты еще будешь плакать?

— Тебя это обрадует?

— Ага! Слезы снимают ст... стер... В общем, тебе станет легче, и сил прибавится... Мы с сестренкой читали об этом в книжке!

— Стресс, ты хотела сказать? — к ее разочарованию, Сион был сама невинность. — Но знаешь, ты меня раскусила. Просто мужчины не любят, когда видят их слезы. Хорошенько это запомни.

— Правда?! — Ирис страшно удивилась. — Правда не любят?! Значит, Ирис тебе помешала...

— Вовсе нет! Я и не думал плакать.

Но она его уже не слушала. Ее рука энергично махнула в сторону колоннады:

— Тогда... тогда я буду там! Чтобы ты мог поплакать!

Слишком быстро для своих десяти лет Ирис метнулась вниз, спряталась за одной из колонн, и теперь оттуда выглядывали только голубые глазищи. Сион вздохнул. Глазищи взволнованно заблестели.

— Я, конечно, все понимаю, но слезы лить... чтобы я...

— Меня видно? — спросила она вполголоса. — Что, не видно? Братец Сион, ты готов?

Понимая, что выбора нет, Сион вперился в девочку. Он изо всех сил старался не моргать, пока слезы сами не выступили на глазах.

— Ого! — восторженно взвизгнула Ирис. — Это было оно? Оно? Братец Сион заплакал! Так значит, мальчишки плачут, только когда одни! Нужно рассказать сестрице!

Король вытер слезящиеся глаза и улыбнулся, глядя, как Ирис радостно скачет вокруг него.

— Ладно, Ирис. Отчет Райнера с Феррис — он при тебе? — спросил он.

— Да! Да, я привезла его! Вот.

Она вынула из рюкзака блокнотик и протянула Сиону. Он раскрыл блокнот на первой странице: да уж, младшая Эрис оставалась верна себе, защищая сведения оригинальным шифром в виде корявых рисунков. Король принялся спрашивать отдельно про каждый:

— Вот этот слюнявый пес?

— А, это дикий зверь! Очень страшный! Сестрица говорит, что если этот маньяк кого обслюнявит, то уж точно беременным сделает!

— Это он может, — покивал Сион, даже не удивившись. — А прекрасный крылатый ангел, который держит пса на цепи — это, конечно же, Феррис?

— Да! Это сестренка Феррис — ангел красоты, борец за добро, враг зла!

Он просмотрел несколько страниц, на которых была изображена праведница, избивающая дикого зверя.

— Ах~ Райнер совсем не изменился. Сразу видно — счастлив... — ухмыльнулся Сион, продолжая листать блокнот. Но на шестой странице его пальцы замерли: Сион совершенно не понимал, что здесь изображено.

То был странный рисунок. Ирис недавно уже рисовала дом над морем, летящий к солнцу, — загадочный для короля сюжет. А здесь...

— Ирис, а это что такое?

— А? Где, где?

Она бросила взгляд: Сион указывал на размалеванного гигантского ящера, который вырастал прямо из-под земли. Ангел и пес глядели на чудище с изумлением.

— Ясно же! — сказала Ирис. — Это дикий зверь и сестренка в ужасе смотрят, как дракон выходит из-под земли!

— Про собаку с ангелом я уже понял, — ответил Сион. — Но я говорю не о них, а о драконе. Помнишь, солнце и море и летающий дом — у всего было свое значение: солнце — это император Нельфы; море — его народ; домик — юный отзывчивый принц... А что означает дракон?

— Ну... Кажется... дракон... — Ирис в сомнении склонила голову, — это просто дракон. Большущий.

— Я имел в виду... — тут король осекся и задумчиво помолчал. — Хорошо, другой вопрос: это Райнер рассказал тебе о драконе?

— Ага, он! Они... там... копали ямы и нашли такой странный ножик. Дикий зверь не знал, что с ним делать, швырнул ножик, и вдруг — дракон! Они не поняли, что случилось, плана у них тоже не было, вот поэтому просто взяли и убежали!

Услышав это, Сион прищурился:

— Это же... Реликвия...

В его голосе прозвучали и радость, и горечь.

— Я... значит, я... Ты злишься, потому что Ирис плохо работает? — тревожно спросила девочка.
— Но ведь дикий зверь говорил, что я молодец...

— Нет, Ирис, — Астал покачал головой, — ты справилась на "отлично". Ты действительно молодец.

— Правда?! Ты думаешь, сестренка меня похвалит?

— Конечно, похвалит, даже не сомневаюсь.

— Ура-а-а! Ирис — гений!~ — она вновь прыгала от восторга.

— Да уж... Реликвия... — улыбнулся Сион. — Артефакты действительно существуют. Но что эти двое творят...

Напарники просто взяли и бездумно выбросили Реликвию — в голове не укладывается! С кривой улыбкой Сион перелистнул еще страничку: перед ним снова предстала ангел, размахивающая мечом, и... розовое мусорное ведро с торчащей из него женской головой. Вдвоем ведро и ангел гоняли измученного пса. Наконец, бедный пес... взорвался от смертельного укуса появившейся лисицы. Сион рассмеялся, сообразив, что умный лис всегда означает его самого. А девица в корзине для мусора — это...

— Наконец-то нагнали... Ах-ха-ха! — обрадовался Сион. — Представляю, как Райнер бесится.

— А это, а это, — зачастила Ирис в ответ на вопрос Сиона о ведре, — сестрица сказала, что ей жаль эту девочку: маньяк использовал ее и выкинул, словно мусор, поэтому я нарисовала ведро! И еще у нее голова забита грязными розовыми мыслишками!

Тут Сион еще раз убедился, что каждая деталь в рисунках Ирис несет определенный смысл.

— Ну, хорошо, Ирис. Ты, должно быть, устала с дороги, вот и отдохни немного. Чем тебя угостить?

— Данго! — вскричала Ирис, едва дослушав. — Тогда сестренка точно меня похвалит!

Сион улыбнулся и сразу почувствовал, как ловко девочке удалось отвлечь его от нелегких дум. Но в этот момент...

— Ваше Величество! — в тронный зал вошел хорошо знакомый Сиону тридцатилетний мужчина, словно весь вытесанный из камня, но очень проворный. Он помогал Сиону во время роландской революции, как помогал теперь реформировать государство. Рахеля Миллера следовало бы назначить генерал-лейтенантом, да только сам он отказывался наотрез. «Я помогу тебе, но не ради карьеры, — сказал он однажды, — а ради страны, которой я все еще нужен». И после этого он оставался всего лишь майором — странный был человек.

Его строгое, не улыбочное лицо сегодня выглядело особенно мрачным.

— Есть новые сведения, — произнес он глубоким басом, подавая Сиону бумаги. Король молча пробежал их глазами — в ту же секунду изменившись в лице.

— Разве может... Это проверенная информация?

Миллер кивнул:

— Поступила прямиком от... него. Вы должны хорошо понимать, что означает его участие, верно?

Вот теперь Сион действительно застонал, глядя в отчет: он не хотел верить в то, что там было написано.

— Что там, что там? — подошла Ирис и тоже заглянула в отчет. — Что случилось?

— Ирис, — перебил ее король, — что сейчас делают Райнер и Феррис?

— А? Они... они говорили, что останутся в Нельфе, пока братец Сион им не ответит...

И Сион кивнул.

...

А что же Райнер и Феррис?

Они находились в нельфийском городе Ранкасе, сидели в одной из гостиниц и пировали. Чтобы наесться, им понадобилось за раз умять и завтрак, и даже обед; потом Райнер вдруг почувствовал себя таким уставшим, что от слабости рухнул на обеденный стол.

— Вот скажи, если я только-только глаза продрал, но меня уже клонит в сон — это не потому, что в последнее время мы явно перерабатываем?

— Перерабатываем? — был ответ. — Или мне мерещится, или я третий день беспрестанно слышу одно и то же.

— Нет, не мерещится. Но где ты видела, чтобы я выспался за все это время? О нет. Стоит только подумать — и я уже вырубаясь. Кто б мне дал поспать лет этак сто... А то ведь возьми да помру...

Услышав, что ее напарник намерен свести счеты с жизнью, Феррис явно хотела что-то добавить. Но...

— О нет. В три часа на покупку данго будут действовать специальные скидки. Нужно поторопиться.

— Я тебе поражаюсь: все три дня только и разговоров, что о скидках на данго — и каждый раз мы боимся профукать шанс.

— Да, в этом городе всегда ровно в три снижают цены на данго. Значит, я буду его покупать, и не каких-нибудь сто лет, а гораздо дольше; я состарюсь, умру, но ничто меня не удержит.

— Да-а, это будет не жизнь, а сказка~ Ешь данго — и никаких проблем. Эх, вот было бы здорово, если б ответ Сиона до нас так и не дошел...

За разговором они даже не вспоминали об артефактах или о драконе.

— Ну, я пошла.

— Захвати мне трехцветного.

— Ладно.

Тогда Феррис вышла на улицу, а Райнер лениво потянулся и вскоре уснул прямо в столовой, не думая, что этим он может доставить хозяйке гостиницы изрядное неудобство.

То был мирный день, однако... зубчатые колесики начинали вращаться. Люди, народы, целые государства — все они затаили свои намерения, и отныне их судьбы сливались воедино.

Глава 4. Мир пробуждается

Вдалеке клубилось пыльное облако. Ярко вспыхнули огни: первый залп, второй, третий... Потом грянул взрыв — и в мгновение ока все вспышки погасли.

Укрывшись на небольшом холме, Клаус со своей лошади наблюдал за происходящим пронзительными красными глазами.

— Эх... Сколько солдат у противника, Шусс?

— Не то восемь, не то девять тысяч, — был ответ.

— Хм, — кивнул генерал-майор. У подножия холма продолжалась кровавая бойня.

Они находились в роландском местечке под названием Суреид. Здесь эстабульская армия вела штурм контролируемого оппозицией города, где жил граф Криад. И если в ее рядах приблизительно восемь тысяч солдат, значит, Фроаде не ошибся.

— Все-то у него схвачено, уж до чего бесит... Ну, и как долго Криад сможет удерживать город?

— Не более получаса, — снова ответил офицер, юноша семнадцати-восемнадцати лет. — В личной армии графа мало людей — и тысячи не наберется.

Клаус рассмеялся.

— Криад, должно быть, в панике. А ведь мог бы уехать еще до начала штурма. Ясное дело, граф что-то прячет от нас в этих стенах... Но это уже не важно. Так что, Шусс? Может, подождать, пока они разберутся с Криадом, а уж потом атаковать?

— Я абсолютно уверен, что вы не настолько дурной человек, — мигом заметил Шусс.

— Эх... — печально протянул Клаус, — когда ты говоришь «я уверен», то я себя чувствую простофилей.

— Вам это даже к лицу, Ваше Превосходительство.

— Вот я тебе! — Клаус отвесил юному офицеру подзатыльник, после чего нахмурился. — Надо идти. Мы спустимся с холма и отрежем войско Эстабула от города.

— Пока в вашем распоряжении пятнадцать тысяч солдат, эстабульцам нас не одолеть. Так что бой предвидится скучным.

— Похвальная выдержка, Шусс, — ухмыльнулся Клаус. — Однако ты должен понимать, что война — далеко не забава.

— Вот я и говорю: скучно, — честно сказал Шусс. — Какой смысл в сражении, если исход предreshен? Попусту рисковать людьми... это подло.

— Я знаю, — кивнул генерал-майор. — И поэтому... — тут он взревел так громко, чтобы его услышали воины позади него, — победа будет за нами! И никто не погибнет! В АТАКУ!

Клаус обратил взор к эстабульской армии и захлестнул поводья, и по его команде армия Роланда перешла в наступление. Кавалерия шла в авангарде, обнажив мечи, вслед за ней выдвинулась пехота, возглавляемая магами.

Когда эстабульцы поняли, что происходит, то колдовать уже было поздно. (Слова заклинаний

Эстабула требовалось чертить прямо в воздухе.) Кавалерия Роланда и ее предводитель Клаус подошли вплотную — и, словно острый нож, разделили эстабульскую армию надвое. В рядах последней началась паника.

«Роландские псы! Откуда они взялись?!»

«О нет! Нужно отбросить их, иначе у наших магов связаны руки!»

Беда в том, что мощным заклинанием широкого радиуса действия легко зацепить дружественные войска. Такая магия имеет больший радиус поражения, и поэтому ее применяют только с дальнего рубежа. Напуганные солдаты Эстабула, как ни старались, не могли подавить заклинаниями наступающих роландцев; но и к последним это относилось в той же мере. Вот если б десяток магов прикрыли их шквальным огнем, уменьшив число противников, а затем армия слаженно атаковала — это было бы безопаснее и эффективнее.

Но Клаус действовал иначе.

— Я пошел, Шусс! — крикнул он в гуще боя. — Постарайся не допустить серьезных потерь!

Обезглавив вражеского мага, который как раз собирался сотворить новое заклинание, Шусс быстро нарисовал светящуюся печать:

— Призываю удар грома... ИЗУЧИ!

Вырвавшаяся на свободу молния ударила в эстабульского солдата, помешав ему разрубить на части воина роландской пехоты. Эстабулец вскричал и упал; Шусс, озираясь — нет ли опасности? — обратился к Клаусу:

— Понял! Торопитесь! Спешите, Ваше Превосходительство, не то худо будет всем!

Но Клаус уже ускакал вперед и его не слышал.

— Ну, где же? — бормотал он, глядя по сторонам. Безоружный и не имея при себе заклинаний, он ехал через ратное поле. Но все вокруг утопало в крови, и люди пытались напасть на Клауса. Люди кричали, стонали, плакали...

— Тц... Мне не нужны ваши жизни... Так замолчите!

Но не в его силах было их успокоить: они плакали, потому что могли.

В одиночку Клаус быстро миновал часть армии Эстабула, а затем поравнялся с человеком, сидящего верхом на лошади, вдали. Он более всех походил на командира атакующих. Шесть красных полосок на манжетах его мундира перекрещивались с зелеными полосами: красные указывали на высокий военный чин, зеленые — на знатное происхождение.

— Ты командир? — крикнул ему Клаус. Знатный эстабулец обернулся и посмотрел на Клома, и тот вмиг ощутил досаду: в решительных, колких глазах его врага была одна лишь гордость за содеянное. Конечно, он не прятался за стенами крепости, как делали это Криад и другие дворяне — нет, он вышел на поле боя, но стоял позади всех, отдавая приказы. И взгляд его говорил, что он искренне хочет лучшего для своей страны.

— А вы — роландский генера... — но, прежде чем знатный эстабулец успел договорить, роландец устремился к нему во весь опор.

И через миг рука Клауса обагрилась кровью. Не успели воины осознать, что случилось с их командиром, как тот рухнул с коня. Его туловище было располовинено.

Клаус встряхнул рукой, залитой кровью его врага.

— Знаешь что? Никакое всеобщее благо того не стоило. И не ври, что дома по тебе некому горевать... — тихо, вымученно прошептал он. А затем вскинул голову и взревел так, что земля дрогнула под ногами: — Все видели?! Я только что прикончил командующего армией Эстабула! Теперь вам деваться некуда! Сдавайтесь, не то я всех порешу!

Вокруг него солдаты Эстабула все яснее понимали: надежды нет. Передние ряды смешались, прежде атакованные лично генерал-майором, и больше не представляли угрозы.

— Вашего предводителя уничтожил командующий армией Роланда, генерал-майор Клаус Клом! — подхватил Шусс, находившийся посреди поля боя. — Теперь вам ни за что не одолеть пятнадцать тысяч солдат нашей великой армии! Если кто-то попытается выступить против нас — тотчас умрет!

Эти слова повторяли все за его спиной. Битва была окончена в считанные минуты, когда иссяк боевой дух эстабульских солдат. И в том не было ничего удивительного: их командир был убит, против них выдвинулось сильное войско, молниеносная атака противника разметала ряды... Но больше всего они боялись Клауса Клома, Клауса Алую Руку. Это имя гремело в любой из многих схваток Роланда и Эстабула, и в каждой такой схватке его руку омывала кровь неприятеля. Его боялись так же, как боялись магов-рыцарей.

И в этот день победа досталась Роланду. Напавшие на Криада восемь тысяч солдат сложили оружие.

Так продолжалось в течение всей войны. Армия Роланда наступала, следуя точным инструкциям Фроаде, и враги были вынуждены склониться перед великой силой. Им оставалось лишь отвести войска и вернуться назад в Эстабул...

...

А в Древнем Городе паниковали вовсю. Дворяне и офицеры лезли на стенку.

— Да что же это? Они вновь окружили наши войска!

— Будто бы им известно о наших планах! Мы должны придумать что-то еще!

— Вот именно! Поверить не могу... Нас всего-то пять тысяч...

— Вот как вы запели! А разве не ваша была идея? А кто говорил, что пора отнять Эстабул у враждебного Роланда?!

— Но ведь...

Услыхав перебранку, Ноа закрыла глаза: ее армия уже потеряла многих. Их ждала бесславная гибель — то была истина, и в ее тени борьба оказалась бессмысленной, смерти — напрасными.

Ноа стало так горько, что на ее челе появились складки. Распахнув глаза, она посмотрела на аристократов: те по-прежнему с пеной у рта распекали собственную стратегию... Они все еще надеялись переломить ход событий, но забывали, что от их пятитысячной армии осталось

менее половины. О какой контратаке могла идти речь? Их ужасало, насколько сильным выглядит войско Роланда, уже доказавшее свое превосходство не только в численности людей, но и в точности разведанных. Где бы ни планировалась атака, командующий генерал-майор по имени Клаус Клом уже ждал тут как тут, словно знал о намерениях эстабульских отрядов, и последние неизменно оказывались в его ловушке.

Ноа и роландский командир были единодушны в том, чтобы не допустить бессмысленных жертв. Принцесса отнюдь не желала людям зла, но ее свита сдаваться не собиралась. Все они были настроены продолжать борьбу.

— Какая ирония, — только и сказала Ноа окружающим ее мужчинам.

— О чем вы, Ваше Высочество? — взглянул на нее Салавелл.

— И ты еще спрашиваешь? Наш враг делает все, чтобы не навредить нашим воинам, в то время как вы решили отнять у них жизнь, — ах, что может быть ироничнее?

Салавелл явно забеспокоился.

— Миледи, но в этой борьбе правосудие на нашей стороне. Мы не можем лишиться...

— Полагаю, мы уже лишились всего, — сказала Ноа немного громче. Благородные спорщики сразу же замолчали: ей удалось завладеть всеобщим вниманием. Ноа сама подпитывала их интерес.

Она поочередно взглянула в глаза собравшимся:

— Ведь правда, еще не поздно остановить войну? Она ничего не даст, так если мы еще можем кого-то спасти — почему бы ей не закончиться?

— Ч-что вы такое говорите, Ваше Высочество! — возразил Сейл. — Неужели вы хотите все бросить и сдать Роланду? Нам нельзя так поступить. Во всяком случае, мы должны отомстить — это самое малое, что мы можем сделать...

— И ради этой малости мы загубим столько людей?

— Но... но... Только так...

Принцесса и слышать его не желала. Что будет дальше, она и так знала наперед: силы мятежников возглавляет она, значит, ей и расплачиваться. То, что предлагал Салавелл, может ее спасти, и тогда, при удачном стечении обстоятельств, бои продолжатся... Но если так, то солдаты обречены.

— Довольно, — Ноа покачала головой. — Не забывайте, что бунт затеяла я. Это из-за меня люди напуганы, это я силой заставила их примкнуть к мятежу... Разве мало?

— Но ведь это неправда! Принцесса, мы не можем позволить вам взять вину на себя...

— Мы... мы не оставим вас, Ваше Высочество!

Но тут вмешался Салавелл Сейл:

— Стойте, прошу вас. Это ни к чему, поскольку мы еще не проиграли. Мы же не собираемся в самом деле отдать Роланду вас, принцесса, или кого-то еще?

— Разумеется нет, — забормотали дворяне, — но положение тяжкое... У нас осталось немногим более двух тысяч воинов, а силы Роланда в пять раз превосходят нас числом... Что же делать...

Салавелл и не думал сдаваться: напротив, он уверенно улыбнулся.

— Господа, далеко не все измеряется в цифрах. Важна и стратегия, важна и мораль... Пока что мы еще можем одолеть Клауса Клома и его войско, а уж тогда нас будет не запугать. У меня есть славная мысль на этот счет.

— Вот как! Возможно ли?.. Расскажите...

— Все просто, — кивнул Салавелл. — Поразим их слабое место.

— Слабое место?

— О да. Вы своими глазами видели боевую тактику предводителя Клома. Вас ничто не насторожило?

Дворяне переглянулись.

— Что нас могло насторожить...

— Они так сильны и стремительны...

И вдруг ответила Ноа:

— Ты о том, что он... прилагает немало усилий, чтобы заставить наших солдат сдаться без лишних жертв?

— Именно, Ваше Высочество, — радостно подтвердил Салавелл. — И в том его слабость. Роландское командование, дабы иметь возможность быстро вернуть контроль над Эстабулом, всеми силами не допустит кровопролития, которое еще более ожесточит нас и восстановит против Роланда. А это значит... Как вы думаете, что это значит?

Он обвел глазами присутствующих. Все они, склонив головы, размышляли, и только Ноа вдруг осенила догадка. Салавелл предлагал немислимый план.

— Т-только не говори мне, что ты хочешь...

Но Салавелл кивнул ей:

— Все верно, миледи. Мы можем взять в заложники народ Эстабула.

— Ты шутишь, Салавелл?

Он проигнорировал ее возглас.

— Разумеется, я и не думал жертвовать ими — всего лишь объявить их военнопленными. Этакий «живой щит», который позволит нам обернуть ситуацию в нашу пользу. Это ли преступление? Если Клом не сможет к нам подступиться, то мы победим. И потом, мои люди уже взяли в плен проживавших здесь роландцев, и они у нас. Не то, так другое даст нам шанс одержать верх. Они не смогут напасть на наш форпост...

Едва он договорил, как отовсюду зазвучало:

— Ого-го!

— Вот он, наш господин!

— Это и в самом деле шанс, Салавелл!

А леди Ноа потеряла дар речи. Что он такое несет? Да если он это сделает... Если только дерзнет, то этого будет никак не исправить, как бы она не пыталась взять вину на себя. Использовать людей в качестве заложников? Даже если это поможет одолеть Клома и тем самым однажды сокрушить Роланд, то какое будущее их ждет? В их королевстве не будет мира, а его жители не смогут быть честными друг перед другом.

Она так хотела все это объяснить, но Салавелл сам приблизился к ней.

— Ваше Высочество, я понимаю ваше волнение. Но у нас нет иного выбора. Я хочу защитить вас... принцесса.

— И поэтому ты берешь в заложники наш народ? — Ноа жестко уставилась на него.

— Я хочу вас спасти, — возражал Салавелл, — спасти ту, что росла на моих глазах. Сантименты — вот одна из причин, но другая причина в том, что я думаю о стране. Если сегодня мы потеряем народ — что станет с Эстабулом? Его займут и разграбят, а всех несогласных тотчас приговорят. Я нашел для них путь к спасению...

Он был очень серьезен, лицо сияло решимостью, призванной показать, что он не уступит. В некоей мере Ноа разделяла его чувства, ведь она точно так же хотела спасти Эстабул. Однако...

— Разве нельзя отказаться от этой идеи? Разве мы можем позволить им дальше страдать?

Салавелл не откликнулся, и Ноа спросила иначе:

— Мы можем это прекратить?

— Едва ли, — ответил он и вернулся к дворянам, сразу принявшись обсуждать их дальнейшие действия. А красавица Ноа смотрела на них с грустной улыбкой.

— Ясно. Все это время я была просто марионеткой, и трон предназначен вовсе не для меня. В итоге я так никого и не смогла спасти...

И она снова закрыла глаза.

...

Крепость была расположена на другом краю долины — то был древний оплот королевства Эстабул. Размеры крепости были невелики, но глубокий ров и защищенные магией стены не позволяли взять ее прямо с наскока. Именно здесь скрывались главные организаторы мятежа.

Что ж, твердыня была прямо перед глазами, но... Клаус был в замешательстве. Он не мог поверить, что заговорщики в самом деле взяли в заложники не только роландцев, но даже собственный народ.

А в руке у Клауса было письмо от повстанцев...

Его лицо преисполнилось отвращения.

— Что это значит?! Даже загнанные в угол, они не имели права этого делать. Разве их не учили, что можно делать, а что нельзя?

Итак, вот что было в письме:

«Первое: войска под командованием генерал-майора Клауса Клома должны свернуть позиции и немедленно отступить. Второе: все имеющиеся у Роланда эстабульские военнопленные должны получить свободу. Если вы не выполните наши требования, мы начнем убивать по одному заложнику каждый час».

Вроде бы проще некуда, но...

— Вообще, план весьма действенный, — спокойно прокомментировал Шусс. — Все предложенные ими условия выполнить вовсе несложно. Нет, если они рассчитывают, что угрозы заставят Роланд капитулировать, то мы имеем право напасть, невзирая на пленных. А пока что мы не можем атаковать...

Клаус смял письмо и швырнул подальше.

— Тоже мне действенный... Победа все равно будет наша. Сами же дают нам железный повод всех перебить. Взятие заложников — это военное преступление, и наказание за него — смерть.

— Значит, идем в атаку, Ваше Превосходительство? Жертвуем заложниками?

— Чего? — Клаус нахмурился. — Нет, черт побери! Нас и впрямь сделали. И что теперь? Отступаем, как было велено, и бежим к Сиону советоваться? Да если мы отпустим солдат Эстабула, представь себе, что начнется!

— Война в полном смысле этого слова.

Да уж, хуже и не придумаешь.

— Но мы не можем бросить людей в плену. Так поступал прежний король, но не мы... В самом деле, пора бежать за советом. Да что я, маленький?

Несмотря на свой тон, Клаус сразу же развернул коня. И Шусс, увидев это, заулыбался:

— Тогда и я буду маленьким прямо как вы, Ваше Превосходительство.

— Господи, как я тебя ненавижу... — с ухмылкой выдохнул Клом.

— Генерал-майор! — вдруг раздалось встревоженным голосом. — Наши войска атакуют крепость Эстабула!

— ЧТО?! — Клаус обернулся. — Какого черта?! Там же заложники! Как посмели напасть без моего приказа?!

Его рев заставил офицера, явившегося с донесением, съежиться от страха.

— Д-да мы же... Мы и сами не знаем, кто ими командует...

— Проклятье! Шусс!

Впрочем, парень остался далеко позади, когда Клаус пустил коня в бешеный галоп. Он привел сюда три тысячи человек и должен был знать наверняка, какой из легионов проявил столь отчаянное своеволие. Но было уже поздно... И все же Клаус подстегнул коня.

Тут он услышал позади вопль Шусса:

— Все наши войска стянуты сюда!

— Как?! Тогда чей это там отряд?!

Шусс так и не ответил: похоже, он был совсем не уверен, что знает.

«Черт, да что происходит!.. Думай, Клаус. Думай, иначе заложникам точно конец. Скакать ли мне за отрядом или остаться на месте? Может, Сион прислал подкрепление? Но тогда они все равно должны были оставаться на месте и ждать приказа. А если вдруг... Нет, раз Сион поручил мне разобраться с мятежом, он бы этого не сделал! Но тогда...»

И тут он нахмурился. На такое был способен только один человек — его лицо так и стояло перед глазами. Этот человек добывал настолько точную информацию о происходящем в штабе Эстабула, что это само по себе выглядело подозрительно. Он должен был оставаться за линией фронта... И вот...

— Этот гребанный Фроаде! — Клаус пришпорил коня.

— Ваше Превосходительство! — окликнул его Шусс. — Вам слишком опасно идти туда в одиночку!

Но Клаус прервал его:

— Шусс, чтобы ни происходило, не дай армии пойти на штурм! Все должны оставаться на месте!

И генерал-майор ринулся к крепости, которую осаждал шквальный огонь.

...

В то же время в штабе Эстабула начался хаос.

— Не может быть! — голосили дворяне. Как могло случиться, что роландский отряд пошел на захват, несмотря на угрозу заложникам? Все взгляды обратились к Салавеллу, стоящему подле Ноа, и хор голосов спросил: — Что происходит?! Это же... Это же... Они же... Салавелл, это вы виноваты во всем!

— Нет, послушайте, — напряженно ответил Сейл, — вы хотите, чтобы я был виноват, но... Я не верю, что Роланд мог поступить так жестоко и аморально... Рискую жизнью заложников...

— Как вы сказали? Не верите? Взгляните вокруг! Вы должны ответить за это, Салавелл! Еще немного — и нас разобьют в пух и прах! Мы захватили жителей Роланда и Эстабула... Нас объявят преступниками, всем снимут головы! Так скажите, что вся ответственность возлежит на вас!

— Н-но ведь... Но ведь это не говорит о том, что мы проигрываем...

Ноа вновь наблюдала спор, тихо вздыхая. Нет, они проиграли в тот самый момент, когда взяли

заложников. Эстабул падет рано или поздно... В конечном счете, сердце Ноа всегда шептало ей, что так будет. И все-таки она никогда бы не подумала, что человек по имени Клаус Клом со всеми его принципами может так поступить — пожертвовать пленными, чтобы напасть.

Даже если так, разница в силе слишком высока, и все это восстание было нелепой пляской в руках врага.

А дворяне между тем прислушались к Салавеллу:

— Д-да, он прав... Мы еще не проиграли... Пока мы здесь, то лучше уж начнем казнить заложников. Тогда Роланд может отступить...

— Правильно! Роланд не воспринимает нас всерьез, поэтому и напал! Мы должны показать, что не шутили! Убьем заложников!

— Прекратите! — не выдержала принцесса. Услышав сердитый окрик, собравшиеся дворяне разом вздрогнули и замолчали. Глаза Ноа сузились: все они выглядели опустошенными, измученными осознанием близкой смерти и разочарованием от неудавшегося мятежа. Какая досада, что все будет кончено... Нет, все уже закончилось. И Эстабулу уже не...

— Не падайте духом, — мягко сказала Ноа. «Но... но...» — заговорили вокруг, и принцесса качнула головой. — Вы сделали, что могли. Но теперь довольно. Отпустите заложников, это лучшее, что мы можем сделать.

— Но, Ваше Высочество, если же мы и впрямь...

Но принцесса вновь покачала головой, призывая к молчанию.

— Я не знаю, что нас ждет впереди, но сделаю все возможное, чтобы моя жизнь...

— Принцесса, вы не должны! — вмешался Салавелл. — Я не могу позволить умереть вам одной... Я пойду с вами!

И его поддержали: пусть не все, но некоторые дворяне повторили его слова. И Ноа ощутила поддержку.

— Я так... счастлива. Вокруг меня столько людей, которым дорого королевство... Но, Салавелл... и вы все — вы все должны жить. Пока вы живы, то всегда будете нужны, а если и вас не станет... Конец всему. Роланд может покрыть вас позором, но подарить эстабульцам немного счастья... вы просто обязаны...

Тут ее голос задрожал, Ноа чувствовала, что должна что-то произнести... Но ей было страшно, она не хотела, она боялась...

Она родилась и выросла в Эстабуле. Она была... была его принцессой, и все ее мечты были о том, как она создаст страну, где каждый сможет жить с улыбкой на лице. Она прилежно трудилась, чтобы люди в ее королевстве были счастливы. Она как губка впитывала все знания, что давал ей Салавелл. Но сейчас, когда всем мечтам наступил конец, она страшно хотела плакать. Все, что ей удалось совершить, — это взять в заложники людей Роланда и даже людей Эстабула, а потом спрятаться за спинами своих храбрых воинов и сидеть в этой крепости, точно в башне.

Она разуверилась в самой себе. Она, Ноа Эн, не могла быть такой, и ее мечты были совсем о

другом.

Так что принцесса справилась с дрожью в голосе и теперь изо всех сил сдерживалась, чтобы не плакать. Но все, кто здесь был, уже поняли, что она хотела сказать. Кто-то опустил голову, кто-то всхлипывал.

И она улыбнулась:

— Даже если королевство падет, и попытки его воскресить будут тщетны... Я верю: найдется способ сделать людей счастливыми. Ради этого я...

«Довольно слов. Я должна просто принять свою судьбу...» — и Ноа зажмурилась, не давая слезам пролиться. Но в этот момент услышала впереди себя холодный и мрачный голос, идущий словно из темной глубины...

— Ну и прибавили же вы мне хлопот. Ваша забота о королевстве весьма трогательна, но... На мой взгляд, одной жизни леди Ноа Эн будет мало, чтобы искупить все ваши грехи.

Ноа взглянула туда, откуда шел этот голос: у входа в комнату стоял человек с темными длинными волосами редкостной красоты; глаза у него были сумрачные, холодные; улыбка была очерчена алыми губами.

— Да... — распахнулись губы. — Разве трагедия — не самый подходящий орнамент для столь ужасного конца Эстабула?

Первым, кто отреагировал на это, был Салавелл Сейл. Он сделал шаг вперед, заслонив собой Ноа, и громко воскликнул:

— Вы... Вы! Кто вы такой?

— Прощу прощения, — вежливо поклонился гость. — Миран Фроаде, полковник роландской армии.

Услышав это, знать совсем растерялась.

— Р-Роланд?! Как вы сюда попали? Вы что, перебили снаружи всех солдат?

Но Фроаде покачал головой:

— Конечно нет. Эстабульская армия все еще сражается: ваши две тысячи четыреста воинов против тысячи моих... Эта крепость не может пасть слишком быстро, но даже если бы она пала, солдаты Роланда все равно не смогли бы ее занять. Поскольку... — неожиданно весь он переменялся, хотя внешне никто ничего не заметил. Повеяло жаждой крови... Миран Фроаде ухмылялся, но его глаза своим холодом могли убить все живое. У него были глаза дьявола.

Фроаде медленно развел руки:

— Сейчас мы разыграем здесь последнюю сцену трагедии... — И он вытянул руку вперед, указывая на дворян: — Да будет тьма!

Невероятно, но в этот момент тени на полу начали разрастаться. «Ах!» — только и успел издать дворянин, прежде чем его голова отделилась от тела. В полном молчании все смотрели, как стены и потолок усеивают кровавые брызги. «Вуэ!..» — послышалось от второго. Этот исчез целиком, точно в мгновение ока проглоченный громадной зверюгой. А красная, алая, багровая

кровь струилась повсюду, заливала пол.

— Что... что это... — вымолвила Ноа, застыв от страха. Дворяне в панике бросились врассыпную, но нечто убивало их одного за другим.

— К-кто здесь?! Кто это был?! Солдаты! Здесь враг, сюда проник... — голос оборвался на полпути, когда тьма разорвала аристократа на части. Тьма, что плясала у его ног.

И во всей этой кутерьме ни одна капля крови не коснулась Фроаде: тот спокойно беседовал с истерзанными трупами дворян.

— Простите мне мою бесцеремонность... Но все солдаты в этом городе уже мертвы. Увы, они могли вмешаться в сладостный процесс распада Эстабула...

Принцессу обуяла дрожь. В крепости с ней находилось не менее полусотни солдат... Но, по словам этого человека, все они мертвы. Он так спокойно говорит об этом... «Он просто чудовище! — подумалось ей. — Он не человек, он зверь... Или сам дьявол...»

Тень, подчиняющаяся Фроаде, пожирала все и вся. Тут Салавелл схватил Ноа за руку и потащил за собой.

— С ними покончено, миледи! Но хотя бы вас еще можно...

— Но... но!..

Не успела та открыть рот, как из страшной комнаты донеслось:

— Мы задержим его, Салавелл! Защищайте принцессу!..

И вдруг крик оборвался. «Его убили... Его убили?!»

— Спасайтесь, Ваше Высочество! — восклицал Салавелл.

— Нет! Мы не можем их бросить...

— Проклятье! Вы вынуждаете меня!.. — с этими словами он схватил Ноа в охапку и выбежал в дверь.

— Салавелл,пусти! — вскричала она.

— Ни за что! Молю вас, не упрямитесь!

Так, они оба покинули зал. Ноа в руках советника выглядела ошеломленной. Почему? Почему так случилось? Она решительно не понимала. Это ей надлежало погибнуть, но вместо нее умерли те, кого она должна была защитить. Они отдали жизнь, чтобы дать ей улизнуть.

Они отдали жизнь.

Оглядываясь по пути, Ноа видела смерть последнего из них. И Фроаде — он смотрел на принцессу своими дьявольскими глазами, но не погнался за ней.

— Заходите, Ваше Высочество, — вдруг произнес Салавелл. — Нужно перевести дух.

— Что?.. Ах да... — она кивнула, вошла в помещение и огляделась. Они находились в зале для

приемов, который был меньше главной комнаты штаба. Она вспомнила, что мебель отсюда вынесли, когда сама Ноа и ее свита прибыли в крепость, тогда же и зал закрыли. Столы и стулья разместили на первом этаже, где Салавелл, солдаты и знать, перешучиваясь, словно не было между ними сословных различий, выбрали новое помещение для прежних нужд. Эту перестановку недавно затеяли, когда вместе они еще только планировали возродить Эстабул и были этому рады...

Уставившись в центр пустого зала, Ноа произнесла:

— Мы все потеряли...

Но Салавелл ответил:

— Нет. Кое-что осталось.

— И что же у нас осталось? Что осталось? Нет у нас больше друзей, которые верили в Эстабул, и нет у нас больше чести — мы забыли о ней, когда захватили заложников... Все мы утратили.

«Смысл жизни — и тот... Монстр Фроаде вскоре придет сюда...» — но Ноа не хотела прятаться. Если не здесь найдет ее смерть, то настигнет на эшафоте... Не так важно, где наступит ее конец, раз для других он уже свершился.

Но отчего-то, когда Салавелл взглянул на Ноа, то весь расплылся в счастливой улыбке.

— Ваша жизнь, принцесса. Пока еще все идет в соответствии с планом, а значит, ничего не кончено. Повстанцы из Эстабула угрожают расправой над людьми, и Роланд не может выступить против них. Затем загнанные в угол повстанцы начинают убивать заложников. А ваша роль в том, принцесса, чтобы возглавить их — и утратить контроль.

Ей не слышалось?

— Са... Салавелл... О чем ты говоришь?..

Впрочем, Ноа уже понимала, к чему он клонит, — она все поняла. И подумала, что лучше бы ей умереть в той комнате вместе с остальными и никогда не узнать правды, забыться счастливым вечным сном... Реальность была так безжалостна: человек, которого она знала с детства, которому доверяла, вдруг превратился в кого-то незнакомого, на чьем лице была многозначительная дерзкая ухмылка.

— А я, Салавелл Сейл, положу конец эстабульскому мятежу и стану героем. За это Роланд вознаградит меня как своего спасителя, дарует мне титул, и все будет так, как я и задумал.

О ужас... Ужас, подумала Ноа, только теперь понимая, о чем говорил Фроаде: трагедия движется к своему финалу, а все ее участники продолжают плясать под чужую дудку. И даже мятеж был явно спланирован, поскольку Роланд с первого дня действовал слишком самоуверенно.

— Ах, но как же так... До чего я глупа... — молвила теперь Ноа. — Все указывало на это: и засады роландских войск, и твоё предложение о захвате заложников, и этот монстр — он умышленно дал нам сбежать... Мне бы раньше все это понять...

— О нет, вы далеко не дурочка, — рассмеялся Салавелл. — Доверие ослепило вас, и вы намеренно игнорировали все, что могло вас насторожить. Вы не могли и представить, что я,

ваш верный слуга и наставник, способен это такое проверить... ведь правда?

Да, правда. Салавелл не мог предать ее. Кто угодно, но только не он. Разве могла Ноа думать иначе?

Тогда он сказал:

— Вы все еще в меня верите. И ведь правда: я учил вас только хорошему. И я хороший, и мир хорош, а значит, и вы замечательная. Кто бы мог подумать, что, повзрослев, вы станете такой сильной, такой прекрасной... — грустно заметил он. — Но что в этом проку? Сколько труда было вложено, чтобы однажды я мог жениться на вас и захватить власть в Эстабуле...

Ноа молчала. Так значит, Салавелл... этот человек врал с самого начала? Из-за него гибли люди...

— Но, видите ли, в Роланде меня ждет мой титул, чему я безмерно рад. Вы же сами сказали, принцесса: пока мы живы, то всегда для кого-то будем нужными.

Ах, мерзавец... Да неужели таким, как он, все должно сходить с рук? Ноа дрожала, но не от страха — от гнева: «Вот она, реальность... Но в одном он прав: это моя расплата за то, что всегда верю в лучшее... Но...»

За ее спиной был кинжал, и к нему потянулась принцесса дрожащей рукой.

«Но этот человек недостоин прощения».

— Я... всего лишь хотела создать страну, где все были бы счастливы...

— Миром движут не красивые слова.

— Даже если так! Я не хочу сдаваться. Пусть слова бесполезны, а люди прячут горе за улыбками — неужели мое желание неосуществимо?!

Салавелл холодно рассмеялся.

— О, желайте сколько угодно. Эти глупости умрут вместе с вами, а я стану героем, спасителем Роланда! Ну, хватит. Время пришло...

— Я ни за что не умру! — воскликнула Ноа и нанесла удар. Однако, Салавелл моментально поймал ее за руку и торжествующе улыбнулся.

— Наша принцесса такая прелесть: чистая, праведная до последнего — я хорошо вас выдрессировал... И, как послушная пешка, всегда делаете именно то, что мне нужно. Неужто думаете, я не знал, где вы спрятали свой кинжал?

Сдавлив ее запястье, он выхватил у нее оружие. Ноа в отчаянии уставилась на сверкнувшее лезвие: в конце концов, ей не хватит сил, чтобы отбиться. Все, кто умер там, внизу, не смогли раскусить этого лицемера... Но она-то умирать не хотела. Впервые она подумала: «Это он... это он должен...» — и все же остановить его не могла.

— Вот и конец, бесславная смерть — для вас и для остальных! — он яростно замахнулся и направил клинок в грудь Ноа...

Как вдруг его рука, по-прежнему сжимая рукоять кинжала, отпала прочь. Не успел Салавелл

выпасть «что?!», как его голова полетела с плеч, и он обрушился на пол.

Послышался голос:

— Право, Салавелл, вы глупец. Действовали грубо и до последнего не видя дальше собственного носа... В целом, созвучно моему плану. Делали то, что мне было нужно, будто послушная пешка. Но с пешками так всегда и бывает, не правда ли, леди Ноа Эн?

После этих слов в зал вошел человек, тот самый роландский монстр по имени Миран Фроаде. Сохраняя прежнее хладнокровие, он плавно шагнул навстречу принцессе; но вот его взгляд упал на лежащего Салавелла.

— Не волнуйтесь, миледи, — произнес Фроаде, — Роланд не столь отчаялся, чтобы нуждаться в таких «героях».

В его глазах, устремленных на мертвеца, не было ни намека на жалость. И Ноа преисполнилась омерзения.

— «Герои», говорите? Спасители Роланда? Да разве герои так поступают?! А ваш король, Сион Астал, тоже стал героем, обманывая людей, играя с их чувствами?

Услышав это, Фроаде слегка напрягся.

— Отнюдь. Подобные вещи не сравнивают с... героизмом. Нет, мой господин таких дел не любит. Это все моя инициатива. В разговоре с ним я затронул данную тему, но он... не одобрил.

— Так значит, вы стояли за всем этим?

— Да... Именно я подтолкнул вас к восстанию, подавить которое мой король поручил не мне, но генерал-майору Клаусу Клому. Вы умны, миледи, и наверняка понимаете, что этого не избежать?

Ноа в мыслях ответила положительно: раз все это был единый план, то действия Клауса Клома целиком согласуются с замыслом роландского короля.

— Не хотел бы цитировать нашего друга Салавелла, — продолжал Фроаде, — но вовсе не словеса движут миром. В этом он был абсолютно прав. Миру нужны такие люди, как я. Ваше Высочество, вы мечтаете о королевстве, где все будут счастливы... Подобные мечты не встречаются во мне неприятия, как и мечтатели вроде вас. Будь я сановником Эстабула или простолюдином, я бы отдал корону вам. Однако... — он воздел кинжал, взятый из руки Салавелла, — после убийства роландских и эстабульских заложников принцесса Ноа Эн совершила самоубийство. Финал трагедии.

Ноа взглянула на него:

— Вы убьете заложников?

— Да.

— И король Астал простит вам это — с его-то методами?

Казалось, Фроаде снова встревожился, но вскоре ухмыльнулся.

— В идеале, он ничего не узнает. Но, так или иначе, правда всплывет — что поделаешь...

Думаю, мой господин смог бы простить меня. Он умеет прощать...

Но вдруг, не договорив, Фроаде обернулся — и прыгнул в сторону.

Неожиданно в зале появился незнакомый мужчина. Прижал Ноа к себе, оттащил подальше и сразу спросил:

— Барышня, вы не ранены?

Его волосы были словно пожар, а пронзительные глаза созерцали Фроаде.

— Со мной шутки плохи, гаденыш. Признавайся: ты подстроил мятеж?

Фроаде ответил ему непроницаемым взглядом.

— Что ж, генерал-майор Клом, ваша взяла. Я не думал, что вы доберетесь сюда так скоро. Как обстановка снаружи?

«Клом?... Так это и есть Клаус Алая Рука?» — Ноа подняла голову и посмотрела на человека, который бережно придерживал ее. В пригожем его лице она разглядела силу, мужество, гнев — то есть вовсе не то, что ожидала увидеть. Ей всегда казалось, что Клаус Клом должен быть настоящим зверем, если в битвах с ним солдаты дрожат от страха. Но сейчас он был зол не на них — на Фроаде, который напал на штаб, рискуя заложниками, который играл чувствами Ноа и ее людей, который и заварил всю кашу... Он был столь разгневан, этот Клаус Клом... и так не похож на все, что она знала о роландцах.

Клаус занял позицию, готовый в любой момент атаковать, и уставился на противника.

— Не увиливай, Фроаде! От твоего ответа...

— ...будет зависеть моя жизнь, — тот холодно рассмеялся.

— Вот именно. Я всегда знал, что Сиону ты не нужен. Ты слишком дурно на него влияешь.

— За этим вы и пришли, генерал-майор. Но вам не понять, что за бремя лежит на короле. И чем дольше мы здесь разговариваем, тем очевиднее, что для службы ему не годитесь именно вы.

— Да что ты можешь знать? Мне не нужно доказывать свое право быть рядом с Сионом.

— Воистину, — печально качнул головой Фроаде, — не нужно ни вам, ни кому-либо другому. Но наш господин — король. Став королем, он перестал быть заурядным человеком: теперь он вершит судьбы людей, определяет их значимость. Что же касается значимости заложников... Совсем скоро и Роланд, и Эстабул могут потерять десятки тысяч убитыми; чтобы этого не произошло, заложниками можно смело пожертвовать. Мой господин вынужден ступать по наклонной... И во имя избранного им пути я убью леди Ноа Эн и всех заложников. И вас убью, если вздумаете мешать.

— А силенок хватит? — Клаус даже выпустил Ноа из рук. В ответ полковник развел руки в стороны, как делал это прежде.

— Запросто...

И тогда Клаус сорвался с места и ринулся к Фроаде со всей молниеносностью. «Нет... — Ноа

помотала головой, — нет...» Фроаде — тот был очень опасен. Ноа видела, Ноа знала: его магия столь сильна, сколь и неестественна. Обычному человеку она неподвластна... даже если он — Клаус Клом.

Фроаде вскинул ладонь:

— Да будет...

Волшебные татуировки, нанесенные на руку Клауса, замерцали... «Нет, нет, нет», — пронеслось в голове принцессы: она не могла позволить Клаусу умереть. Он нужен Роланду, на него полагается сам король, да что там король — вся империя...

«И даже я. Ради счастья жителей Эстабула — нельзя терять этого человека. Ни за что. Нельзя дать ему умереть», — и Ноа открыла рот.

— Фроаде! — громко выкрикнула она.

Противники замерли от неожиданности. Видя это, Ноа произнесла:

— Полковник Фроаде. Если убийство заложников нужно лишь для того, чтобы заставить Эстабул покориться... Может, лучше позволить мне убедить народ? Я помогу Роланду расположить к себе армию и горожан ради их же блага... Это точно подействует, коль уж мы говорим о слиянии стран, вам не кажется?

— Что вы делаете?... — начал было Клаус, но Фроаде вмиг его перебил.

— О чем вы? Зачем бы вам это делать?

— Только так можно спасти заложников. Будет непросто, но разве это не лучше, чем мы потеряем людей, а Эстабул — свое доброе имя?

— Только так вы спасете заложников... Хм. И все же... Да, я понял вас. Если у вас получится, это будет чего-то да стоить. У вас есть авторитет. Но тем самым вы наживете массу врагов, которые могут счесть вас предательницей...

Но она твердо взглянула на полковника:

— Меня это не волнует. Если хотите, то можете убить меня уже после. Так что... прошу вас это прекратить.

Фроаде чуть заметно улыбнулся, и его пронизательные глаза окинули всю ее.

— Ах вот как. Вы и в самом деле умны... да, умны. Хорошо. Битва окончена. Теперь нужно остановить бессмысленную резню. Я сейчас же прикажу отвести войска, — сказал полковник и был таков.

— Стоять! Эх, да что же это... — Клауса мучило подозрение, он чуть было не бросился следом за ним, но тогда Ноа крепко схватила его за руку. И держала ее, и неотступно глядела в спину Фроаде, покуда тот не скрылся за дверью.

Наконец, когда во мраке исчез его силуэт... Она вдруг обессилела и осела на пол. Клаус был потрясен:

— Эй, вы в порядке?

В его голосе было столько тепла... Когда он с тревогой взглянул на принцессу Ноа, та почуяла в нем и силу, и сострадание. И этого было достаточно, чтобы понять: она поступила правильно.

По-прежнему сидя на полу, Ноа подняла голову.

— Да что с вами? А? — спросил все еще озадаченный Клаус. Принцесса ему ничего не ответила, только окинула взглядом зал. Она потеряла все, что имела: свое королевство, семью, друзей... Но не жизнь — вот что она теперь думала. Ей предстоит еще многое, в том числе навсегда разделаться с Эстабулом... Но, главное, его жители спасены.

Гадая, сколько ей предстоит сделать в будущем, Ноа прижала ладонь к виску и вдруг мягко произнесла:

— О, право же... Просто немного устала...

— Вы это мне? Но что с вами произошло?

У нее просто не находилось слов. Как бы там ни было...

— Все в порядке. Генерал-майор Клом, я не могу подняться. Не дадите ли руку?

— Что?

Клаусу было досадно остаться в неведении, но он протянул леди Ноа свою ладонь.

...

Так завершился последний в истории эстабульский мятеж. Клаус вернулся в Роланд, взяв с собой Ноа Эн, однако еще до того Фроаде представил самую убедительную трактовку событий. И вскоре горожане узнали о том, с чего начался мятеж и чем он закончился.

Исходя из той самой трактовки, Салавелл Сейл и другие дворяне заключили в тюрьму леди Ноа Эн, принцессу Эстабула, и совершили множество преступлений, прикрываясь ее честным именем. Но принцессу Ноа мучила совесть из-за того, что дворяне взяли в заложники мирных людей. И тогда она сделала все, чтобы помочь подавить восстание. После того как злодеи были повержены и сдались войскам Роланда, выяснилось, что все обошлось малой кровью. Помощь леди Ноа широко признали, она была названа героиней, спасшей жителей Роланда и Эстабула, и король наградит ее роландским титулом... Собственно, все.

Теперь народ Эстабула мог клясться в верности леди Ноа Эн и, значит, в верности Роланду, хотя прежде солдаты и горожане не питали доверия к этой стране... И все же число обожателей должно было возрасти — что ж, Ноа видела тому доказательство, когда ехала на своей лошади по дороге в Роланд, а эстабульцы и даже роландцы отовсюду восхваляли свою героиню, едва завидев.

Конечно же, кроме них, появились и злопыхатели. Их число также росло: крестьяне твердили, что Ноа — предательница; а знать возмущалась, что ей так легко был дарован титул. Она думала, что теперь ей не нужно бояться этого. Глядя на то, как счастливые люди поют ей хвалу, она понимала: есть те, кто ее не любит и не поддерживает, и прежнюю Ноа это могло бы расстроить — но ее больше нет.

Обожатели разбрелись, вместе с ними ушли злопыхатели, скрылись те, кто дарил ей улыбки... Но даже это не могло ее задержать. Больше она не игрушка Салавелла, и ее мечты о

прекрасном мире, где все будут улыбаться — это не просто слова.

В этот раз она вышла на битву по собственной воле.

Глаза Ноа, полные решимости, смотрели вдаль и видели самое грандиозное здание в Роланде — королевский дворец. В тот миг она... нет, никто не знал, что грядут большие, невиданные перемены. Знаки уже появлялись во всех уголках континента...

...

Притаившись во мраке и не дыша, тень высматривала добычу. Двигалась тень настолько мастерски, что об ее присутствии невозможно было догадаться. Приглядевшись к жертве, тень собрала все силы и... вылетела из засады со свистом меткой стрелы.

— Уда-а-ар Ири... Ай-йй-йй! — взвизгнула она, когда Райнер молниеносно схватил ее за руку.

— Да-да... Чем сразу бить, могла бы просто поздороваться, — далеко не в первый раз заметил он.

Самое время вспомнить, что это была столовая одной из нельфийских гостиниц. Как всегда скучный да сонный Райнер держал Ирис за запястье, и та впадала в отчаяние. Почему?

— А-а-а! Нет, не трогай меня! Если зверь меня тронет — я точно могу...

Но и это мага вовсе не удивило.

— Да уж ладно, я в курсе, — устало ответил он. — Феррис наговорила, что одно мое слово или касание — и ты забеременеешь, ведь так? Да не будет такого, расслабься.

— Нет, будет! — затрепыхалась Ирис. — А ты... тебе... сказано было: н-не трогать... значит, не трогай!..

Невольно младшая Эрис вся надулась, ее щечки разругались. И Райнер грустно рассмеялся:

— Ну хорошо, хорошо... Чего только не бывает.

Не успел он закончить, как ощутил страшную опасность. Весь нахмуренный, скисший, он только и мог вздохнуть... И потом, конечно же, он услышал «дзынь!» и почувствовал, как лезвие меча уткнулось ему в шею чуть ниже затылка.

— Ага. Хватаешь мою сестричку за руку...

— ...набрасываюсь и насилую дитяtko? Так, что ли? — сходу продолжил Райнер. — Не-а, это уже чересчур.

Он обернулся и увидел на лице Феррис странное выражение: от того, что украли ее реплику, та раздосадованно насупилась (прямо как Ирис) и погрузнела.

— Знаешь, я сам себя начинаю пугать, — пробормотал вдруг Райнер, — но в последнее время хоть худо-бедно могу различать твою мимику...

— Ах, сестренка! — Ирис кинулась к ней на грудь, едва увидев... но влетела напрямик в стол. Легко увернувшись, Феррис схватила девочку за воротник и подняла ее, болтающуюся, в воздух.

— Как хорошо, что ты здесь, Ирис. Добралась благополучно? — сказала она. Ирис, удушливо краснея, ответила тем не менее с форменным энтузиазмом:

— Да! Я соскучилась и спешила как только могла!

Феррис довольно кивнула.

— А я, признаться, скучала по данго из Роланда. Ждала каждый божий день.

— Ура! Сестренка тоже скучала по мне!

— Еще бы: лучшее данго делают только у «Винетт».

В тот же момент Ирис окончательно побагровела.

— Ирис... молодец?..

— Да, молодец.

— Я... люблю тебя... больше всех... — Ирис смолкла. Глядя на эту сцену, Райнер и сам онемел: девочка была в обморочном состоянии, но Феррис отреагировала всего лишь новым кивком.

— Эй, эй, а ну брось мне «дакать»! Она что, в отключке? — в панике спросил юноша.

— О? Я разве что-то говорила?

— Проблема не в этом! А в том, что мне вовсе не нравится, что может произойти...

Напарница вопросительно взглянула на него:

— А что тебя смущает? Я просто укладываю мою милую сестрицу спать, вот и все.

— Укладываешь спать?.. Придушив ее?

— Хо. Когда страх темноты не давал ей уснуть, — начала Феррис тоном сказочницы: на нее явно нахлынули воспоминания, — она забиралась ко мне в постель и просила вырубить. На тренировки нельзя приходить, не выспавшись, иначе рискуешь проститься с жизнью. Вот и меня в детстве брат укладывал спать.

— Блин, ну и семейка...

— А что? На мой взгляд, вполне обычная. Вероятно, ты рос один, иначе бы знал, что в любой семье именно так.

— А вот не в любой!.. Но тебе, разумеется, ничего не докажешь... — снова вздохнул маг. А Феррис, привычно соорудив глухую, подхватила мирно спящую Ирис и коснулась ее волос.

— Ты только взгляни. Похоже, она так торопилась, что ни разу не прилегла. Нужно дать ей немного времени отдохнуть.

— Думаешь? — опешил Райнер.

— Да, я вижу по запоздалой реакции. В этом возрасте Ирис должна быть куда шустрее.

— Нет, вот я, например, в ее годы был просто пай-мальчиком...

Феррис усмехнулась:

— В следующий раз она прикончит тебя, извращенец, и мир будет спасен.

— Не дай ей этого сделать!! — взвизгнул он.

Сообща уложив Ирис спать, напарники неспеша отужинали преподнесенным данго и разошлись по постелям.

Но, если помните, Ирис спешила к ним с важным известием от короля Сиона...

Итак, наутро девочка без труда сбросила с себя сон и увидела Феррис, спящую на другой половине кровати.

— Любимая сестренка! — запищала Ирис и кинулась греться у сестры под боком.

— Привет, — Феррис нежно гладила ее волосы, но, пробыв пару минут в объятиях, снова смежила веки.

Проснувшись она к полудню, зевнула и тут же скомандовала:

— Подъем, Ирис. Нам пора на распродажу данго.

— Ура, я с тобой!

Они отправились в данго-лавочку, а по возвращении закатили пир горой. «Вкуснятина!» — говорила младшая. «Угу», — отвечала старшая.

Назавтра прогулка и пир повторились: «До чего вкусно, сестренка!» — «Угу-у...»

А вот через день сестры Эрис... сходили за данго и тут же его умяли.

«Обожаю сестренку!»

«Угумс».

В безмятежности дни пролетали со скоростью быстро вращавшегося колеса, пока, наконец, Ирис не вспомнила о письме.

— Ах! Это... ну... письмо... Братец Сион наказал мне срочно доставить...

Феррис, услышав ее слова, отвлеклась от еды:

— Письмо?

— Да! Важное-преважное! Ты должна его прочитать прямо сейчас!

— Ох. И где же оно?

— Ой!.. Ирис... ну... положила его в рюкзак... Но оно прилепилось к коробке с данго!

Глаза Феррис сузились.

— Мы же выбросили коробку.

— Что?! Но как же... Как же быть?

— Сделанного не воротишь. Ты что-нибудь слышала?

— А? Ну-у-у... Мне показалось... братец Сион очень разозлился.

— Еще?

— Еще он сказал, что дракон... пропал, вроде так.

— Дракон? Ах да, та нелепая громадина. Получается, Сион хочет, чтобы мы выяснили, куда он исчез?

Ирис схватила за голову:

— У-у-ум... У-у-у... Кажется... что-то важное говорил... Э-эх...

— Не нужно, — сестра погладила ее макушку, — мы и так все узнаем на месте. Что ж, тогда надо тотчас же отправляться. Ирис, найди нашего зверя, скажи ему, что Сион просит вернуться к дракону.

— Поняла! — ответила Ирис и бросилась разыскивать Райнера.

...И лишь сотня жизненно важных вещей могла задержать их всего-то на пару дней.

Вскоре хозяйка гостиницы, занимаясь еженедельной уборкой, нашла в корзине для мусора странное письмо в дорогом конверте.

— Прекрасная бумага, — заметила она, — и не жаль было выбросить...

Вынув и распечатав письмо, она прочла:

«Все люди, жившие на окраине леса неподалеку от того места, где вы видели выросшего из земли дракона... Это просто неслыханно: все они были убиты. Дракон, судя по всему, исчез. Там явно затевается что-то опасное. Забудьте о Реликвии и ни в коем случае не приближайтесь к лесу».

Закончив, она рассмеялась.

— Дракон? Из какого это романа? Очевидно, скучная книжка, коль уж в ней из земли растут драконы. И таинственное убийство жителей неизвестным злодеем... Если бы это писала я, то не позволила бы дракону исчезнуть так скоро. Впрочем, ну его: этому автору, скорее всего, не продать ни одной своей книги, — произнесла она с явным разочарованием и выкинула письмо, думать забыв о прочитанном. После чего вновь занялась уборкой.

...

Спустя пару дней Райнер и Феррис добрались до тропы, ведущей в лесную чащу.

— Ой, ну что за идиотизм... — нога за ногу плелся Райнер. — Повторяю: дался нам этот дракон? Сначала мы ни хрена не поняли, как он вылез, теперь ни хрена не поймем, куда влез... А главное, даже если поймем, то это нам ни хрена не даст.

Мечница не ответила.

— Во всяком случае, если уж Сиону так надо — пусть сам сюда едет. Но он, конечно, из города носу не кажет, только страшает нас. Сидит себе, лакомится от пуза... «А найдите-ка мне пропавшего дракона»! Эксплуататор!

Едва он закончил, как Феррис (та, напротив, быстро шагала впереди него) вдруг обернулась:

— А чем лакомится? Неужели данго?

— Да брось, на свете есть вещи и повкуснее.

— Трехцветное данго?

— Ты можешь хоть иногда думать о другой еде?

— Хм. Вот что может быть лучше данго? — не поддалась она.

— Что? По мне, так есть нечто гораздо лучше.

— Оу. Так что же ты любишь?

— Я-то? Дай подумать, что я люблю... — Райнер скрестил руки и задумчиво взглянул в небо. Вдруг подул прохладный ветерок, и маг услышал шелест листвы. Солнце уже отмерило середину дня, стояла теплая благодать...

Вот тут-то в его мозгу и произошла химическая реакция, наводящая на ответ: такая погода создана, чтобы дрыхнуть в свое удовольствие! Даешь послеобеденный сон!

— О да... Я... обожаю спать после обеда... — брякнул он, напрочь забыв, о чем его спрашивали.

— То есть? При чем тут сон, если мы говорим про еду?

— Нет, разумеется, это совсем другое... Но сон все же лучше, — ответил Райнер. — Спать вообще классно, это тебе кто угодно подтвердит.

Феррис кивнула:

— Есть данго — тоже.

Увлеченные столь захватывающей беседой, они продолжали шагать вперед. Между тем, насчет погоды Райнер был абсолютно прав. В этих местах, кроме них, не было ни души — только птицы и насекомые вторили песне ветра. Их трели ласкали слух.

— Как тихо... — пробормотал Райнер.

— Хм, — согласилась напарница. — Собственно, почему бы нам не устроить здесь чаепитие?

— Да, звучит неплохо. Мы уже неподалеку от того места, где был дракон. Как дойдем, можем сделать привал. К слову, у твоего чая божественный вкус.

— Хах, еще бы. Путь данго тернист, если не скрасить его превосходным чаем. Погода весьма приятная, так что могу сделать охлажденный...

Начинался лес. За разговором Райнер поднял голову и неожиданно замолчал.

— Вот так сюрприз, — вслед за ним удивилась и Феррис.

— Не то слово... Там... человек?

— Очевидно.

— Но почему на дереве, да еще так высоко?

— Древолаз-любитель?

— Да нет! — Райнер зажмурился, а когда открыл глаза, то перед ним вновь предстала дикая сцена: люди, застрявшие в кронах деревьев, переломанные от чудовищных ударов об стволы, безвольно повисшие на ветвях — вот как все было. Поистине невообразимое зрелище. Отовсюду свешивалось множество трупов, но нигде не было ни следа крови.

— Что же это? — в ужасе спросил маг. Феррис молчала. — Неужели все это сделал дракон, которого мы выпустили... — он помрачнел.

— Что толку гадать, — прервала его девушка, — мы пойдем и выясним.

— ...Да. Вперед.

— Угу.

И отважный дуэт направился вглубь леса.

...

В чаще все оказалось еще хуже: груды трупов были свалены на деревьях и даже под ними. Мужчины, женщины, дети и старики... Солдаты Нельфы... Даже дикие звери... Всюду, насколько хватало взгляда, простиралась смерть. Но крови не было, хотя некоторые тела были разделаны поперек...

Это же абсурд. Столько людей, массовая резня — все кругом должно просто смердеть! Но Райнер не чувствовал запаха крови.

— Как такое... — хотел он спросить, но Феррис жестом оборвала его на полуслове. — Чего?

Маг устремил взор туда же, куда и она: именно в том самом месте они наблюдали пришествие дракона. Но сейчас перед ними стояли двое, единственные живые среди царства мертвых.

— Эй, вы!

Те двое обернулись.

— Ах! Да это же офицеры расследования из Нельфы! — воскликнула девочка.

— Ой, здрасте, — поклонился им высокий мужчина, на вид сущий слюнтяй, — как дела?

Это были Суи и Куу, с которыми напарники уже встречались в нельфийской крепости. Помнится, они говорили, что Суи — писатель, и всюду ищет сюжеты для своего романа...

— Что за дела... — начал Райнер, но Суи также заговорил:

— Что тут случилось?

Райнер захлопнул рот. Потом все же издал:

— Вы-то здесь зачем?

— Чур, я расскажу! — как всегда громогласно встряла Куу. — Братец Суи кое-где слышал, что здесь объявился настоящий дракон, и все рванули посмотреть. Я-то знала, что все это — болтовня, и пыталась его отговорить, но он меня не послушал! Сказал, что тоже пойдет!

— Но, Куу, ты же сама хотела взглянуть на этого дракона, — неуверенно ответил тот, — и потом, ни один писатель-фантаст не пропустит такое зрелище...

— Брат, не ты ли мечтал заняться серьезной литературой?

— Нет-нет, недавно вот понял, что в этом я не мастак. А вот: «Дракон появился откуда ни возьмись и похитил принцессу...»

Куу закатила глаза:

— Надеюсь, дальше не будет избитых клише вроде отважного смельчака, который сразит дракона?

— Ах! — Суи впал в безыдейное отчаяние и весь словно остекленел. Сестра только вздохнула и больше не обращала на него внимания.

— В общем, когда мы пришли, тут уже был погром, кругом одни мертвецы... И как это понимать?

— Мы и сами не знаем.

Райнер пожал плечами и сделал шаг к ним навстречу... Но тут Феррис схватила его за руку.

— Э? — маг остановился. — В чем дело, Феррис?

В молчании она пристально разглядывала то место, где раньше был дракон.

— Феррис? — переспросил напарник, но та будто не слышала.

— А ведь вы без труда сможете все это объяснить, — произнесла она.

— А? О чем ты толкуешь? — не понял Райнер. — Что именно объяснить?

— Неужто еще не заметил? Вон же, у графомана на поясе — что за безделица?

— В смысле? — и Райнер взглянул, куда было сказано. Вмиг прищурился и тяжело вздохнул: — Вот же черт... Так, значит?

К поясу Суи был пристегнут уже виденный ими кинжал, выкованный из неведомого материала. Он-то, воткнутый в землю Райнером, и создал дракона.

Неожиданно Суи ухмыльнулся.

— Ой. Похоже, мы раскрыты. И все же, зачем мне перед вами оправдываться?

Теперь он совершенно не походил на себя: прежней рассеянности как не бывало. А когда Райнер взглянул на Куу, то увидел, что и она изменилась до неузнаваемости. Выглядела и старше, и серьезнее, и безжалостнее.

— Итак, — сказала Феррис, — вы убили этих людей? Отвечай или...

Ее рука легла на эфес меча.

— Умоляю... — нахмурился Суи, — угрозы вам не понадобятся, мы готовы ответить. Впрочем, вы и так уже много знаете, вряд ли мы что добавим.

— То есть мы, по-вашему, много знаем? — произнес Райнер, и тот кивнул.

— О да. С чего бы начать... Проще всего начать с той крепости. Уверен, если я скажу, что мы пришли туда за тем же, что и вы... Ну, забрезжило?

Глаза Райнера резко сузились:

— Я так понимаю, что и вы охотитесь за Реликвиями героев?

— Что?... А! Выходит, вот как их называют в Роланде. Весьма странный термин. Так на чем мы остановились? Ах да, в крепости мы не нашли ни одного Забытого осколка... Вернее сказать, ни одной Реликвии — в соответствии с вашей терминологией. Тогда-то мы и подслушали ваш разговор. У вас, Райнер, были «другие наводки на другие Реликвии», вот мы и...

— Следили за нами, — со вздохом продолжил маг, — позволили нам найти артефакт. Верно говорю?

— Да, верно. Как мы и предполагали, вы отыскиали Реликвию. Потом бросили, а уж мы подобрали. Словами не выразить, до чего мы признательны, — с улыбкой закончил Суи.

— Думаешь, это смешно? — Райнер вышел из себя.

— О, виноват. Я бы тоже не веселился, узнав, что меня использовали.

— Сейчас речь не о нас! А о людях, которых вы... убили... потому что они видели дракона... Но теперь никто не проболтается... И существование Реликвии останется тайной для всех...

Услышав это, Суи явно озадачился:

— О? Неужели вы злитесь из-за этого? Хотите сказать, вы бы так не поступили? Только так можно завладеть этой невиданной силой, сделать ее своей. А всех посвященных лучше убрать самим...

— Да пошел ты.

— Не рассчитывайте, что я замолчу, потому что уже поздно. Я охотно рассказал все это, зная, что вас в любом случае придется заткнуть. Вы теперь посвященные, а значит — должны умереть.

— Заткнуть... нас? — вырвалось у Райнера. — Так вы решаете свои проблемы — убивая людей? Да вы... вы всегда...

Тут Феррис за руку потянула его к себе, не давая броситься на них.

— Хм. Ваша позиция мне ясна, — произнесла она. — Но прежде чем вы умрете — ответьте на пару вопросов.

— Слушаю, — ответил Суи. А мечница незаметно толкнула Райнера в спину, шепча:

— Приготовься. Даю тебе время, пока заговариваю им зубы.

Райнер прищурился... Тогда Феррис спросила:

— Кто вы? Зачем собираете артефакты героев?

— А вы явно надеетесь выжить, — рассмеялся Суи, — поэтому задаете вопросы.

— Нет, — внезапно сказала она, — спрашивать больше нет нужды. Я и так знала, из какой страны ветер дует.

— Что?!

Стоило изумленному Суи воскликнуть это, как Райнер Лют, собрав силы, пустился бежать. В воздухе потянулась цепочка символов — заклинание магов-рыцарей Эстабула, подсмотренное с помощью Альфа Стигмы...

— Значит, в империи Роланд используют зачарованные письма... — отметил Суи. — Вся эта чужеземная магия не перестает меня удивлять...

— Этим контрактом я призываю ЗВЕРЯ ЗЛА, что дремлет в земле! — заклинание активировалось, и Райнер заметно ускорился. Он стремительно приближался к Суи, но тот даже не вздрогнул.

— О-о-о? Магия, повышающая физические качества? А ты быстрый... Очень быстрый, но... — Тут он отскочил назад и принялся особым образом скрещивать руки перед собой, сплетая светящуюся паутину: — Разгони тьму запада...

Но вдруг Суи по-давил-ся зак-ли-нани-ем. Ког-да он сно-ва взгля-нул на мча-щего-ся к не-му Рай-не-ра, то уже не улы-бал-ся.

— Что? Эти глаза... Алые пентальфы... Черт, носитель Альфа Стигмы?!

— Раньше надо было думать! — крикнул Райнер и принялся с точностью повторять жесты противника. Эстабульское заклинание помогло ему сплести паутину света еще быстрее: — Разгони тьму запада, яви свет со стороны востока!

— Тц... Видел лишь половину заклития, но скопировал все... — пробормотал Суи. — Мне казалось, обычная Альфа Стигма на такое не способна, тем более в дремлющем состоянии... Тут явно придется попотеть.

В тот же миг в него полетела стрела света, созданная Райнером; кроме того, Феррис с мечом наголо мчалась в бой и уже обгоняла напарника...

— Готова, Куу?

— Да.

— Нужна глухая защита!

— Есть.

И неожиданно перед Суи выросла ледяная стена. «Что?!» — завопил Райнер, увидев, как световая стрела разбилась об лед. Позади Суи раздался звон меча: похоже, молниеносная атака Феррис была парирована.

Райнер всерьез засомневался в увиденном. До этого очень немногим удавалось блокировать Феррис... если вообще удавалось. Но сейчас против нее насмерть стояла четырнадцатилетняя девчонка — Куу. Теперь-то она приумолкла, а в ее руках была огромная, больше самого Райнера, боевая коса, которой она и отвела удар Эрис.

Тогда шустрая мечница снова пошла в атаку, взмахнув оружием, — и вновь безуспешно. А затем Куу нанесла свой мощный удар, и в тот момент, когда лезвия столкнулись, посыпались искры, а вскрикнувшая Феррис была отброшена. И с какой силой!

Что, если она угодит в дерево или еще куда? Теперь ясно, отчего мертвецы в лесу были так изуродованы...

— О черт! — Райнер с воплем припустил за ней. Прямо на лету он поймал Феррис в объятия и камнем бросился вниз. Полет прекратился; напарники со всей силы ударились об землю и покатались кубарем. Меч Феррис вонзился в ствол дерева, ноги Райнера нашли опору для торможения — и только так удалось остановиться.

Это было что-то невероятное: мощь Куу во много раз превышала человеческие возможности. А ведь Феррис всего лишь пыталась поставить блок, но сила ответного удара оказалась столь высока, что Райнер еле успел на выручку. Они оба могли погибнуть от столкновения с первым же деревом, если бы не Феррис и ее меч. И все из-за Куу.

— О-о-о... че-е-ерт... — простонал Райнер: ну что за девчонка...

— Эй, — слышалось из-под него, — не самый удачный момент для сношения, как бы прекрасна я ни была. Мозгов, что ли, нет?

Услыхав это, Райнер опустил взгляд на лицо Феррис: надо же, как тесно они переплелись.

— Вижу, ты успеваешь не только драться, но и шутить?

Вряд ли она стала бы отвлекаться, зная, что уступает своим противникам. Но тут мечница выбралась из-под Райнера:

— Верно, как и всегда.

— Да неужели? Ну, а этих двоих раскатать тебе хватит времени?

— Да, — просто кивнула она. — Хотя, не окажись рядом ты, его мне хватило бы лишь на то, чтобы умереть.

Что ж, этим ему и пришлось удовлетвориться.

— Даже так... Какое совпадение. Должен сказать, что и мне хватило бы, — с этими словами Райнер устремил глаза вперед: эти двое, Суи и Куу, держались в отдалении.

Но Куу... Ее длинные косы редкого розового оттенка, и фигурка в юбке, больше похожей на платье, и не по возрасту сдержанная миловидность (теперь, в сочетании с молчаливостью и по

сравнению с прежней словоохотливостью, она стала еще заметнее)... И огромная коса в ее руке, не иначе как орудие самой смерти. «С этой косой мы намучаемся», — подумал Райнер. Синее лезвие было сделано из невиданного металла, материал для рукояти со странной витой гравировкой, похожей на цветочный узор, тоже не показался знакомым. Без сомнения, это была...

— Реликвия, — произнесла Феррис. — Эти ребята уже пустили их в дело.

— Шансы-то у нас есть, как думаешь? — спросил маг.

— Не знаю, а ты?

— С одной Куу мы бы с легкостью справились, но представь, что они атакуют вместе... Похоже, коса чертовски увеличивает ее физическую силу, — тут Райнер нахмурился. — Черт, вот так задачка... Неужели это и впрямь оружие легендарного героя? Ни в одном предании я его не встречал... И потом, ледяную стену тоже воздвигла коса. Она же заморозила тела жертв, предотвратила кровотечение... если можно так выразиться.

— Хм. И еще: эта сила куда опаснее, чем может казаться. От ударов мой меч будет обмерзать и становиться все тяжелее. К тому же, температура воздуха падает, а с ней — и моя скорость.

— Да уж, весьма практичный артефакт. Ситуация ясна. Ладно, забудем о Суи, сосредоточимся на Куу. Прикрываю огненной магией и ищу для тебя способ вывести из строя косу. Как тебе?

— Должно сработать.

И тогда Райнер и Феррис взглянули в упор на своих врагов.

— Ну? Обсудили свой план? — обратился к ним Суи.

— Более или менее, — Райнер пожал плечами.

— Вот и отлично. Большая редкость встретить носителя Альфа Стигмы. Уж до чего ценная штука — не хочется проворонить. Так что сначала кристаллизую, а затем выну ее из тебя.

— Чего? А ну-ка постой, — яростно выпалил Лют, — что значит — кристаллизуешь? Что тебе известно об этих... глазах? Об Альфа Стигме?

Суи заметно удивился:

— Странно, что ты, владея Альфа Стигмой, ничего не знаешь о кристаллизации. А как насчет этого?

У Суи в руках оказался мешочек, из которого он вынул что-то похожее на цветной драгоценный камень. Он поднял камень повыше, показывая Райнеру.

— Это кристалл. О них ты тоже не знал?

— Сказал же... Знал бы — не спрашивал! — сорвался Райнер на невольный крик. Этому человеку было известно об Альфа Стигме больше, чем Райнеру. Из-за нее его боялись, ненавидели, проклинали... Из-за нее называли монстром. Он никому не хотел причинить вреда, но все равно убивал... из-за нее...

«Я... Кто же я такой?» — мучился Райнер.

Тот, кто мог подсказать ответ, стоял в нескольких шагах от него. Райнер взглянул на Суи, и тот радостно рассмеялся:

— Куу, похоже, они ничего не знают.

— Верно, — ответила сестра.

— И даже о том, что это — Забытый осколок... Теперь ясно, отчего они бросили его здесь.

— Верно, — все так же монотонно произнесла она. Казалось, девочка начисто лишилась эмоций и превратилась в бездушное подобие человека. С подобным кукольным выражением личика она переплюнула даже Феррис. Как будто ледяная коса заморозила сердце Куу...

— Вы явно за дурака меня держите... — сказал Лют. — Я вам...

Но тут его осадила Феррис:

— Райнер, успокойся. Мы можем поговорить об Альфа Стигме позже. Сейчас надо...

— Все помню! Но ведь...

— ...просто победить. Если совладаем с Куу, то легко перехватим Суи. Тогда он расскажет все, что знает об Альфа Стигме.

— Да... Ты права. Нужно действовать быстро.

С этими словами Райнер выскочил вперед. Но Суи вдруг произнес:

— Что ж, позволь показать кое-что интересное... Вот как пользуются ненужным вам артефактом: он предназначен для «видоизменения»...

Сняв с пояса кинжал, Суи воткнул его в свою правую руку. Конечность задержалась, послышался громогласный рев: «А-а-а-а-а-а-а-а-а-ар-р-р-р-р-р-р!»

В тот же миг рука перестала быть рукой: из нее выросла чешуйчатая морда с пастью, полной острых клыков, и налитыми кровью глазами... Дракон. Рука Суи превратилась в дракона.

Стоило Суи направить его на окружающий лес, как деревья вмиг охватило пламя.

— Вот как он действует, — сказал мужчина, — это оружие испепеляет цель по желанию владельца. У земли нет воли, так что дракон, выросший из земли, был абсолютно безвреден. Итак, начнем, пожалуй? Но сперва должен предупредить, что этот артефакт куда опаснее Косы Айлекроно, принадлежащей Куу. Все, как я и предполагал...

Услышав это, Райнер и Феррис переглянулись.

— Блин, — выдавил маг, — теперь наши шансы...

— ...равны нулю. Отступаем.

Он не ответил.

— Райнер!

— Да знаю я!

И напарники дали деру. Она рассчитывали, что им удастся уйти от погони и отсидеться в глухом лесу... Но тут Суи снова открыл рот.

— От меня вам не улизнуть. И вас, Райнер, это касается в первую очередь... Что ж, пора приступить к кристаллизации Альфа Стигмы. — Он достал драгоценный камешек и метнул высоко в воздух: — Резонанс!

Все перевернулось в мгновение ока.

Райнер остановился как вкопанный. «Бежим скорее», — окликнула его Феррис, но напарник словно оглох.

— А... А-а... Чт... — постепенно в глазах побелело, все затуманилось... Он не мог понять: то ли кругом вдруг стало белым-бело, то ли в его сознании...

«Всё... всё...»

— Эй, Райнер, что такое?

«Кто здесь... Феррис...» Или... Нет... Это... же...»

Разум медленно покидал его. Смерть дохнула в затылок, но Райнер даже не вздрогнул. Он ничего не чувствовал. Все, что казалось важным, теперь не имело значения.

«Нет, нет... Все совсем не...»

Ты жаждешь этого.

Хочешь все стереть.

— Что ты сделал с Райнером? — спросила Феррис у Суи.

— Ха-ха! Это и есть кристаллизация. Если Альфа Стигму не пробудить, то кристалл из нее не получится.

— Пробудить? Что это значит?

— А ты не знала? Причину, по которой все ненавидят носителей Альфа Стигмы... И зовут безумными дьяволами... презренными палачами...

Похоже, что Райнер слышал каждое слово.

Какая разница...

«Нет... Я...»

Все бессмысленно...

Райнер обхватил руками голову, стиснул в отчаянии, чувствуя, как сознание угасает.

— А-ах... Фе... Ф-Феррис... беги... скорее...

— Что с тобой происходит?

— Спасайся... Ты не... не должна... видеть меня... таким... Я... чудовище... Не хочу... чтобы ты... погибла... Ах...

Но в тот же миг все исчезло. Чувства Райнера обострились донельзя и прояснились: перед ним мелькали структуры всего на свете, выраженные в числах, символах, функциях...

Люди умирают.

Но тебя это не касается.

Нужно покончить с этим. Стереть все и вся.

Ты сам этого хотел.

Освободи. Откройся. Убей... всех.

Убивай, пока все они не исчезнут с глаз долой...

— Ах... Ах-ха-ха... — смех вырвался против воли. Но что с того? Все утратило смысл. В голове окончательно помутилось.

Какая мука... Так почему бы всем не умереть?

— АХ-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА! — безумно расхохотался Райнер.

— А вот и знак, что носитель потерял контроль, — сказал Суи спокойным голосом. — Она пробудилась.

— Вы... — рыкнула Феррис, увидев это, — вы что с Райнером сотворили?

Но Суи лишь рассмеялся:

— Нет больше вашего Райнера. Все, что делало его собой, исчезло, стоило Альфа Стигме вырваться на свободу. Он никогда уже не вернется. Только и будет, что неистовствовать, сеять хаос и разрушение. Но еще до того мы убьем его и получим кристаллы...

Тут глаза Райнера распахнулись: их украшали пентальфы. И еще пентальфы. И еще... Они постоянно приумножались, пока вдруг одна из них не оказалась выпущена, устремляясь к Суи. Но тот произнес:

— Не сработает. Нам уже доводилось иметь дело с Альфа Стигмой. Она ничтожна, пока у меня есть этот Забытый осколок... — И он снял с головы свое украшение, взмахнул им: — Гребень Элемио своей божественной силой развеет все твои атаки!

Мощная магическая волна взметнулась в сторону Райнера... но пентальфу не остановила.

— Э?.. — стоило Суи удивленно вздохнуть, как полностью поглотившая магию пентальфа наложилась на гребень в его руке.

— Анализирую сущность, — произнес голос с неба. — Исчезни, насекомое.

Гребень обратился в пыль. Но это не все: рука Суи... она постепенно крошилась, начиная с кончиков пальцев — словно песок.

— Это... что за... А-а-а-а-а! — завопил он. Правая рука-дракон немедленно вцепилась зубами в дробящуюся левую и откусила напрочь. Суи стонал, весь скривившись.

— Жив, братец Суи? — голос Куу до сих пор казался совершенно безжизненным.

— Д-да... пока еще... Рану прижиг, чтобы не истечь кровью... Но... — он поднял голову и робко взглянул на Райнера. — Этот парень... К-кто он на самом деле? Он не обычный носитель Альфа Стигмы? Такая мощь... И голос ниоткуда... Но что он говорит! Абсолютно не похож на других...

В этот миг с небес снова слышалось:

— Убить меня? Этими трюками? Меня? Ты думал, жалкой силы Гребня Элемио хватит, чтобы меня остановить? Мелкие букашки, ползающие по земле — и вы говорите об убийстве? Ах-ха-ха! Ах-ха-ха-ха-ха! АХ-ХА-ХА-ХА-ХА! Исчезните. Сгиньте. Убирайтесь. Все — ничто. Вернитесь в пустоту.

Голос вещал; Райнер поднял руку — такая же пентальфа сияла в руке, как и в его глазах.

— Надо бежать Куу! Сейчас же! — крикнул Суи. — Это не Альфа Стигма! Что угодно, но...

Куу подхватила брата прежде, чем он закончил, и опрометью бросилась прочь с небывалой скоростью. Едва они исчезли, как все вокруг было уничтожено. Лес, земля, даже воздух рассеялись без остатка, словно их не существовало.

Все это обернулось в ничто.

В руках Райнера была невероятная сила... Суи и Куу удалось скрыться, но голос по-прежнему звучал:

— Можете бежать куда угодно — все вы вернетесь в пустоту. Альфа приносит уничтожение. Ничего не даю. Никого не благословляю. Никого не спасаю. Только стираю. В пыль.

И после этого разрушение было не остановить. Пентальфы были устремлены повсюду и повсеместно, и всякий раз от мира откалывались куски. Деревья, скалы и мертвецы исчезли без следа.

Но...

Среди этого хаоса все еще находилась Феррис. Бежать она явно не собиралась: вложив меч в ножны, девушка смотрела на Райнера. Именно на него, сеющего разрушение.

— Эй ты, — сказала она неуправляемому безумцу, — кто ты такой?

Обернувшись, Райнер взглянул на нее, и голос с неба ответил:

— Ха-ха-ха-ха! Бог. Дьявол. Нечисть. Герой. Чудовище. Зови как хочешь. Все равно ты исчезнешь.

Райнер поднял руку с этой невероятной мощной пентальфой... Указал ею на Феррис. Один взмах — и все будет кончено. Пентальфа не оставляла шансов.

Но Феррис, как ни странно, оставалась спокойна и не встревала в бой — только смотрела. Смотрела, не отводя взгляда.

— Этот Суи, похоже, был удивлен, — сказала она, — что ты не просто носитель Альфа Стигмы. А вот я нисколько не удивилась.

Тут пентальфа наконец сорвалась с пальцев Райнера, и мечница прыгнула в сторону, уворачиваясь. Там, где она стояла секунду назад, теперь не было ничего.

Феррис взглянула туда и добавила:

— Да, нисколько. Ты не такой, как другие носители — я всегда это знала. Потому что ты... не чудовище, но гораздо хуже: ты — легендарный маньяк. Мало того, что озабоченный, так еще и ни к черту негодный бездельник.

И вновь пентальфа низринулась в сторону Феррис, да не просто в нее, а во все стороны разом. Намеренно, чтобы кругом все гремело, и нигде не было спасения для Феррис. Если так будет продолжаться, то рано или поздно ей настанет конец.

Феррис не могла подобраться ближе, поэтому продолжала смотреть на напарника.

— Раньше я не говорила, но Сион показывал мне твой доклад, и вот что я прочла на первой странице: «Люди не любят умирать и убивать не любят тоже. Они не любят заставлять плакать других, и сами не любят плакать. Что чувствуешь, когда не можешь выбрать между двумя жизнями — своей и чужой? А что, когда умирает семья? Или когда умирает любимая?»

Тут она снова уклонилась от всесильной пентальфы и спокойно продолжила:

— Когда я прочла это, то решила, что автор, должно быть, полный идиот. Раз он ненавидит, когда-то кто-то умирает, и считает, что никто не любит убивать — значит, он слаб и боязлив, и слишком устал от жизни.

Пентальфа — прыжок в сторону — и Феррис произнесла:

— У такого человека не хватит духу меня убить. Вот что я думаю.

Прыжок.

Феррис взглянула на Райнера со всей прямоотой.

— Эй, Райнер... Ты ведь хотел идти вперед? Тебе разве не надоело, что люди зовут тебя монстром? И не ты ли решил, что больше никто не погибнет? Я избежала твоих атак уже пять раз. Но теперь с места не сдвинусь. Дальше решай сам. Я не считаю тебя чудовищем. Понял? Ты не чудовище. Ты — мой напарник, слуга и собеседник за чашкой чая. И вовсе никакой не монстр. Слышишь, Райнер?

Казалось, что Райнер откликнулся на ее голос: он поднял руку... и протянул ее к Феррис раскрытой ладонью, в которой алела пентальфа.

Тогда Феррис заорала что есть мочи:

— Ты слышишь меня, Райнер?!

И рука его дрогнула. Нет, он дрожал всем телом, дрожал нескончаемо...

— Ах ты... — голос с небес как будто саднил. Но тут Райнер открыл рот и произнес столь же мучительно, но осознанно:

— Черт... возьми... З-заткнись... Твое время... вышло... Прости, Феррис... Умоляю... закрой мне глаза...

Она легонько улыбнулась и в тот же миг очутилась подле него. Ее ладонь накрыла глаза Райнера.

Тогда он рухнул к ее ногам: у него не осталось сил, он не мог даже говорить.

Феррис тоже ничего не говорила.

Они оба молчали.

Садилось солнце: когда-то его лучи окутывали лес, не в силах разогнать сумрак среди деревьев. Но теперь вокруг не было ни одного дерева, и поэтому стало светло.

Райнер по-прежнему лежал на земле.

— Я... Значит, я все-таки пытался убить тебя... — сказал он. — Хах. Вон он — настоящий я. Всеми презираемый изгой. Чудовище, которое может только убивать. Но больше я не хочу убивать своих близких. Поэтому... возвращайся в Роланд. Ты все объяснишь Сиону, и он не станет тебя винить. Это путешествие окончено.

Но ответа он не получил. Ее вообще не было рядом.

— Эй... Ты еще здесь?

Райнер поднял голову... и тут чья-то нога заставила его приложиться затылком об землю.

— Ай! Ты что твори... А-а-а-ай! — не успел он закончить, как нога еще сильнее вдавила его голову в землю.

— Чудовище, которое может только убивать? — слышалось сверху. — И кого же?

— А? Послушай, то, что ты уцелела — это чистого рода везение... Ты ведь...

— И не рассчитывай. Если бы ты и вправду хотел убить меня, то так бы и сделал. Но безумец с пентальфами, сотрясающий небо и землю, казалось, нарочно играл со мной в поддавки. Ты знаешь, что это значит. Трус, который и женщину-то не смог убить, называет себя чудовищем? Не смеши меня.

— Нет... Нет, я же...

Но Феррис снова его не слушала.

— Еще не усвоил? От меня так просто не избавиться. А будешь жаловаться — отрублю тебе голову.

И он услышал звон обнаженного меча...

— Ты чего?! Ты серьезно, что ли?! — вскинулся Райнер.

— Конечно, ведь я — не ты. Мне-то тебя убить труда не составит. Могу показать наглядно, чтобы поверил.

— Да к черту такую наглядность!..

Вполне обычный вопль — и обычный Райнер. Он мягко улыбнулся.

— Хм, — сказала Феррис, стоя над ним. — Пойду приготовлю чай, чтобы охладиться.

Так просто...

— Было бы здорово... — ответил он, поднявшись на ноги. — Но я бы предпочел сначала убраться из этого леса, если не возражаешь...

— Хм, — согласилась она, — чаепитие можно устроить где-нибудь еще.

Не дожидаясь Райнера, она двинулась восвояси. Он неспеша поплелся следом:

— Эй... Эй-эй, не надо... Не гони так. Я... немного устал...

Но вдруг Феррис вздумала перебить его:

— Райнер.

— Что?

Маг вскинул голову, и мечница неожиданно обернулась.

— Хорошо, что ты вновь со мной.

Как всегда, он слабо кивнул. И ответил ей:

— Да... Я вернулся.

Пролог II ...но они продолжают спать

Когда на твоих плечах счастье, любовь и радость, горе, ненависть, злоба... Главное — не останавливаться. Ничто не может существовать без дальнейшего продвижения. И выбора нет: нужно жить дальше.

Выбора нет. Нужно идти вперед.

Он многое потеряет, однако продолжит путь.

Но неужели... истина именно в этом? И почему важно именно это? Несмотря на возникшие трудности, уже скоро придется принять решение. Времени остается все меньше. Пока еще он живой... Но только пока.

...

С королевского трона Сион глядел на стоящего перед ним Фроаде и пожимал плечами.

— Касаемо эстабульского мятежа... Клаусберр, Криад, словом, все вовлеченные в дело дворяне, за исключением Стеарида — мертвы?

Полковник улыбнулся и кивнул головой:

— Они храбро сражались. С их точки зрения, солдатне нельзя было доверять спасение Роланда,

ввиду этого знатные господа предпочли вступить в бой и умереть с честью.

Услышав столь искусную ложь, король потерял дар речи. Он прекрасно знал, что Фроаде впутал в войну Глиада, Луазона и Берила, а потом сам же убил.

— Фроаде, тогда зачем было щадить Сталлиса?

— Барон Сталлис еще до войны принял мою сторону и может оказаться полезным. Но предательство есть предательство... Вскоре расправимся и с бароном.

— Ты убьешь его, как только надобность в нем отпадет?

— А почему нет? Если оставить его в живых, то однажды он навредит моему королю. Быть может, убьет близкого вам человека... Такого же, как Фиоле Фолкал.

На что Сион мог только ответить:

— Правильно... Займись Сталлисом лично.

— Положитесь на меня, — улыбнулся Фроаде. — Однако... именно о таком короле я всегда мечтал.

— Что ты сказал?

— Ничего... — он отвернулся. — Прошу меня извинить.

Как только Фроаде покинул тронный зал, сюда вошли Клаус и важная персона, недавно влившаяся в ряды Сиона. Тот вдруг понял, отчего Фроаде спешил уйти: не хотел пересечься с красавицей Ноа Эн.

Глядя на нее, Сион произнес:

— Эх, Клаус, Клаус... Надеюсь, ты не додумался водить леди Ноа по злочным местам?

— А? Что ты имеешь в виду?

— Именно то, что имею в виду, — рассмеялся король. — Прошу, неставляй Роланд в дурном свете...

— А похоже, что могу выставить?! — рявкнул Клаус.

— Ваше Величество, — мирно произнесла Ноа, — генерал-майор Клом показал мне ваши владения. Вчера даже взял с собой в бар, где танцовщицы раздеваются...

Секундная тишина.

— ЧТО?!

— КЛАУС!!

Ноа лишь улыбнулась, услышав их вопли.

— Конечно же, это неправда. Вам не о чем беспокоиться.

Так значит... Сион снова засмеялся.

— Я рад, что в Роланде вы освоились.

— Да. Я вовсе не ожидала, что людям здесь живется настолько счастливо. И все это только благодаря вашему упорному труду.

— Что вы, до этого еще далеко...

Она мельком взглянула на короля и сказала:

— Хорошо, что Ваше Величество так считает. Потому как империя — ваша радость и гордость, иначе мне с вами не о чем было бы говорить.

А Сион увидел в ее глазах серьезное выражение. Находясь здесь, леди Ноа несла свое бремя, и он понимал, для чего. «Весьма одаренная личность, — так отзывался о ней Фроаде, — твердая, стойкая, рассудительная. Хотел бы я видеть Ноа Эн вашей наложницей, мой король, чтобы она могла подарить вам наследников. Это способствовало бы слиянию Роланда с Эстабулом независимо ни от чего... Да и в случае вашей кончины страна не останется без короля», — добавил он.

Серьезные глаза Ноа соответствовали этому мнению. Она забавлялась как ни в чем не бывало — и это после всего! Она не сдавалась, уверенно шла вперед — после стольких лишений...

И даже Фроаде, который отнял у нее все... Даже ему она улыбалась.

«А она с характером, — подумал Сион, глядя, как Ноа беседует с Клаусом. — И, похоже, не быть ей моей наложницей, как бы Фроаде того ни хотел».

Он пожал плечами и рассмеялся.

— Только не надо так на нас смотреть, — сказал ему Клаус. — Меня сейчас вырвет.

— О нет, мне кажется, что вы с леди Ноа поладили. Я и подумал, как было бы замечательно...

— А? Да о чем ты вообще?

Услышав это, Ноа произнесла:

— Ох... Вижу, мое общество вам неприятно?

— Что? Нет-нет, я не это имел в виду... Сион, вот скотина!

Король все смеялся.

— Что ж, коль тебе нечем заняться, так займи чем-нибудь леди Ноа. Ну, что уставился, Клаус? Ты же знаешь, у меня много работы.

— Да знаю я, вот же ворчун. Прошу вас, Ноа.

— Благодарю.

И они удалились, мило беседуя. Заметив улыбки на лицах этих двоих, Сион всерьез опечалился.

— Людям здесь живется настолько счастливо... Неужто? — пробормотал он уже в своем

кабинете и занялся чтением документов, которые всучил ему Фроаде. Вскоре он обратил внимание на письмо от Райнера, доставленное Ирис. Читая письмо, сидящий на стуле Сион немного расслабился. Он выглянул в окно, и та мысль вновь посетила его...

Выбора нет: нужно жить дальше.

Выбора нет. Нужно идти вперед.

Но неужели истина именно в этом? И почему важно именно это? Несмотря на возникшие трудности, уже скоро придется принять решение. Времени остается все меньше. Пока еще он живой... Но только пока.

А люди смеются и плачут — и, значит, пора что-то решать.

— Проклятье... — выругался Сион, одиноко сидя в своем кабинете.

...

В то же время Райнер и Феррис по-прежнему находились в нельфийском городке, в ожидании Ирис с новостями от короля став заведомо гостиничной столовой. Райнер полдничал, и хотя до вечера было еще далеко, его явно клонило в сон.

— Знаешь, Феррис, — вяло произнес он, — лично меня все это задолбало. Уже думаю, как было бы здорово остаться здесь, есть-спать в свое удовольствие...

Феррис сидела рядом, смакуя данго.

— Да, я тоже, — ответила она. — А я бы наслаждалась данго и посещением ярмарок.

— Да только не выйдет, похоже...

— Хм. Верно. Взгляни правде в глаза: нам не хватает средств. Носильные вещи, провизия, проживание, данго — четыре жизненно важных потребности, и о них придется забыть, если Сион не вышлет нам денег.

— Прости, конечно, — перебил ее Лют, — но у меня вопрос.

— Я слушаю тебя, Райнер.

— Насчет шмоток, еды, ночлежек — не спорю, без этого никуда. Но... данго?

— Само собой. Как вообще люди могут обходиться без данго?

Перед лицом столь сильного убеждения Райнер спасовал:

— Эй, да я же не против! Все равно ты не могла ответить иначе. Я лишь хотел удостовериться. Так как вместе нам нужно придумать план, чтобы и дальше прохлаждаться, верно я говорю?

— Да. Что ж, продолжим. Во всем виноват Сион, он и есть главная проблема. Предлагаю отрубить ему голову и похитить все его денежки. Твое мнение?

— Ух ты, чудная идея. Только пока доберемся до Роланда... Лучше поднапрячь Ирис, чтобы сама подкинула денег.

— А, ну да. Можно и так.

Снова они праздно беседовали в тишине и покое. Только здесь можно побыть вдалеке от сражений. Разве не лучше есть, спать да спокойно жить? Разумеется, гораздо лучше.

Однако... спокойствию приходит конец.

— Тетушка, это снова мы-ы-ы!

— Ах! — воскликнула хозяйка гостиницы. — Спасибо, что еще раз зашли!

И она побежала к стойке регистрации у входной двери. Казалось бы, ничего странного в этом не было... Но Райнер нахмурился и обменялся взглядами с мечницей.

— Ну зачем? Зачем их нелегкая принесла?

— Хм. Должно быть, твоя кара за дурное поведение...

Но последних слов он не услышал из-за оглушительного «бабах!» — дверь в столовую распахнулась.

— А-а-а-а! — раздался вопль. — Да это же Райнер!

— Чт... Это что — Милк? И весь ее отряд здесь?

— Люк, Муа, Лир, Лах, я нашла Райнера! Арестуйте немедленно и его, и эту смазливую!

— Принято!

— Да что здесь прои... А-а-а-а! — заорал маг, улепетывая от Милк через всю столовую. Феррис совершенно спокойно отсела в сторонку.

— О, подошло время специальных скидок на данго. Всех благ, Райнер.

— Бросишь меня одного и свильнешь?!

Но...

— Пусть не надеется! Призываю удар грома...

— Ты... Здесь замкнутое помещение! Не смей швыряться боевыми заклинаниями!! НЕТ!..

Так, на фоне сложных противоречий, проходили их мирные — можно сказать, что мирные — дни.

Но в то же время их мир начинал меняться. Через медленное, очень медленное продвижение...

Мир подталкивал их, и им оставалось только идти вперед. Стремиться дальше. Нести мир на своих плечах.

Они могли горевать о прежней спокойной жизни... Но то было раньше — теперь появился путь.

Перевод:

[https://www.baka-tsuki.org/project/index.php?title=Densetsu_no_Yuusha_no_Densetsu_\(Russian\)](https://www.baka-tsuki.org/project/index.php?title=Densetsu_no_Yuusha_no_Densetsu_(Russian))

<http://tl.rulate.ru/book/7298/135431>